

DOCENDO DISCIMUS

ИСТОРИК И ЕГО ДЕЛО

СЕРИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.Е. МАЙЕРА

Выпуск 9

**Ижевск
2011**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Исторический факультет
Кафедра истории древнего мира и средних веков

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
Ижевское отделение

ИСТОРИК И ЕГО ДЕЛО

СЕРИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.Е. МАЙЕРА

Материалы республиканского круглого стола

**«ПРОФЕССОР ВАСИЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАЙЕР
И ИЗУЧЕНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ УДМУРТИИ»**,
посвященного 80-летию Удмуртского государственного университета

Выпуск 9

Ижевск
2011

УДК 94(470.51)-05
ББК 63.3(2Рос.Удм)6-8я43
И 901

Печатается по решению
кафедры истории древнего мира и средних веков,
научно-методического совета исторического факультета УдГУ

Редколлегия:

канд. ист. наук, доцент **Н.Г. Шишкина**
канд. ист. наук, доцент **Н.Ю. Старкова**
канд. ист. наук, доцент **Д.А. Черниенко** (отв. ред.)
аспирант **А.Л. Туркевич**

И 901 Историк и его дело (Серия памяти профессора В.Е. Майера):
Материалы республиканского круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвященного 80-летию Удмуртского государственного университета / Под ред. Н.Г. Шишкиной, Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко, А.Л. Туркевича. – Вып. 9. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2011. – 112 с.; илл.

В сборник включены материалы Республиканского круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии» (20.09.2011 г., с. Новый Мултан), посвященного 80-летию Удмуртского государственного университета, в котором приняли участие преподаватели и сотрудники УдГУ, краеведы, историки-архивисты, представители Администрации и школ Увинского района Удмуртской Республики. Основное внимание было посвящено «увинскому» периоду жизни В.Е. Майера, а также проблемам образования и культуры в Увинском районе.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов исторических факультетов высших учебных заведений и всех интересующихся историей родного края.

ISBN

© Коллектив авторов, 2011
© Удмуртский государственный университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Старкова Н.Ю.

Исторический факультет УдГУ в год восьмидесятилетнего юбилея:
традиции и новации..... 5

Мельникова О.М.

История Удмуртии, локальная история, историческое краеведение:
проблемы развития регионального знания (к постановке проблемы)..... 11

Шумилов Е.Ф.

Просветители Увинского края..... 17

Матюшин П.П.

Новомултанская школа: история и настоящее 22

Отец М. Пислегин

Новый Мултан: начало научно-педагогической
деятельности В.Е. Майера..... 25

Ворожцов С.С.

Профессор В.Е. Майер и Удмуртия: нить, связавшая судьбу..... 27

Пудов А.И.

Развитие образования и сферы культуры в Увинском районе
в годы Великой Войны..... 33

Леконцев П.В.

Невольники войны..... 37

ЧИТАЯ В.Е. МАЙЕРА

Шишкина Н.Г.

Ученый. Эпоха. Память..... 48

Шапран И.Г.

К вопросу об источниковой базе для создания аналитической
биографии В.Е. Майера..... 53

Безносова О.М.
Фонд Василия Евгеньевича Майера в ГКУ «Центр документации
новейшей истории Удмуртской Республики»..... 59

Останина Т.И.
Материалы профессора В.Е. Майера в фондах Национального Музея
Удмуртской Республики им. К. Герда 67

Мерзлякова Л.В, Савельева М.Г.
Профессиональная педагогическая этика и культура преподавателя
вуза: взгляд современников на опыт В.Е. Майера..... 74

Лукина С.Г.
Профессор В.Е. Майер об изменениях в социальной структуре
крестьянства позднесредневековой Германии..... 76

Туркевич А.Л.
Научные связи профессора В.Е. Майера (по переписке и автографам).. 81

Бондарева Е.О.
Природно-географический фактор в исследованиях В.Е. Майера:
к постановке проблемы88

Макаров Л.Д.
В.Е. Майер о вопросах религии и атеизма
(предварительные наблюдения)..... 94

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ: ВОСПОМИНАНИЯ О В.Е. МАЙЕРЕ

Орлова А.И.101

Благодатских А.А.104

Любимова Е.А.105

Русских Е.М. 106

Субботина Г.П. 106

Ситников В.Ф.107

Сведения об авторах.....108

Требования к публикации..... 111

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ УдГУ В ГОД ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Н.Ю. Старкова

Удмуртский государственный университет

В 2011 г. Удмуртский государственный университет отмечает свой юбилей. Оставаясь классическим университетом, он вобрал в себя научный, образовательный и культурный потенциал, во многом определяющий в настоящее время «лицо» Удмуртской Республики. В славной истории университета первенство во многих начинаниях по праву принадлежит «факультету № 1» – историческому факультету.

Исторический факультет был основан в 1931 г. и является старейшим в вузе и Удмуртии. Здесь работали такие замечательные педагоги как профессор В.Е. Майер, профессор Б.Г. Плющевский, профессор М.М. Мартынова, профессор А.А. Суханов. Они, будучи коллегами, внесли свой заметный вклад в формирование научно-образовательных традиций истфака, заложив основы интеллектуальных традиций факультета. Плеяду наших Учителей составили такие уникальные специалисты как антиковеды Е.А. Миллиор и Н.С. Талашова, один из самых известных краеведов А.А. Александров, историки социально-экономического направления А.Н. Вахрушев, А.А. Бабинцева, Н.И. Хитрина и многие другие.

Так, главным объектом исследований Б.Г. Плющевского была общероссийская проблематика. Сфера его научных интересов – социально-экономическая история России в первой половине XIX в., историография отечественной истории, философия и методология истории. Он подробно изучил историю русского крестьянства эпохи позднего феодализма. Своими изысканиями Б.Г. Плющевский продолжил традицию фундаментальных работ по истории «народных масс», истории крестьянства, истоки которой восходят к либеральной историографии XIX века. Особое место в истории факультета занимает Заслуженный работник народного образования Удмуртской Республики, к.и.н., Почетный профессор УдГУ М.М. Мартынова. Основная исследовательская проблематика М.М. Мартыновой – аграрные отношения в Вятской губернии XIX – начала XX вв. и удмуртская община (бускель). Вся научная деятельность А.И. Суханова была связана с УГПИ-УДГУ. Это ведущий специалист по

истории рабочего класса и «культурной революции» в СССР. Краеведческие издания профессора до сих пор пользуются спросом в школах и вузах республики.

Современный вид научной работе придала деятельность доктора исторических наук, профессора В.Е. Майера, специалиста по истории средневековой Германии. В.Е. Майеру исторический факультет обязан развитием интереса к всеобщей истории, в первую очередь к истории средневековой Германии, к изучению проблем источниковедения и историографии, вниманием к истории зарубежного искусства и многим другим. Заложенные им традиции преподавательской и научной работы сохраняются на факультете и поныне.

Многие из действующих преподавателей факультета являются учениками перечисленных авторитетных историков. Новые поколения студентов, аспирантов и преподавателей продолжают изучать их труды и стремятся следовать по проложенному ими пути в преподавании, и в научных исследованиях.

Особую роль в сохранении и изучении научно-педагогического наследия В.Е. Майера играет коллектив кафедры истории древнего мира и средних веков во главе с Н. Г. Шишкиной, которая ведет систематическую работу в этом направлении. Конференции и публикации, выставки и круглые столы – далеко не полный перечень форм работы кафедры. Неслучайно и деятельность самой Н.Г. Шишкиной получила самую высокую оценку, в 2006 г. она удостоена высокого правительственного звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Хотелось бы остановиться подробнее на традиции проведения «Майеровских чтений». Кафедральные чтения с участием студентов второго курса, изучающих историю средних веков, традиционно устраивались еще самим профессором В.Е. Майером с середины 1970-х гг., позже его идея была подхвачена и развита кафедрой истории древнего мира и средних веков. По инициативе д.и.н., профессора В.Е. Владыкина чтения обрели иной статус на факультете и в университете в целом. Он сам неоднократно рассказывал о годах работы с Василием Евгеньевичем. На чтениях выступали также коллеги В.Е. Майера со своими размышлениями о времени совместной работы, заслушивали доклады аспирантов и студентов, интересующихся проблемами истории древнего мира и средних веков.

Для большинства выпускников, преподавателей и студентов факультета «Майеровские чтения» оказались школой научного творчества, местом публичных дискуссий по вопросам всеобщей истории. По результатам чтений кафедра готовит сборники научных работ, объединенных в серию «Историк и его дело». Для исторического факультета «Майеровские чтения» сегодня – один из важнейших путей приобщения молодежи

к миру интеллектуальных занятий и академической науке. В 1998 г. впервые по результатам чтений был сформирован тематический сборник в рамках серии «Вестник УдГУ», в котором высокую оценку научно-педагогическому труду В.Е. Майера дали д.и.н., профессор В.Е. Владыкин и к.и.н., доцент Н.Г. Шишкина.

В декабре 2003 г. состоялись «Майеровские чтения», посвященные 85-летию со дня рождения В.Е. Майера, в рамках которых была открыта мемориальная аудитория с информацией о традициях изучения всеобщей истории в УдГУ и персональном вкладе профессора В.Е. Майера. «Майеровские чтения» 2004 г. можно считать новацией, поскольку они носили проблемно-тематический характер и проводились на республиканском уровне. Конференция под названием «Российские немцы: история и современность» привлекла к себе внимание не только академической общественности, но и национально-культурного объединения немцев Удмуртии «Wiedergeburt». Гостем конференции был член Совета Федеральной национально-культурной автономии «Российские немцы», координатор организации «Breitenarbeit» по Уральскому региону, к.пол.н., доцент О.Ф. Штралер. По итогам конференции на заключительном заседании участниками единогласно была принята резолюция, в которой обозначены стремление к дальнейшему всестороннему развитию германских исследований в УдГУ, в частности, на историческом факультете.

В декабре 2008 г. в УдГУ впервые была проведена конференция под эгидой Российского общества интеллектуальной истории (РОИИ) и Института всеобщей истории РАН. Она была приурочена 90-летию со дня рождения В.Е. Майера, в заседаниях приняли участие представители многих региональных отделений РОИ. В ходе нее четыре секции, включая как доклады по историографии, так и конкретно-исторические штудии, в том числе и по изучению проблем истории и культуры Германии.

Российское общество интеллектуальной истории было создано в ноябре 2001 г. по инициативе ИВИ РАН и является общественным объединением, содействующим изучению проблем исторического прошлого. Само выражение «интеллектуальная история» означает, в том числе, историю интеллектуалов, то есть людей, которые создавали, обсуждали и пропагандировали различные идеи. В отличие от истории философии (соответственно: науки, литературы) и от истории идей, с которыми она тесно связана, интеллектуальная история изучает идеи через культуру, биографию и социокультурное окружение их носителей. Для достижения своих целей Общество проводит всероссийские и международные конференции, симпозиумы, круглые столы, способствует продвижению тематики интеллектуальной истории в учебных программах российских вузов, межуниверситетскому обмену профессорами и преподавателями, осуществляет издательскую деятельность. Общество действует в 36 регионах

Российской Федерации. Президентом РОИИ является доктор исторических наук, профессор Лорина Петровна Репина, ученый секретарь – кандидат исторических наук Ольга Владимировна Воробьева. Ижевские историки включились в работу с 2003 г. (Ижевское отделение РОИИ). В настоящее время его возглавляет докторант Удмуртского университета, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Д.А. Черниенко.

Развивая традиции «Майеровских чтений», кафедра вывела их в ранг Всероссийской научной конференции, которая собирает ученых, преподавателей и аспирантов из разных уголков России. По итогам их работы регулярно собираются сборники, в которых печатаются работы и о самом В.Е. Майере, его методике и практике исторического исследования, а также по тематике его исследований. Со временем серия «Историк и его дело» приняла современный вид, включая разделы по античной истории, источниковедению и историографии всеобщей истории. Авторитетность издания подтверждается участием российских историков из разных регионов, а популярность во многом зависит от усилий ответственного редактора серии Д.А. Черниенко.

К настоящему времени исторический факультет имеет сформировавшуюся стратегию развития, которая складывается из нескольких компонентов: ориентированность образовательного процесса на творчество, самостоятельность, индивидуальность каждого студента, неповторимость его личности, компетентный подход в образовании.

Сочетание изучения классического наследия с рассмотрением актуальных теоретических и методологических проблем развития мировой цивилизации способствует формированию мировоззрения и рождению современного взгляда на мир, пониманию значимости разных этносов и их контактов, осознанию значения диалога культур для гармоничного развития человеческого сообщества

Сохраняя верность своим традициям, исторический факультет уверенно развивается и с оптимизмом смотрит в будущее. В настоящее время обучение студентов ведется по очной и заочной формам специальностей «История», «Политология», «Международные отношения», «Регионоведение», по соответствующим направлениям бакалавриата (за исключением «Регионоведения»), по пяти магистерским программам в контексте образовательной программы «История». Учебный процесс осуществляют 8 кафедр факультета, на которых трудятся 10 докторов наук. Квалифицированный преподавательский состав обеспечивает качественную подготовку специалистов, бакалавров, магистров и аспирантов. Из 90 преподавателей, задействованных в наших факультетских аудиториях, 85% имеют ученую степень кандидата или доктора наук. Кафедры исторического факультета выступают в качестве центров организации образовательной, научно-исследовательской, методической и воспитательной работы. В состав ис-

торического факультета также входят научно-исследовательский Институт истории и культуры народов Приуралья, Центр социальной политики, Центр образования науки и культуры УдГУ, научно-исследовательская лаборатория по изучению конфессиональных проблем, кабинет исторических дисциплин (с книжным фондом более 30000 единиц), археологический и этнографический музеи.

Многогранную деятельность факультета украшают разносторонние научные и образовательные контакты как на международном, так и на российском и региональном уровнях. Наш факультет пользуется авторитетом в сообществе российских историков, занимая свое собственное значимое место благодаря развитию разнообразных научных направлений и наличию многих научных школ. Успешно действует очная и заочная аспирантура по специальностям «Отечественная история», «Всеобщая история», «Археология», «Этнология и регионоведение»; докторантура по специальностям «Отечественная история» и «Археология»; система научного соискательства. Работает совет по защите докторских и кандидатских диссертаций. С факультетом связана известная археологическая школа (руководитель – д.и.н., профессор Р.Д. Голдина), она успешно изучает древнюю и средневековую историю Приуралья. Заметным явлением является направление по изучению этнологии и регионоведения (руководители – д.и.н., профессор В.Е. Владыкин, д.и.н., профессор А.Е. Загребин).

Активно ведутся исследования по отечественной истории дореволюционного периода, включая работы д.и.н. В.В. Пузанова, д.и.н., профессора В.В. Долгова и их коллег. Основная тематика исследований: социальная, политическая и социокультурная история Средневековой Руси, источниковедение историография отечественной истории. По отечественной истории XX века приоритетным направлением исследований являются проблемы общественно-политического развития российской государственности, а также национально-государственного строительства. Особый вклад в этом направлении сделан д.и.н. профессором А.А. Трониным. Кафедра политологии и политического управления во главе с проректором УдГУ М.Ю. Малышевым осуществляет подготовку специалистов по уникальной для Удмуртии учебной программе и является сегодня одной из актуальных и динамично развивающихся кафедр в вузе. Особо ценным для исторического факультета является международное сотрудничество политологов, в котором они, безусловно, являются положительным образцом для подражания. Оформление политологических исследований в новое научное направление поможет придать всей научной работе факультета более современный акцент.

Новационным явлением в истории факультета стало открытие кафедры истории Удмуртии под руководством д.и.н., профессора О.М. Мельниковой. Она рассматривается как перспективный центр изуче-

ния локальной истории, исторического краеведения и т.д. В отечественной исторической науке уже целое столетие существует понятие «краеведение» как название местной исторической практики и появившееся позже «историческое краеведение». Сотни историков, специалистов и любителей – краеведов работали и продолжают успешно работать в рамках этого направления. Ими по крупицам воссоздается прошлое российской провинции, сохраняются памятники истории, пишутся биографии провинциальных учителей, купцов, промышленников, меценатов и т.д. Однако историческое является одним из направлений изучения местной истории, а современная профессиональная историография предлагает разнообразие методологических подходов к изучению региональной истории. Локальная история существенно дополняет историю национальную, обращает внимание не на узкополитическую историю и не на главные события национальной исторической драмы, а на историю социокультурных сообществ.

Активизация академической мобильности – это тоже требование времени с целью обеспечить высокое качество подготовки специалистов на факультете. Традиционным стало участие преподавателей факультета в международных конгрессах финно-угроведов, этнографов и антропологов, политологических форумах, конференциях, посвященных самым разнообразным проблемам изучения отечественной и всеобщей истории. География контактов показательна – это Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург, Пятигорск, Йошкар-Ола, Уфа, Омск, Иваново, Саратов, Самара, Киров, Тверь, Ставрополь, Глазов, Сочи, Новосибирск, Волгоград, Калуга, Пермь, Курган, Саранск, Сыктывкар и т.д.

Следует привести некоторую сравнительную статистику, а именно количественные данные участия преподавателей в академической мобильности. К примеру, в 2003 г. отмечено участие в 15 выездных научных мероприятиях, а в 2010 г. уже в 27.

Для повышения качества научного и образовательного процесса не менее важен и другой фактор – мероприятия, организованные в Ижевске, куда приезжают историки как из-за рубежа, так и из ведущих академических российских центров. Это повышает статус научных конференций и чтений, делает их более привлекательными не только для научной, но и для широкой общественности. Ценны образовательные и воспитательные эффекты академической мобильности, поскольку наши студенты имеют возможность увидеть и услышать корифеев отечественной исторической науки, таких как д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории Высшей школы Экономики И.Н. Данилевский, д.и.н., профессор, заместитель директора ИВИ РАН Л.П. Репина, к.и.н., заместитель главного редактора журнала «Российская история», ведущий научный сотрудник руководитель Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН А.В. Голубев, д.и.н., про-

фессор Казанского (Приволжского) Федерального университета Г.П. Мягков, д.и.н., профессор Уральского Федерального университета Л.Н. Мазур и др.

Среди наиболее ярких академических мероприятий последних лет следует отметить конференции «Социально-экономические и политические условия развития гражданского общества в России», «Модели взаимодействия народов Евразии в эпоху Великого переселения народов», «Россия и Удмуртия: история и современность», «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия», «Ижевск – российский город в исторической ретроспективе», посвященную 250-летию г. Ижевска и ряд других.

Представляя читателю новый сборник, нельзя не сказать, что исторический факультет опирается на свои славные традиции. Подготовлена к публикации мемориальная монография «Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах», а также издание докторской диссертации Б.Г. Плющевского «Крестьянский отход на территории Европейской России в последние предреформенные десятилетия (1830-1850 г.г.)». В 2012 г. мы планируем проведение мемориальной конференции о творческом наследии Б.Г. Плющевского и М.М. Мартыновой. Они, как и В.Е. Майер, относятся к числу тех личностей, которые двигали и двигают нашу науку вперед и благодаря которым сохраняются и живут традиции высокого профессионализма, честности и добросовестности в научных исследованиях.

Сохранение преемственности и уважительного отношения к опыту своих предшественников, свойственное нашим Учителям, особенно актуально в нынешнее постсоветское время. И настоящий сборник является одним из подтверждений важности тезиса о необходимости диалога традиций и новаций в современном научном и образовательном процессе.

ИСТОРИЯ УДМУРТИИ, ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

О.М. Мельникова

Удмуртский государственный университет

В.Е. Майер исследовательски известен в первую очередь как специалист по германской истории. Личности его масштаба редко ограничиваются исследованиями в узкой предметной сфере. Их талант находит свое выражение в педагогической, исследовательской, организационной деятельности и в силу этого такие ученые обладают авторитетом, далеко выходящим за пределы одной науки. Мне уже приходилось писать о при-

частности В.Е. Майера к развитию археологии как исследовательского направления и учебной дисциплины в Удмуртском государственном университете¹. Однако факты его многогранной биографии свидетельствуют о его научном и личностном вкладе и в развитие других областей исторического знания в Удмуртии: В.Е. Майер оставил в своем творческом наследии ряд работ, посвященных истории Удмуртии. Поэтому тематика круглого стола не чужда исследовательским интересам В.Е. Майера, что позволяет осмыслить новые движения в развитии регионального исторического знания. В этой связи весьма интересно осмыслить развитие традиционно сложившихся подходов к изучению региональной тематики под влиянием методологических новаций современной исторической науки.

Методологический поворот, происходящий в отечественной исторической науке, на протяжении последних двадцати лет, привел к значительному расширению ее предметного поля: появились новые способы осмысления макроисторических процессов, зародилось немало новых исторических субдисциплин, субъекты исторического процесса стали приобретать все более индивидуализированные черты. Общие изменения в развитии исторической науки не могли не сказаться на деятельности локального исторического сообщества в области изучения – и здесь возникает ключевой методологический вопрос: местной истории? локальной истории? исторического краеведения? общенациональной истории с опорой на местные источники? региональной истории? провинциальной истории?

При всей кажущейся синонимичности этих понятий, на самом деле, в них заложен разный познавательный, культурный и социальный потенциал. Поэтому важно осмыслить и определить предметную сферу этих познавательных областей познавательной деятельности. Обсуждение этих вопросов активно идет в историческом сообществе.²

Представляется, что удмуртская региональная историография также нуждается в обсуждении такого рода значимых методологических про-

¹ Мельникова О.М. В.Е.Майер и развитие археологии в Удмуртском государственном университете // Историк и его дело. Ижевск, 2003. С. 13-20.

² Например: Зубков К.И. Концепт региона в геополитическом измерении // Уральский исторический вестник. 1998. №3; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 239-242; Маловичко С., Мохначева М. Тенденции и перспективы интеграции региональных исторических исследований // Регіональна історія України. Вып.1. 2007. С. 29-47; Верменич Я. Нова локальна історія та історична регіоналістика: експлікація термінів // Регіональна історія України. Вып.1. 2007. С. 13-29. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Новая локальная история в образовательных практиках высшей школы // Финно-угры – славяне – турки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск, 2009. С. 532-540; Репина Л.П. Между локальным и глобальным: поиски интегративных подходов // Регіональна історія України. Вып. 5. 20. С.9-28.

блем, что важно для поддержания ее дисциплинарного статуса в научном и социальном пространстве. Вслед за украинской исследовательницей Т. Поповой отметим значимые для регионального исторического сообщества аспекты такого рассмотрения: «культурологический, отражающий национально-региональную специфику «дисциплинарного бытия» конкретной ветви знания, особые процессы структурирования национальных «дисциплинарных миров», и соответственно их «региональных составляющих»»³.

Региональная историография Удмуртии, зародилась на рубеже XIX–XX вв. по своему объекту и предмету как историческое краеведение (родиноведение). Она продуцировала описания индивидуальных явлений и событий, касающихся истории отдельных местностей (Сарапульского уезда, Глазовского уезда) как самостоятельных локальных образований, зачастую сделанных в любительском ключе.

Процесс становления профессиональной региональной истории стал ответом на необходимость самоидентификации регионального сообщества в рамках СССР. Ее функционирование явилось ответом на поиски национального и локального самоопределения. Развитие научных региональных исследований с начала 30-х гг. XX в. прошло путь от очеркового изложения региональной истории до академического осмысления исторического феномена Удмуртии в трехтомном сочинении «История Удмуртии».

Краеведческие исследования в Удмуртии после «золотого века краеведения» постепенно стали занимать второстепенное место, как и во всей в официальной советской историографии. Главным образом эта область исторических исследований стала сферой деятельности энтузиастов-краеведов, как правило, не связанных между собой ни формальными, ни неформальными связями. На долгие годы предметная сфера исследований по истории Удмуртии была поделена между региональной историей (историей Удмуртии) и историческим краеведением. Причем статус научных изысканий в области региональной истории был, несомненно, более высоким, краеведческие исследования приобретали черты маргинальности.

К сожалению, понимание предметных полей этих различных способов познания истории Удмуртии, до сих пор не стали предметом специального целостного рассмотрения, поэтому эта тема приобретает особую актуальность для современного развития научного знания и локального научного сообщества в целом.

³ Попова Т. К анализу региональной историографии: институциональный подход // Региональна історія України. Вып.1. 2007. С. 55.

С одной стороны, несомненна необходимость подключения историков региональной истории к дискуссиям о предметной сфере региональной истории, локальной истории, исторического краеведения. Это касается выработки понимания важнейшей познавательной категории «регион» применительно к Удмуртии. (В этой связи интересно, что в академическом издании «История Удмуртии» эта проблема решается с опорой на историографическую традицию: «В названии и тексте книги употребляется термин «Удмуртия», который, как известно, возник лишь в 20-е гг. XX в., после создания Удмуртской автономной области. По уже сложившейся историографической традиции мы вкладываем в это понятие представление о территории, заселенной преимущественно удмуртами, примерно соответствующей четырем уездам: Глазовскому, Елабужскому, Малмыжскому, Сарапульскому, оформившимся к концу XVIII в. в пределах вятской губернии Современная территория Удмуртии занимает около 66,5 % площади этих уездов. Перечисленные уезды Вятской губернии являли собой сформировавшееся экономически единое пространство с определившейся структурой торговли, транспортных связей и хозяйства в целом, со сложившимся в течение длительного времени составом населения, особенностями землевладения и землепользования, которые нашли соответствующее отражение как в демографической статистике, так и в экономико-географической»⁴).

Поскольку определение самого регионального пространства «Удмуртия» осуществлено с точки зрения историографической традиции, важным способом осмысления предмета региональной истории является проведение историографических и историко-научных исследований в этих областях, в том числе через изучение процессов формирования сообщества историков, работающих в этой сфере.

Особой темой разговора, помимо методологического и теоретического обоснования предметной сферы, заслуживает историческое краеведение как исследовательское и социальное явление. В условиях отсутствия научных учреждений на протяжении 1920-х гг. оно во многом восполняло поле профессиональной исторической познавательной деятельности в регионе. Обретение структурной организации в форме научных обществ, оно, тем не менее, до сих пор не получило полноценного историографического рассмотрения (До сих пор существует путаница даже в наименовании наиболее крупного из всех научных обществ на территории Удмуртии исторического общества – Научного общества изучения Вотского края. В документах встречается еще несколько его самоназваний – Научное общество изучения Вотского края; научно-краеведческого

⁴ Введение // История Удмуртии: Конец XV – начало XX вв. Ижевск, 2004. С. 6.

общества Вотобласти при Обоно⁵; Вотское краеведческое общество⁶; общество по изучению Вотского края⁷; Научно Краеведческое общество Вотобласти⁸; Вотское краеведческое общества⁹; Общество по изучению местного края¹⁰. То же самое касается общества «Боляк»: в архиве Академии Наук, работая документами, связанными с деятельностью К. Герда, я ни разу не встретила такого названия. Там фигурирует название «Научное общество изучения вотской культуры. И это только те вопросы, которые оказываются на поверхности).

С институционализацией региональной истории историческое краеведение стало автономной линией развития исторического сознания, практически не связанной с научным способом освоения исторической реальности. Исключение составляют ссылки на научные исследования, привлекаемые в краеведческих работах в качестве авторитетного мнения для поддержания собственной позиции. В последнее время в Удмуртии функционирует весьма интересное организационное поле, где переплетаются краеведческая – любительская и научная традиции. Она связана с деятельностью Удмуртского регионального отделения общества историков-архивистов, активно привлекающих к сотрудничеству не только архивных работников, но и ученых, и краеведов.

Предметное поле локальной истории в контексте развития новой социальной истории в удмуртской региональной историографии находится, как представляется, в зачаточном состоянии. Это связано как с уже сложившейся структурой региональных исследований, так и с некоторым консерватизмом исследовательской деятельности. Кроме того, на мой взгляд, существует еще одно препятствие, связанное с социальными факторами, тормозящими проникновение новых подходов в региональные исторические исследования. Оно связано с сложившейся структурой подготовки профессиональных историков.

«История Удмуртии», как и целый ряд других дисциплин, связанных с изучением национально-региональных проблем «История Урала», «Историческое краеведение» достаточно давно входит в содержание учебных планов исторического факультета. Многие годы преподаватели-историки, специалисты по отечественной истории, Б.Г. Плющевский, М.М. Мартынова, А.А. Александров, А.И. Суханов, Н.М. Хитрина, А.А. Тронин исследовательски были связаны с изучением различных аспектов истории Удмуртии: аграрной, социальной, политической, экономиче-

⁵ ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 32.

⁷ Там же. Л. 33.

⁸ Там же. Л. 34.

⁹ Там же. Л. 44.

¹⁰ Там же. Л. 47.

ской, национальной. Много сделано Р.Д. Голдиной и В.Е. Владыкиным и их учениками в этнографическом и археологическом изучении региона. Вслед за своими научными исследованиями они привлекали к изучению различных аспектов истории Удмуртии и студентов.

Развитие университетского образования в Удмуртском университете привело к усложнению структуры исторического факультета, появлялись новые кафедры, молодые преподаватели, завершив аспирантуры крупных исследовательских центров России, присоединялись к их исследовательским программам, что подняло преподавание истории и научные исследования историков факультета на высокий уровень, сделав факультет одним из ведущих в стране. Однако постепенно это привело к некоторой маргинализации истории Удмуртии и как учебной, и как исследовательской дисциплины, ее разрозненности между кафедрами, что сегодня потребовало объединения усилий в рамках единой структуры и для корректировки учебного процесса, и для научных исследований. Сам предмет истории Удмуртии оказался весьма размытым между различными учебно-научными подразделениями университета. Пришло время, чтобы и научные исследования, и учебно-образовательная деятельность в области истории Удмуртии в рамках УдГУ были скоординированы вновь созданной кафедрой истории Удмуртии. Возможно, в рамках этой новой структуры удастся опробовать потенциал новой локальной истории, нацеленной на осмысление локальных сообществ в качестве субъектов исторического процесса.

Региональная история, локальная история, историческое краеведение каждая в своем предметном поле выполняют не только научные задачи, но и несут в себе свою социальную миссию. Как разные формы исторического сознания они отражают определенные представления различных социальных групп общества о прошлом Удмуртии. Изучение этих социальных функций также нуждается в специальном изучении.

Уязвимость сложившегося научного понятийного аппарата в изучении истории Удмуртии ставит сегодня больше вопросов, чем выдает ответы на них. Это актуализирует необходимость нового взгляда на сложившуюся историографическую практику изучения истории Удмуртии. Он должен учитывать и специфику предметной сферы различных способов познания истории отдельной территории, и опробовать потенциал уже удачно опробованных практик с тем, чтобы историческое знание об отдельном регионе (местности, районе, локальном пространстве) стало и инструментом исторического познания и способом мобилизации исторической памяти в условиях глобального мира.

ПРОСВЕТИТЕЛИ УВИНСКОГО КРАЯ

Е.Ф. Шумилов

Удмуртский государственный университет

Современный Увинский район УР в церковном отношении входил в дореволюционный период в 3-е благочиние Сарапульского и 3-е благочиние Малмыжского уездов Вятской епархии. Это 11 православных синодальных приходов в сёлах Булай, Кыйлу, Мушковой, Новый Мултан, Нылга, Романово (Красное), Ува-Тукля, Узей-Тукля, Удугучин, Чекан (плюс, появившийся в январе 1918 г., приход села Кибья-Жикья).

Поскольку эти сёла были в основном удмуртскими, большое значение здесь имело миссионерское направление деятельности священнослужителей. Миссионерство всегда переплеталось с их же просветительской деятельностью. Наиболее яркими личностями в этом отношении были в данном регионе («Увинском крае») Михаил Стефанович **Елабужский** (1869–1937), Иоанн Васильевич **Капачинский** (1819–1907), Василий Дмитриевич **Крылов** (1878–1919) и Пётр Фёдорович **Леконцев** (1883–1937). Замечательно, что двое последних священников, будучи удмуртами, стали делегатами Первого Всероссийского съезда удмуртов (июнь 1918 г., Елабуга).

Протоиерей М.С. Елабужский более известен по своей деятельности в Вавоже¹, но и Увинский край был ему хорошо знаком. С 1895 до 1907 г. М. Елабужский служил в Удугучине. Именно по его инициативе и под его наблюдением в 1910 г. здесь было выстроено каменное здание женской церковно-приходской школы.

1 января 1896 г. отец Михаил открыл действия Удугучинского общества трезвости. Устав его будет утверждён 22 марта 1898 г. Действительными членами общества стали тогда 144, а кандидатами 99 удугучинцев. Все они давали «зарок не пить вина не менее года». Общество проводило взамен всевозможные культурные акции².

Подобно многим своим коллегам М.С. Елабужский выполнил в те же годы исчерпывающее «Историко-статистическое описание села Удугучин»³.

Протоиерей И.В. Капачинский из семьи священника. В 1840 г. заменил отца в храме села Узи. Стал там «назидателем Веры и нравственности пересылаемых в Сибирь преступников»⁴. Отличившись на

¹ Подробнее о нём: Шумилов Е.Ф. Вавож. Ижевск, 1999. С. 114–148 (глава «Протоиерей М. Елабужский – этнограф, просветитель, борец за права человека»).

² ЦГА УР. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 3. Л. 81.

³ Там же. Л. 60–82.

⁴ ЦГА УР. Ф.17. Оп. 1. Д. 180.

Сибирском тракте, получил назначение в Новый Мултан в 1854 г. и окрестил там в последующие десятилетия «117 вотяков, 2 магометан, 2 лютеран, 41 раскольника». Знал удмуртский язык, изучал быт и верования, сопровождал крупного русского этнографа С.К. Кузнецова. Тот отметил затем: «Протоиерей И. Капачинский занимался бытом вотяков. Не выступал в печати со статьями из излишней скромности»⁵.

С 1863 по 1867 г. И.В. Капачинский являлся учителем и законоучителем в приходской школе Нового Мултана.

В 1905–1906 гг. в Нылге служил дьяконом В.Д. Крылов, являясь одновременно заведующим и законоучителем местной церковно-приходской школы. В 1919 г. он имел также отношение к основанию удмуртской учительской семинарии в Новом Мултани.

Став в 1906 г. священником (несмотря на отсутствие семинарского образования), В.Д. Крылов работал в с. Тортым, а затем в Глазове. В мае 1917 г. он стал председателем оргбюро «Глазовского культурно-просветительного общества вотяков», а затем возглавил президиум Первого съезда удмуртов Глазовского уезда. Это миссионер, языковед, переводчик, инициатор выпуска удмуртских газет и преподавания удмуртского языка в женской гимназии Глазова⁶.

Самой противоречивой и трагической фигурой среди удмуртского духовенства XX в. являлся П.Ф. Леконцев. Это один из лидеров национального церковного движения в Удмуртии. Он учился на Вятских миссионерских курсах, затем служил дьяконом в сёлах Тортым, Муки-Какси, Новый Мултан, Чумой. Расстрелян, несмотря на то, что был «обновленцем» и агитировал за сотрудничество с советской властью.

Отец Пётр – талантливый и энергичный миссионер, член уездной переводческой комиссии, незаурядный педагог. Он продолжил начинания Иоанна Васильева и Георгия Верещагина. И эти, и другие иереи-удмурты поддались тогда определённым иллюзиям. Захваченные внешним обаянием ленинских идей национально-государственного строительства, удмуртские батюшки стали наивно мечтать о некотором духовном суверенитете удмуртской Церкви и провозглашении своего епископа-удмурта.

П.Ф. Леконцев как никто другой умел найти контакт с двоеверами. В письме своему сарапульскому коллеге Николаю Пинегину, перехваченном чекистами в 1925 г., отец Пётр признавал, что при работе «среди инородцев-вотяков ... нужен умелый подход, знание их темперамента. Они вполне сознают необходимость улучшения веры христианской. Они

⁵ Кузнецов С.К. Успехи в деле изучения финнов Поволжья за последние 30 лет // Этнографическое обозрение. 1910. №1-2. С. 80.

⁶ Шумилов Е.Ф. Христианство в Удмуртии. Ижевск, 2001. С. 335–336.

любят: хоровое торжественное пение, общенародное пение, пение на родном языке. Если служит священник, не имеющий внешних отличий, и постоянно один псаломщик, то что им нужно, то и просят. При пении на вотском языке они всё забывают и служат очень внимательно»⁷.

Коллеги и духовные власти порой высоко оценивали апостольский дар П.Ф. Леконцева. Селтинский благочинный миссионер Алексей Александров, сам удмурт, даже свидетельствовал о нём летом 1924 г. в официальном «Удостоверении»: «Будучи глубоко убеждённым в истинах христианского вероучения, своею ораторскою красноречивою проповедью на вотском языке он рассеивает языческое мировоззрение в инородцах, приветствуя Советскую власть и её существующие законы. Как родной отец защищает угнетённых и обиженных верующих инородцев, за что часто попадает под репрессивные преследования со стороны духовных, не сочувствующих делу просвещения вотяков на их родном языке. Но отец Пётр не падает духом, потому что верующие вотяки идут за ним, за светильником, горящим верою, указывающим путь к вечной блаженной жизни, веря его назиданиям, ценя его труды, любя как свою душу... Задавшись целью просветить инородцев на родном языке, отец Пётр Леконцев, живёт с ними одною жизнью, разделяя все жизненные потребности. Простота и кротость в его образе жизни, в обращении, ласковость в обхождении, безграничная доброта его души и горячопламенная любовь его сердца к своим пасомым от малых до преклонных возрастом невольно привлекают к нему уважение. Вот почему признают его истинным отцом и светом религиозной жизни. Поэтому все вотяки готовы встать для защиты своего пастыря».

Как похвальную гибкость и плюрализм подчинённого А. Александров указывает далее помимо «приветствия Советской власти» и на тактичное обыгрывание языческих ритуалов, которые всё же никому невозможно вывести в одночасье: «Он образовал хор, который на напольных общественных молебствиях поёт на славянском и вотском языках и этим поднимает религиозный дух верующих, оживляет душу вотяков, согревает сердца их, доставляет великое утешение в годину религиозного колебания и волнения»⁸.

Успехи П.Ф. Леконцева среди земляков объяснялись тем, что он смог стать для них одновременно и «напольным жрецом», и приходским священником. Ситуация двоеверия вызвала к жизни тип священника-двоевера или, точнее, плюралиста. Кстати, как особую заслугу отца Петра благочинный миссионер выделяет следующий факт: «Ныне окрестил ребёнка партийных родителей». Это разновидность двоеверия XX в.

⁷ ЦГА УР. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 198. Л. 44.

⁸ Там же. Л. 43.

Христианские доблести, отражённые в «Удостоверении», не защитили отца Петра. Епископ Сарапульский Алексей запретил ему служить, обвиняя в удмуртском сепаратизме и сотрудничестве с коммунистами. Обвиняли иерея и в следовании гражданским, коммунистическим разъяснениям о возможности в некоторых случаях не подчиняться своему епископу. Эти хитроумно провокационные наказания были опубликованы в журнале «Революция и Церковь» (1922, № 1-3). Обвинения Алексея приходится признать справедливыми. Пётр Леконцев один из тех священников-удмуртов, что имели несчастье поддаться насаждавшейся «обновленцами» в тесном союзе с ОГПУ идее «коммунистического христианства». Православный пастырь оказался сломлен чекистами, приручен и привязан к этой изначально порочной идее в ходе проведения следствия, а затем и заседания Удмуртского областного суда в ноябре–декабре 1924 г. Посудным стало активное участие иерея в ижевско-воткинском восстании 1918 г.: снабжение повстанцев оружием и продовольствием, антибольшевистская агитация на волостных собраниях и в церковных проповедях... В те августовские дни этот священник действеннее кого-либо, причём на удмуртском языке, призвал новомултанцев: «Вооружайтесь! Если прогоним Красную Армию, то всегда будет хлеб цел»⁹. Он сумел скрыться после разгрома повстанцев, как и после изгнания летом 1919 г. колчаковских войск.

По возвращении в Новый Мултан беглый батюшка неминуемо должен был встретить от органов советской власти традиционно суровую кару. Но из-за ходатайства секретных органов¹⁰ суд обошёлся с «организатором белой банды» невероятно мягко, ограничившись условным лишением свободы с испытательным сроком в пять лет. Формальным, гласным поводом к помилованию решили назвать прежнюю «деятельность Леконцева по организации Мултанской Вотской учительской семинарии»¹¹. ОГПУ умело обрабатывать православных священников, перековывая их в «социально близких обновленцев» или даже секретных осведомителей.

Пытаясь отмыться от позорного клейма и одновременно надеясь содействовать формированию Удмуртского епископата (т.е. национальной удмуртской Церкви), Пётр Леконцев отважился поехать сразу после суда в Донской монастырь, на приём к самому Патриарху Тихону. Но поддержки от весьма проницательного Святейшего ему получить не удалось. Как свидетельствует перехват чекистов, Патриарх заявил удмурту-«обновленцу»: «Вы власти хотите, а не делом заниматься»¹².

⁹ Архив ФСБ УР. Д. 3981. Л. 5-а.

¹⁰ Там же. Л. 69.

¹¹ Там же. Л. 46.

¹² ЦГА УР. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 77. Д. 15.

Чувствуя поддержку любивших его всем сердцем новомултанских прихожан-удмуртов, отец Пётр не подчинился епископу Алексию, не переехал в Удугучин и продолжал служить. Прихожане осмелились пойти ради него на противодействие правящему архиерею! Самый активный из них, И.А. Ирисов, в послании Алексию написал: «Вы жестоко ошибаетесь и вам придётся за стеснение совести ответить перед народным правосудием по законам рабоче-крестьянской власти... Грязь с дорогого и любимого отца П. Леконцева народ верующий смоеет через народный суд, о чём уже идёт следствие. Мы, верующие, не допустим, чтобы он был запрещён в священнослужении... Он был наш и будет наш – это наш лозунг»¹³. Данный конфликт приобрёл тогда ярко выраженный национальный характер и масштаб не сельский, а региональный. Шла борьба не только за священника-удмурта, но и за Удмуртскую епархию.

Летом 1937 г. отец Пётр попытался противостоять имевшей большое идеологическое значение акции по свержению крестов и разрушению куполов храма Покрова Пресвятой Богородицы села Новый Мултан. П.Ф. Леконцев начал сражаться как мог и в гневе закричал М. Конащеву и А. Цветкову, позарившимся на этот позорный для настоящих христиан приработок: «Ну что вы делаете? Ведь жить вам с вашей властью осталось очень мало, изверги». Священник устыжал и смиренно наблюдавших всё это запуганных прихожан: «Что вы смотрите? Разрушают храм Божий, а вы молчите и вас не спрашивали. Вон в Юкаменске тоже закрывали церковь, на там всех спрашивали и то, когда стали ломать, народ устроил бунт. И отстояли церковь, которая и сейчас стоит нетронутая. А вы молчите. Вы поймите, что вся сила в массах»¹⁴.

Апелляция отца Петра к народной массе и тем более его ссыла на прогремевший семь лет назад «Юкаменский бунт» были приняты чекистами в атмосфере 1937 г. за смертельную опасность режиму. Только поэтому сразу же, как только карательные органы были извещены об инциденте, 5 августа П.Ф. Леконцев был арестован. 23 октября, после всех допросов и очных ставок, «тройка» ОГПУ обвинила его в том, что он, «будучи враждебно настроен к советскому строю, систематические распространял среди населения контрреволюционную клевету, дискредитировал политику партии в области сельского хозяйства, отдельные неполадки в колхозах. Создал вокруг себя контрреволюционную фашистскую группу из бывших кулаков»¹⁵. Через пять дней прозревший «обновленец», защитник святынь и организатор просвещения в Новом Мултани был незаконно расстрелян в Ижевске.

¹³ Там же. Л. 163.

¹⁴ Архив ФСБ УР. Д. 3981. Л.13.

¹⁵ Там же. Л. 69.

П.Ф. Леконцев (1913 г.)¹⁶

НОВОМУЛТАНСКАЯ ШКОЛА: ИСТОРИЯ И НАСТОЯЩЕЕ

П.П. Матюшин

МОУ «Новомултанская СКОШ-И»

Наша школа имеет богатое прошлое. Когда-то на этом месте была школьная семинария для детей духовенства, затем детский дом. В 1963 г. школа стала называться специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат. В связи с этим центральное место в работе педагогического коллектива отводится коррекции, исправлению дефектов общего, речевого и физического развития, нравственного и трудового воспитания детей, созданию условий для социальной и трудовой реабилитации учащихся. Особое внимание обращается на коррекцию специфических нарушений и всей личности в целом.

Все работники школы-интерната стараются помочь детям подготовиться к самостоятельной жизни. В первую очередь, квалифицированный педагогический коллектив, мотивированный на коррекционно-

¹⁶ Фото предоставлено С.С. Ворожцовым (Ижевск).

развивающую работу с детьми и работу по развитию общеобразовательного учреждения.

Обучаются дети 4-х районов: Увинского, Селтинского, Вавожского, Сюмсинского.

Большая часть учащихся – дети из неблагополучных семей и дети, чьи родители были лишены родительских прав. Многие воспитанники состоят на учёте в ОДН еще до поступления в школу. В связи с этим школа активно сотрудничает с представителями «охраны прав детства», инспекторами ОДН и специалистами районного психологического центра.

В 2001 г. был построен современный комфортный спальный корпус на 84 места. Здесь же размещены гимнастический зал, медицинский кабинет. В этом же году сданы в эксплуатацию банно-прачечный комбинат и котельная. Есть столовая на 48 мест, 13 учебных кабинетов, 3 мастерских, библиотека, учебно–опытный участок, парниковое хозяйство.

В учреждении работают 36 педагогов: 21 учитель и 15 воспитателей. Имеются узкие специалисты: педагог-психолог, учитель-логопед, социальный педагог, библиотекарь, старший воспитатель, вожатая, 2 медицинских сестры.

Основной задачей коррекционной школы является трудовое обучение детей с ограниченными возможностями здоровья и их социализация.

Для ее достижения в процессе трудового обучения решаются следующие задачи:

- формирование доступных школьникам технических и технологических знаний;
- выработка навыков самостоятельности, привитие навыков самоконтроля, умение планировать последовательность действий, выполнять и контролировать ход работы;
- обучение школьников профессиональным приемам труда по выбранной специальности и привитие им соответствующих трудовых навыков.

В школе создана система психолого-педагогического изучения особенностей учебной теоретической и практической деятельности учащихся на разных этапах занятий и за конкретный период обучения.

Разделение происходит на основе учительского анализа степени усвоения школьниками учебного материала.

Профессионально-трудовое обучение ведется по трем направлениям: швейное дело, сельскохозяйственный труд, столярное дело. Для занятий по этим направлениям создаются подгруппы с учетом способностей ребенка, его физических и психологических данных.

Таким образом, программа не только способствует профориентации и социальной адаптации учащихся, не только развивает их умственный и сенсомоторный потенциал и положительно влияет на личностные свойст-

ва, но и открывает педагогу широкий простор для творчества, что, обычно, благотворно сказывается на качестве обучения.

Образовательная политика.

В 2009-2011 учебном году педагогический коллектив работал над следующими актуальными на данный момент проблемами, соответствующим требованиям коррекционного обучения:

- вовлечение каждого воспитанника, независимо от уровня его возможностей и структуры дефекта в учебную деятельность и создание для этого комфортных условий;

- повышение качества конечного результата образовательной деятельности педагогического коллектива;

- использование технологий, сочетающих в себе знания образовательных и научных сфер, информационных технологий, позволяющих развить и адаптировать к жизни каждого воспитанника с ограниченными возможностями здоровья;

- организация внеклассной деятельности;

- организация предпрофильной подготовки;

- разработка индивидуальных учебных планов и индивидуальных учебных программ;

- повышение уровня овладения информационно-коммуникационными технологиями.

Таким образом, воспитанники нашей школы успешно выступают на республиканских конкурсах, спортивных соревнованиях. Активно принимают участие в районных выставках. За достигнутые успехи ребята награждаются подарками, ценными призами, грамотами, сертификатами, дипломами.

В настоящее время в системе специального образования наметились определенные позитивные изменения:

- идёт дальнейшее развитие системы школьных коррекционно-образовательных учреждений;

- возникли и получают распространение инновационные модели специальных (коррекционных) образовательных учреждений.

Новая государственная образовательная политика выразилась в переориентации образовательной политики на ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

В основу современных педагогических стратегий положены научные теории на основе исследований Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, П.Я. Гальперина, А.Р. Лурия, Л.В. Занкова и пр. Идеи поиска оптимальных условий развития личности ребёнка как своеобразной индивидуальности стала центральной задачей учебно-воспитательного процесса.

По окончании школы учащиеся сдают государственный экзамен по трудовому обучению. На экзамене проверяются полученные знания и умения применять их в практической деятельности.

Выпускникам выдается свидетельства государственного образца об окончании специальной коррекционной школы. Дальнейшее обучение воспитанники получают в профтехучилищах УР по специальностям: каменщик, плотник, овощевод, штукатур-маляр. Затем трудоустраиваются. Таким образом, педагогический коллектив создает благоприятные психолого-педагогические условия для развития личности. Воспитанники нашей школы успешно конкурируют на рынке труда и адаптируются к трудностям в современном мире.

НОВЫЙ МУЛТАН: НАЧАЛО НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Е. МАЙЕРА.

Отец М. Пислегин

Храм Покрова Пресвятой Богородицы с. Новый Мултан

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Мой доклад называется «Новый Мултан: начало научно-педагогической деятельности профессора В.Е.Майера». Прежде всего, хочется сказать о селе Новый Мултан, о том, как здесь возникло педагогическое училище, как здесь сформировалась благодатная почва, чтобы произросли добрые плоды просвещения. Благодарю Сергея Святославовича Ворожцова, который много работал в архивах и много помогал мне. Благодарю моих прихожан, которые никогда не оставляют, поддерживают меня. Особенно благодарю Н.Г.Шишкину, под чьим руководством на втором курсе я начал вести исследовательскую работу о В.Е. Майере.

Село Новый Мултан упоминается в исторических документах с 1752 г., когда здесь была построена миссионерская церковь. Казанская контора новокрещенных дел построила здесь миссионерскую церковь, чтобы крестить людей, приобщать их к великой культуре – православию. Когда я слушал лекции по истории Удмуртии в УдГУ, то обратил внимание на то, что крещение было в основном насильственное. Приезжала военная команда, прощали удмуртам долги, делали облегчение от налогов, не брали на военную службу крестившихся удмуртов.

Однажды мне удалось ознакомиться со статьей священника Василия Курбановского, который служил в Новомултанской церкви в начале XX в. и исследовал историю просвещения Новомултанского края. Он написал, что было дальше, после крещения. Когда служители миссионерской

церкви отчитались и направили документы в духовную консисторию о том, что основная масса удмуртов крещена, то оттуда пришла резолюция: «Раз вы всех покрестили – казенное жалование убрать. Питайтесь от своего новопросвещенного народа». После этого, как пишет священник Василий Курбановский, дорогу в церковь замело. Новые прихожане в церковь не ходят: как жить дальше? Церковнослужители думали, как жить дальше, что их отличает от новопросвященного народа? У них есть грамота, они грамотные, они могут читать, писать. У остального населения этого нет – они безграмотные. Духовенство сделало ставку на образование, стали привлекать народ. «Ты хочешь быть грамотным? Вот богослужебные книги: Евангелие, Псалтырь и другие. Учитесь, будете посвященными, грамотными». Так в нашем крае началось просвещение образование коренного населения. Так началась образовываться школа при церкви. Приход многократно увеличился.

1918 г. – это период гражданской войны, и именно в этом году проходит I Всероссийский съезд удмуртов в городе Елабуга. Именно там ставился вопрос о государственности Удмуртии. На этом съезде присутствовали два делегата из Нового Мултана. Это священник Лекомцев Петр Федорович и купец Ирисов Иван Антонович. Они на этом съезде поднимали вопрос об организации в Новом Мултани учительской семинарии для подготовки учителей-удмуртов. Ставилась задача ликвидации безграмотности местного населения. Это благое дело курировал Кузубай Герд. Купец Ирисов пожертвовал 25 тысяч золотом и отдал сруб для устройства семинарии.

Благодаря этим подвижникам была создана Новомуланская учительская семинария. Дальнейшая судьба этих людей трагична. Священник Лекомцев в 1937 г. расстрелян, купец И.А. Ирисов скончался на чужбине, под Иркутском в 1922 г., Кузубай Герд трагически погиб в 1937 г. в Соловецком лагере.

Их дело, которое они сделали, пережило их. Их имена навечно останутся в истории Удмуртии. Позднее, учительскую семинарию переименовали в педагогический техникум, а потом – в педагогическое училище. В этом учебном заведении учились герой Советского союза Скобелев И.А. писатели М. Лямин, П. Блинов. Их именам названы улицы в поселке Ува.

Именно в это училище в 1943 году «из леса» пришел В.Е. Майер. Там его приняли, обогрели, именно там он начал формироваться как личность, педагог, будущий ученый. Там он встретился с будущей женой Бориславой. Это период жизни В.Е. Майер называл своим вторым университетом. Позже педагогическое училище было переведено из Н. Мултана в рабочий поселок Ува.

Из Увы В.Е. Майер уехал, защитил диплом в МГУ и определился работать в УГПИ, позже УдГУ, где он проработал до своей смерти в 1985 г., став ученым европейского уровня. Занимаясь изучением жизненного пути В.Е. Майера, мы обнаружили две фотографии Новомултанского и Увинского периодов его жизни. На одной он со студентами педучилища в 1945 г. Среди них мы нашли А. Белорусову, которая сейчас проживает в селе Удугучин и Субботину Галину, которая проживает в с. Сям-Можга, записали их воспоминания и передали их на кафедру древнего мира и средних веков Н.Г. Шишкиной.

Также обнаружили фотографию В.Е. Майера в военной форме, в погонах младшего лейтенанта. Это подтвердило тот факт, что он во время Великой Отечественной войны работал уполномоченным НКВД в лагерях военнопленных.

Сейчас, вступая в третье тысячелетие от РХ, святая Церковь снова уделяет большое внимание просвещению народа. Именно к этому нас призывает святейший патриарх Кирилл. Мы снова ставим задачу организовать на месте бывшего Новомултанского педучилища воскресную школу. Надеемся, что найдутся благодетели, и из села Н. Мултан выйдут снова великие люди, которые своей верой и делами прославят нашу любимую Родину.

ПРОФЕССОР В.Е. МАЙЕР И УДМУРТИЯ: НИТЬ, СВЯЗАВШАЯ СУДЬБУ

С.С. Ворожцов

Увинское отделение Российского общества историков-архивистов

Впервые о тесной связи имени Василия Евгеньевича Майера и села Новый Мултан, историей которого я занимаюсь уже более шести лет, я прочел в книге увинского краеведа А.И. Пудова из его книги «История увинских деревень». В ней он упоминает профессора В.Е.Майера, как одного из преподавателей Новомултанского педучилища, переведенного в 1944 г. в Уву¹.

Мой интерес к роли Василия Евгеньевича в исторической науке особенно возрос в последние годы благодаря тому, что от настоятеля Прихода Новомултанского храма Покрова Пресвятой Богородицы о. Максима, являющегося в настоящее время студентом заочного отделения исторического факультета УдГУ, я узнал о том уважении, которым до

¹ Пудов А.И. История увинских деревень: учебное издание. Ува, 2000. С. 137.

сих пор неизменно пользуется имя профессора В.Е. Майера и в университете, и в среде историков-медиевистов страны.

Читая опубликованные в различных сборниках статьи и выступления участников давно уже ставших традиционными Майеровских круглых столов, я не мог не задаться вопросом: почему такой успешный студент истфака Московского университета, которому в неполные двадцать лет было доверено работать с рукописями Карла Маркса в святой святых коммунистической идеологии – институте Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина при ЦК ВКП(б) (сегодня это Институт управления и госслужбы при Администрации Президента России)², не только оказался сначала в далекой Удмуртии, но и затем, уже после окончания МГУ, не уехал в Москву, а продолжил свою преподавательскую и научную деятельность в Удмуртском государственном пединституте (в 1972 г. преобразованном в Удмуртский государственный университет)?

Мое внимание привлекло и то, что объяснения этому давались, как правило, довольно общими словами, с заметным оттенком недосказанности. Например, в сборниках, посвященных 85-летию и 90-летию со дня рождения ученого, об этом говорилось так: *«Его (В.Е. Майера – Авт.) многообещающая исследовательская работа была прервана войной. 7 июля 1941 г. добровольцем ушел в армию, был зачислен в строительный батальон Киевского РК ВКП (б) г. Москвы. С начала 1942 г. он оказался в Удмуртии, работал вначале на Увинском лесопункте, а затем политинструктором и оперуполномоченным в лагерях для военнопленных. Был школьным учителем, преподавал в педагогическом училище. Выдержал государственные экзамены на родном историческом факультете. С сентября 1945 г. В.Е. Майер работал в Удмуртском пединституте. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1968 г. стал доктором исторических наук»³.*

В этих же сборниках была размещена выдержка из публикации однокурсника В.Е.Майера по довоенному МГУ, д.и.н., профессора Воронежского университета А.И. Немировского, датированной 1989 г., в которой он писал: *«С 1 июля 1941 г. большинство истфаковцев, в том числе и я, копали противотанковые рвы под деревней со странным названием Снопоть в Смоленской области. Нам тогда доверили только лопату, а ему, в числе немногих, вручили оружие. Он находился в народном ополчении, служил рядовым в 21-й дивизии. Потом, когда вручили оружие всем нам, его обезоружили и отправили в тыл пешком. Почти босиком*

² Петр Берх. Немцы-спецпереселенцы Удмуртии: иной взгляд. Московская немецкая газета. № 04(205). 08.03.2007. <http://www.ru.mdz-moskau.eu/index.php?date=1173330296&godnum=200704>.

³ Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию со дня рождения: Биобиблиограф. указ. / сост.: Н. Г. Шишкина, Н. Ю. Старкова, Д. А. Черниенко. Ижевск, 2008. С. 3.

он проделал путь от Москвы до Удмуртии, где ему доверили топор. И это было высоким доверием. И с топором в руках Вилли оставался воином и патриотом. В начале 1944 г. В. Майер переходит на преподавательскую работу сначала в педучилище, а затем в пединститут в Ижевске...»⁴.

Как видим, и здесь непосредственные причины того, почему же судьба забросила его к нам, в Удмуртию, почти не раскрываются.

Именно поэтому я решил провести свое личное расследование и выяснить, наконец, почему же биография профессора Майера – безусловно, успешная в научном и профессиональном плане – сложилась именно так, а не иначе? Почему так прочно она оказалась связана с нашей республикой?

Безусловно, главной причиной такого, на первый взгляд, неожиданного – но, фактически, вполне ожидаемого для той эпохи поворота в судьбе московского студента-добровольца, явилась его национальная принадлежность, на которую трудно не обратить внимание, даже впервые услышав его фамилию и имя. Студент МГУ Вильгельм Майер – и он сам этого никогда не скрывал – был немцем, выходцем из семьи потомков немецких колонистов из Херсона. Как можно узнать из материалов круглого стола, организованного в 2007 г. в г. Самаре Государственным учреждением Самарской области «Дом дружбы народов», на начало 1939 г. в СССР насчитывалось 1 427 222 гражданина немецкой национальности⁵. Однако, с началом Великой Отечественной войны отношение коммунистической власти к немцам, пусть даже с самого рождения советским, не могло не претерпеть изменения, не стать подозрительным.

И это новое отношение нашло прямое отражение в вышедших в том же 1941 г. Указах и различных Постановлениях.

Одним из первых законодательных актов такой направленности явился вышедший 28 августа 1941 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Официальная причина – наличие десятков тысяч диверсантов и шпионов, связь с Германией. Как результат – только из Поволжья в отдаленные места в принудительном порядке было отправлено 446 480 граждан-немцев⁶.

30 октября 1941 г. выходит Распоряжение Совета Народных Комиссаров СССР «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные»⁷.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Репрессии народов СССР: последствия трагедии. Сборник материалов круглого стола. ГУ Самарской области «Дом дружбы народов». Самара, 2007. С. 11.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 34.

Результаты не заставили себя долго ждать. Как пишет в своей статье «Немцы-спецпереселенцы Удмуртии: иной взгляд», опубликованной в 2007 г. в «Московской немецкой газете», Петр Берх, *«Уже в сентябре-октябре 1941 года в Удмуртии из красноармейцев немецкой национальности, отозванных с фронта, было сформировано два батальона Трудовой армии, примерно по тысяче человек в каждом»*⁸.

Наконец, 10 января 1942 г. на свет появляется документ, который, судя по всему, и определил дальнейшую судьбу студента-добровольца В.Е. Майера – Постановление «О порядке использования немецко-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживавших в областях, краях, автономных и союзных республиках»⁹.

Буквально через 2 дня после его выхода, 12 января 1942 г., в НКВД принимается соответствующее «Положение о порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немецко-переселенцев», подписанное замнаркома внутренних дел Союза ССР, комиссаром госбезопасности 3 ранга С.Н.Кругловым, согласно которому все мобилизуемые немцы призывных возрастов направлялись для работы при лагерях НКВД СССР в организуемые рабочие колонны при исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР¹⁰.

А ведь именно о начале 1942 г., как отправной точке, с которой судьба В.Е.Майера становится тесно связанной с Удмуртией, говорится в уже ранее цитировавшейся биографической справке, подготовленной зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков УдГУ, к. и. н., доцентом Н.Г. Шишкиной и зав. кафедрой этнологии и регионоведения УдГУ, д.и.н., профессором В.Е. Владыкиным.

Еще более конкретно, касательно некоторых дат, высказывается Петр Берх: *«7 июля 1941 года двадцатидвухлетний Василий (правильнее – Вильгельм) уходит добровольцем на фронт защищать Родину, которая поначалу ему доверила только кирку и лопату на строительстве оборонительных сооружений вокруг Москвы. Когда же привезли винтовки, то они были запакованы в ящики со штампом: «Упаковано в 1922 году, к стрельбе малопригодны». В январе 1942 года В. Майера снимают с фронта (хотя, тем не менее, впоследствии он был награжден медалью «За оборону Москвы») и отправляют в Удмуртию. Здесь он попадает на лесоповал в Увинский район, в один из немецких батальонов Трудовой*

⁸ Петр Берх. Немцы-спецпереселенцы Удмуртии: иной взгляд. Московская немецкая газета. № 04(205), 08.03.2007. <http://www.ru.mdz-moskau.eu/index.php?date=1173330296&godnum=200704>

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1146. Лл. 34–38об. Машинописная копия. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009119>

армии, где сначала работает простым лесорубом, потом сметчиком и учетчиком»¹¹.

Помимо уже приведенных документов, во многом определивших судьбу советских немцев в годы войны, 7 октября 1942 г. Государственным комитетом обороны было принято еще одно Постановление – «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства»¹².

Всего же в период с 1942 по 1945 гг., по материалам того же круглого стола, проведенного в 2007 г. в Самаре, были демобилизованы из армии и с фронта 33516 человек немецкой национальности. Значительная их часть была отправлена в трудовые армии, рабочие колонны и батальоны в возрасте от 16 до 55 лет. Общее количество немцев, оказавшихся на спецпоселении, оценивается, например, к.и.н., доцентом, членом Общественной Академии наук российских немцев, Международной Ассоциации исследователей истории культуры российских немцев Савченко И.А., в 687300 человек¹³.

Кстати, по воспоминаниям самого В.Е. Майера и еще одного бывшего красноармейца из немцев, Э.Е. Берга (так же, как и Майер, определенного в Умуртию в Трудармию, правда, еще в конце октября 1941 г.), на которые ссылается П. Берх, особых притеснений к ним ни со стороны властей, ни со стороны НКВД не было. Бывали некоторые трения с местным населением, особенно с теми, чьи родственники находились на фронте, но благодаря своему исключительному трудолюбию немцы быстро завоевывали доверие к себе¹⁴.

Очевидно, и это доверие сыграло свою роль в том, что вскоре Василию (Вильгельму) Майеру поручают преподавание истории и Конституции в Новомултанском, а затем и Увинском педучилищах. Помимо преподавания, в качестве переводчика и политработника он привлекается для работы с немецкими военнопленными в лагерях №75 и №155, которые находились в д.Рябово и под Увой¹⁵.

Как говорилось выше, в июле 1945 г. В.Е.Майеру разрешили закончить родной исторический факультет МГУ, однако после получения диплома он, тем не менее, вернулся в Удмуртию. Но почему?

Очень внятный ответ на этот вопрос можно получить, ознакомившись с содержанием Указа Президиума Верховного Совета СССР, при-

¹¹ Петр Берх. Немцы-спецпереселенцы Удмуртии: иной взгляд. - Московская немецкая газета. № 04(205), 08.03.2007. <http://www.ru.mdz-moskau.eu/index.php?date=1173330296&godnum=200704>

¹² Репрессии народов СССР: последствия трагедии. Сборник материалов круглого стола. ГУ Самарской области «Дом дружбы народов». Самара, 2007. С. 35.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Петр Берх. Немцы-спецпереселенцы Удмуртии: иной взгляд. - Московская немецкая газета. № 04(205), 08.03.2007. <http://www.ru.mdz-moskau.eu/index.php?date=1173330296&godnum=200704>

¹⁵ Там же.

нятого 26 ноября 1948 г. Название его довольно длинное, однако оно стоит того, чтобы привести его полностью: «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны».

И первый же абзац его, без обиняков, определяет следующее: «*В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства* (выделено мной – Авт.)».

Предусмотрена была и мера наказания за нарушение установленного Указом режима: «*За самовольной выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ*»¹⁶.

Здесь уже, как говорится, ни прибавить, ни убавить.

Данный драконовский Указ был отменен лишь 13 июля 1954 г., когда Президиум ВС СССР принял Указ «Об отмене Указа ВС СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц...»»¹⁷.

Однако вплоть до 1955 г. (до выхода Указа Президиума ВС СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», который снял с учета спецпоселения и освободил из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны¹⁸), В.Е. Майер, по-прежнему, не мог покинуть Ижевск по собственному желанию, а если собирался делать это, то непременно давал расписку органам НКВД о возвращении к определенному сроку.

Но и это еще не все.

Хотя статья 1 Указа от 13 декабря 1955 г. и снимала, действительно, некоторые ограничения в правовом положении с немцев, касающиеся административного надзора со стороны органов МВД, в статье 2 он устанавливал, что, во-первых, снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного

¹⁶ <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=ESU;n=16040>

¹⁷ <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55868>

¹⁸ http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5049.htm

при выселении, и, во-вторых, что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены.

Таким образом, и в 1955 г. В.Е. Майер, уже защитивший (как раз в этом, 1955 г.) кандидатскую диссертацию, все еще не имел никакой возможности – при всем, может быть, имевшемся у него желании – вернуться в Москву, из которой он был когда-то выслан.

Самое же поразительное заключается в том, что отменена 2-я статья Указа от 13 декабря 1955 г. была лишь спустя почти 20 лет, 9 января 1974 г., когда Президиум Верховного Совета СССР принял, наконец, Указ № 5333-VIII, признававший положения статьи утратившими силу¹⁹.

К моменту выхода этого Указа профессор УдГУ Василий Евгеньевич Майер уже 6 лет являлся доктором исторических наук...

Конечно же, не подлежит никакому сомнению та истина, что Удмуртскому государственному университету исключительно повезло в том, что в его стенах много лет трудился талантливый педагог и ученый столь высокого уровня.

Но при всем при этом давайте не будем, друзья, забывать, какими личными переживаниями профессора В.Е. Майера были отмечены эти годы, неразрывно связавшие его судьбу с судьбой нашей Республики.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В УВИНСКОМ РАЙОНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

А. И. Пудов

Общество историков-архивистов увинского района

Современная административная карта Удмуртии и подобная времен войны не совпадают по количеству административных единиц и их границ. В частности, территория Увинского района нашего времени в 40-е гг. прошлого века входила в состав собственно Увинского (11 сельсоветов), Нылгинского (7 сельсоветов) и Старо-Зятцинского (3 сельсовета) районов.

Биография В.Е. Майера связана с пребыванием на территории первоначального Увинского района. Указанное административное образование возникло 8 января 1935 г. после разукрупнения Вавожского и Селтинского районов и к началу войны едва закончило стадию организованного оформления. Немногим старше был и сам райцентр. Станция Ува, возникшая как лесоучасток на одноименной реке, насчитывала 17 лет от роду и имела с 1938 г. статус поселка городского типа. По переписи населения 1939 г. здесь проживало 4,6 тыс. жителей,

¹⁹ http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8230.htm

которые все, кроме нескольких десятков народившихся детей, были людьми, приехавшими со стороны. Будучи единственным поселением на аграрном западе Удмуртии, основой которого были промышленность и железнодорожный транспорт, райцентр имел хорошие стартовые возможности и развивался ускоренными темпами, имея в ближайшей перспективе возможность стать городом. Однако, по всегдашней советской традиции, отдававшей приоритет развитию экономики в ущерб социальной стороне жизни, в Уве были в дефиците жилье, школы, дошкольные учреждения, учреждения досуга. Отставали от уровня потребностей сфера торговли, медицинское обслуживание, дорожное строительство, бытовое обслуживание населения. Остро нуждался молодой район в квалифицированных кадрах.

Начавшаяся война, перевод экономики молодого района на мобилизационные рельсы, а также появление многотысячной категории перемещенных лиц, резко ухудшило социальную ситуацию в районе. В частности, структура и управление народным образованием и культурой выглядела следующим образом: существовали, образованные в 30-е гг., немногочисленные клубы, избы – читальни (в 11 сельсоветах), которые были подчинены отделу народного просвещения исполнительного комитета Увинского районного Совета народных депутатов трудящихся. Под госпитали (№№ 2646,3423) переданы здания школы №1, районной больницы. Под детские дома для эвакуированных детей переданы здания школ в Сям-Можге, Уве, Новом Мултане, Пекшурском лесоучастке. В связи с переводом Мултанской школы в категорию неполной средней школы, осталась только одна школа, дающая полное среднее образование - в Уве. Массовым явлением стало раннее (с 12-13 лет) трудоустройство подростков и, соответственно, сокращение числа учащихся в 15 неполных средних школах. В связи с призывом на фронт учителей-мужчин стал острым дефицит педагогов и в 27 начальных школах. Мултанское педучилище перешло на безэкзаменационное зачисление, а в 1944 г. оно было переведено в поселок Ува. Сократилось число образовательных учреждений, работавших по национальному учебному плану, что было связано с появлением в классах многочисленных эвакуированных детей из областей прифронтовой полосы. В поселке Ува национальные классы были ликвидированы полностью при заведующей РОНО Зяпеавой Т.В. и директоре Сухомлинском В.А. в 1943 г.

В эти годы на ответственные посты все чаще приходили люди с начальным образованием, что потребовало открытия в 1944 г. школы рабочей молодежи, занимавшейся в третью смену в здании средней школы. Директором «вечорки» был назначен Жданович Э.Я. из числа репрессированных.

В Уве военной поры полностью отсутствовала сеть специальных спортивных и досуговых учреждений. Здесь не было стадиона, музея, церкви, дома культуры, детских игровых площадок. Так и не начавшись, в райцентре не велись работы по благоустройству, дорожному строительству, уличному освещению, внешнему оформлению госучреждений и жилых зданий. Руководство района пыталось компенсировать отсутствие социальной инфраструктуры открытием красных уголков и профсоюзных библиотек в леспромхозах в Уве, Каркалае, Подмие, Мултанском кордоне, на торфопредприятиях в Уве и Рябово. В школах функционировали школьные библиотеки, работали избы-читальни в Ува-Тукле, Мултани, Мушковае, Сям-Можге, Скалгурте, Пужмесь-Тукле, Поршуре, Узей-Тукле, Пушкино, Киби-Жикье. Самая большая библиотека (на 10 тысяч томов) была в Мултанском педучилище. При исполкоме райсовета работала районная библиотека. Коммунисты, комсомольцы и активисты пользовались партийной библиотекой в райкоме ВКП(б); работники лесозавода, заготзерно, промкомбината, пищекомбината, железной дороги – библиотечками своих профорганизаций. Из средств массовой информации были доступными периодическая печать и проводное радио. На весь район была одна стационарная киноустановка в клубе отдела народного образования в поселке Ува, передвижные – в центральных усадьбах сельсоветов, на торфопредприятиях в Первомайском и Рябово, и лагерях для военнопленных. В редкие часы досуга, а также по случаю государственных праздников (7 ноября, 5 декабря, 1 мая), во время агитационных кампаний, при встрече Нового года проводились массовые мероприятия в виде смотров художественной самодеятельности, спортивных соревнований по лыжам, бегу, военно-прикладным видам, субботники, обсуждение книг, фильмов и т.д. Здесь упор делался на учащихся школ, педучилища, выздоравливающих воинов из госпиталей.

За годы войны население райцентра выросло более чем в два раза и составляло в 1945 г. 12 тысяч человек; подобное было характерно и для Увинского района в целом. Столь резкое увеличение населения в условиях резкого снижения рождаемости было связано с прибытием значительного контингента перемещенных лиц. В нашей местности это понятие включает следующие категории:

- эвакуированные из прифронтовой полосы;
- мобилизованные в Трудармию;
- спецпереселенцы из числа репатриированных немцев Поволжья;
- прибывшие с фронта раненые в эвакогоспитали и медперсонал госпиталей;
- прибывшие из областей Урало-поволжья по оргнабору и переселению;

- прибывшие из других районов Удмуртии в порядке трудгужповинности;

- военнопленные лагерей №75 и №155 (п. Рябово и 17 лесоучасток), а так же двух филиалов в п. Ува и филиала в п. Каркалай;

- работники НКВД и военный персонал, обслуживающий лагеря военнопленных, спецкомендатуру и госпитали;

- на последнем этапе войны – лица, бежавшие с бывшей оккупированной территории, в том числе скрывавшиеся от возмездия за сотрудничество с оккупантами.

Ува - молодой, но самый крупный в республике райцентр, принявший огромный контингент людей со стороны, был уникальным явлением на географической карте Удмуртии.

Хлебникова А.В., эвакуированная москвичка, ученый-филолог Академии педнаук, а в то время – заместитель Сухомлинского В.А. в средней школе, вспоминала: «В классе большинство учеников составляли эвакуированные... наряду с русскими и удмуртами учились поляки, евреи, цыгане, немцы, украинцы». Такой же расклад был и в педагогических коллективах. Бок о бок работали учителя, окончившие до революции учительские семинарии в Казани, Сарапуле, Карлыгане, учителя, имевшие диплом Мултанского педтехникума, и учителя с дипломами вузов Москвы, Одессы, Ленинграда, Киева, Полтавы, Минска и Смоленска. Последняя категория педагогов уровнем культуры, образованности, эрудиции, резко отличавшаяся от местных, много сделала для качественного подъема учебно-воспитательной работы в наших образовательных учреждениях.

В годы войны В.Е. Майер, три с половиной года проживший в Увинском районе и работавший в Новомултанской средней школе, Новомултанском и Увинском педагогических училищах, оставил добрую память в сердцах своих коллег и учеников. В школе рядом с ним трудились Шатунова З.Ф., Ситникова В.Ф., Любимов П.М., Чаузов М.И., в Мултанском педучилище – Булдаков Д.А., Борисенков Т.Я., Бехтерев Б.Г., Горбушин М.В., Арафаилова А.А., Попов Е.А., Обухова У.П., в Увинском педучилище – Афанасьев И.И., Татаринова Т.И., Мезрин Н.П., Поздеев Ф.И., Гуцо Ф.И., Семин А.В., Микрюкова А.А., Тронин Б.Г.

В Уве В.Е. Майер проживал на улице Чкалова у родителей Старковой В.А., студентки педучилища. В Увинский период жизни он впервые встал у классной доски как преподаватель, в многонациональной Уве было снято проклятие этнической принадлежности, висевшее камнем с начала войны, здесь он приобрел в лице Сысоевой Б.П. верного спутника жизни.

Из других знаменитых увинцев в круг его общения входили: Капачинских З.Х. – жена Гусева В.Г., на тот момент заведомо агитации

и пропаганды райкома партии, работавшая впоследствии директором Удмуртского ИУУ и глазовской школы №2, Сухомлинский В.А. – на тот момент директор Увинской средней школы, Козырева К.П. – секретарь парторганизации средней школы п. Ува, Заслуженный учитель УАССР

За период с февраля 1942 г. по сентябрь 1945 г. Василий Евгеньевич Майер проживал в районе: в селе Новый Мултан, поселке Рябово, в поселке 17 лесоучасток и в райцентре – станции Ува.

НЕВОЛЬНИКИ ВОЙНЫ

П.В. Леконцев
МОУ СОШ с. Рябово

В краеведческом музее Рябовской средней школы хранится деревянная табличка с надписью на немецком языке «Хуберт Янш. Запперхаузен, Южный Гарц, 24.09.47, Германия». Надпись меня заинтересовала. Каким образом табличка оказалась в музее? Кто автор этой надписи? Каким образом он оказался в наших краях? Эти вопросы и ряд других подтолкнули меня к поискам.

В 1989 г. в поселке строится здание начальной школы. Старое здание начальной школы, построенное в 40-е гг., строители разрушают. Во время демонтажа здания строители находили надписи на немецком языке на деревянных стенах здания. Часть одной доски с надписью была выпилена и помещена в краеведческий музей. Но каким образом автор надписи оказался в нашем поселке? Задавая этот вопрос, передо мной вставали другие, не менее важные и интересные. Открывались неизвестные для меня страницы истории поселка и его жителей.

Кануло в историю XX столетие, век революций, мировых войн, распада империй. Уходят из жизни участники этих событий, унося с собой интересные факты, свою оценку событий. Собирая материал, я встречался с очень интересными людьми; участниками второй мировой войны, ветеранами трудового фронта, репрессированными в годы сталинского режима. Используя их воспоминания, публикации из журнала «Родина», архивные материалы торфопредприятия «Рябовское», переписку с бывшим военнопленным Петером Бехтольдом, я попытался заглянуть в историю, поселка Рябово, Увинского района, его жителей, тех людей, которые так или иначе были связаны с жизнью и судьбой нашего поселка, района.

Далекие 30-е гг. уходящего XX столетия. В Советском Союзе происходят огромные социально-экономические изменения. Вся страна превращена в огромную строительную площадку. Строятся заводы и фабрики

ки, идет массовая коллективизация, сопровождаемая раскулачиванием российского крестьянства. Тысячи раскулаченных крестьян отправлены в Сибирь, Крайний Север, Дальний Восток, в тюрьмы и лагеря.

Строящимся гигантам советской индустрии требуются рабочие, сырье топливо. Для поисков топлива в Удмуртии в конце 20-х гг. проводятся геологические изыскания по торфу. Огромные залежи торфа были обнаружены по берегам реки Ува, где на многие сотни километров растянулись болота, поросшие непроходимыми лесами. Собственно леса потому и непроходимые, что стоят в топком месте.

В 1939 г. в 12 километрах от нового поселка Ува, будущего районного центра, возник поселок Рябово. Поселок строили в низменном болотистом месте в 2-х километрах от реки Ува, рядом с железнодорожной станцией. Для строительства поселка и добычи торфа нужны были рабочие руки. На торфопредприятие вербовались сезонные рабочие из соседних республик: Татарстана, Башкирии, Мордовии и других областей, приезжали крестьяне из соседних деревень. Началось строительство служебных помещений, гаражей для техники. Одно из первых зданий, построенное в поселке – контора, которое сохранилось до настоящего времени.

Строились бараки для сезонных и постоянных рабочих. С самого начала возникновения, поселок создавался как интернациональный. На торфопредприятии работали удмурты, русские, татары, башкиры, марийцы, мордва, финны, евреи, украинцы и представители других народов. Однако рабочих рук не хватало, сезонные рабочие после окончания работ уезжали.

Для решения проблемы рабочей силы правительство принимает решение создать в поселке колонию для осужденных. Но этим планам не суждено было сбыться.

Первое сентября 1939 г. – трагическая дата в истории человечества. Начало Второй Мировой войны, в которую были втянуты народы Европы, Америки, Азии, Африки с населением более 1,7 миллиарда человек. Военные действия идут в Европе, Азии, Африке, угроза войны нависла и над нашей страной. Фашистская Германия поставила цель уничтожение демократии, порабощение целых стран и истребление целых народов, которые считали «неполноценными».

22 июня 1941 г. фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Под угрозу было поставлено существование нашего государства. Красная Армия с тяжелыми оборонительными боями отступала, неся огромные потери в живой силе и боевой технике.

В первую очередь, в кровавых войнах страдают и гибнут солдаты, которые несут на своих плечах всю тяжесть войны. Они первые погибают, получают увечья, попадают в плен. Войн без военнопленных не бы-

вает. Из истории Второй Мировой известно, что около 6 миллионов советских солдат погибло в немецко-фашистских концлагерях. Об их трагической судьбе нам известно из учебников истории, кинофильмов, исторических исследований, рассказов солдат, испытавших на себе ужасы фашистского плена.

Масштабы уничтожения советских военнопленных в фашистских лагерях огромны, о чем говорят следующие сравнительные статистические данные: если в Первую Мировую войну смертность среди русских военнопленных в Германии составляла 5,4%, то смертность среди советских военнопленных в гитлеровских лагерях, по немецким данным, составляла уже 57,8%.

Пленных лишали одежды, медицинской помощи. 17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший уничтожение всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма. Их морили голодом и расстреливали еще по пути в лагерь, расположенные во фронтовой зоне. Массовые казни продолжались и в стационарных лагерях. Значительную часть советских военнопленных, особенно командиров и политработников гитлеровское командование направляло в концлагерь, где их ждала верная смерть.

Кровавый облик фашизма наиболее ярко выражался в системе многочисленных концлагерей, ставшей братской могилой миллионов узников-антифашистов из самой Германии и многих стран мира. Трудно представить себе карту Европы без тысяч лагерей различного назначения. Гитлеровцы создали 55 концлагерей, и других мест массового уничтожения узников, 1082 их филиала, 7205 трудовых лагерей, 371 лагерь для беженцев, 2071 тюрьму и других мест заключения, 506 гетто и 80 лагерей для рабочих организаций Тодта. Наибольшее их число из них, кроме самой Германии, размещалось в Польше (1671), Чехословакии (615), Советском Союзе (359), Австрии (135), Франции (132). Кроме мест заключения, созданных гитлеровцами, целая система лагерей существовала и в странах сателлитах фашистской Германии: Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, Болгарии.

Картина концлагеря с колючей проволокой, воротами, на которых высились зловещие слова «Труд делает свободным» или «Каждому своё», и крематорием, над которым днем и ночью клубился пепельным облаком смрадный дым, стала символом гитлеровской Германии. Концентрационные лагеря предназначались для того, чтобы заставить замолчать лучших сынов немецкого народа и стран, оккупированных гитлеровцами – честных патриотов антифашистов. По расчетам эсэсовских бухгалтеров, каждый уничтоженный узник лагеря, приносил рейху доход, в среднем, 1631 марку, учитывая невыплаченную зарплату, конфискованные у него ценные вещи, одежду и другое. Концлагеря фашист-

ской Германии были настоящими фабриками смерти, в которых царил бесчеловечный режим и массовое уничтожение заключенных. Зловещую известность приобрели концлагеря Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен, Равенсбрюк, Освенцим, Майданек и другие.

По отношению к заключенным применялись самые изощренные виды наказания: их рвали собаками, сажали в карцер, расстреливали, вешали. Узники жили в ужасающих условиях. Режим террора, глумление над человеческим достоинством существовал во всех лагерях фашистской Германии. Попав в лагерь, узник превращался в номер, объект безудержного произвола. Рабский труд, ежедневные проверки и переклички, недостаточное питание и жалкая одежда, недостойное человека жилье, допросы и садистская система жестоких наказаний изнуляли его физические силы, доводили до отчаяния. Заключенных третировали, унижали, морили голодом, убивали непомерным физическим трудом. Смертность в лагерях была исключительно высокой.

Всего же с 22 июня 1941 г. по февраль 1945 г. в немецком плену, по данным ОКВ, оказалось 5 734 528 советских солдат и офицеров, а также 50 генералов. К 1 января 1945 г. в плену находилось 930 287 человек. По подсчетам советских специалистов, фашистские захватчики только на оккупированной территории СССР уничтожили 3,9 млн. советских военнопленных.

Но были военнопленные и со стороны фашистской Германии и ее союзников. Лагеря для немецких военнопленных и её союзников располагались в глубоком тылу СССР. Были они и в Удмуртии, и в нашем Увинском районе.

Занимаясь историей лагеря №75, я обнаружил в сборнике документов «Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941-1945 годы» «Постановление Совнаркома УАССР и обкома ВКП (б) об организации лагерей военнопленных на территории УАССР»¹:

«В целях более полного и бесперебойного снабжения заводов № 71 и 7 дровами и деловой древесиной Совет Народных Комиссаров Удмуртской АССР и бюро обкома ВКП (б) постановляют:

1. Считать, целесообразным организовать лагеря военнопленных в следующих пунктах: а) в Пекишурском лесоучастке Увинского лесопункта Увинского района; б) в 49 участке Каркалайского лесопункта Увинского района; в) в 82 участке Областновского лесопункта Нылгинского района; г) на строительстве торфоразработок треста «Оборонторфострой» Наркомата вооружения СССР (разъезд Рябово Увинской железной дороги Увинского района).

¹ Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Сборник документов. Ижевск: Удмуртия, 1995.

2. На всех перечисленных участках передать в ведение Управления по делам военнопленных НКВД СССР все жилые, культурно-бытовые, складские, производственные и прочие сооружения.

3. Считать необходимым одновременно с работами по организации лагерей развертывание производства работ на лесных и торфяных массивах, с последующим выполнением лагерями работ в объеме не менее производственных мощностей названных участков к моменту передачи.

Председатель Совнаркома УАССР А. Тронин.
Секретарь обкома ВКП(б) А. Караваев.

Приказом наркома внутренних дел СССР Л. Берии от 25 мая 1942 г. на базе Рябовского участка Увинского торфопредприятия был организован лагерь для военнопленных НКВД СССР № 75 в количестве 1500 человек, который начал работу на Увинском торфопредприятии со второй половины июня 1942 г. Целью создания лагеря являлось обеспечение выполнения плана добычи торфа и капстроительства за счет полного использования труда военнопленных. Трест «Оборонторфстрой» обязан был предоставить лагерю необходимые помещения, обнести забором или колючей проволокой территорию лагеря, обеспечить лагерь бесплатно светом, водой, противопожарным оборудованием и за плату – хозяйственным и кухонным инвентарем, предоставить необходимый транспорт.

Лагерь занимал довольно большую территорию, где сейчас расположены два корпуса Рябовской средней школы, два жилых дома, баня, стадион, магазины, пекарня. Вся территория лагеря была огорожена высоким трехметровым забором с колючей проволокой. На территории лагеря были построены бараки, подсобные помещения, санпропускник, столовая, клуб.

Значительное количество немецких военнопленных стали прибывать после разгрома немецкой армии под Москвой в декабре 1941 г., в основном это были солдаты, младшие командиры. Среди них оказался немецкий солдат Хуберт Мюллер. По документам в лагере находилось 1300 военнопленных, среди них: 6-7 офицеров, 60-70 австрийцев, 300 румын. 500 венгров и около 430 немцев.

Трагична судьба немецкого солдата Хуберта Мюллера. Он родился 25 марта 1916 г. в городе Фридлянде в обычной немецкой семье. Его отец по профессии был жестянщиком, мать домохозяйкой. После окончания народной школы, поступил учиться на повара и кондитера. С 1933 по 1935 гг. работал пекарем. В 1939 г. был призван в Вермахт, служил артиллеристом в 202 артиллерийской бригаде. С мая по июнь 1940 г. участвовал в военных действиях во Франции. 22 июня участвовал во вторжении в СССР. 26 марта 1942 г. попал в плен под Ржевом. 18 апреля

1942 г. находился в Мордовии в Темниковском лагере для военнопленных. В июле 1942 г. был переведен в Лагерь №75 в п. Рябово. 8 октября 1942 г. умер в поселке Рябово от пеллагры. Похоронен на кладбище для военнопленных.

Значительное количество военнопленных стали привозить в лагерь в 1943 г. В основном это были солдаты, младший и средний офицерский состав. Среди военнопленных было много солдат, пострадавших от нацистского режима, но были и такие, кто до конца оставался, верен идеям нацизма.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на территории СССР находилось огромное количество военнопленных солдат и офицеров фашистской Германии и ее союзников. На российских просторах сформировался второй подневольный архипелаг, по своим размерам не уступающий «отечественному».

К январю 1946 г. на территории СССР находилось 277 производственных лагерей, в которых содержались немцы, австрийцы, венгры, румыны, итальянцы, чехи, словаки, голландцы, финны, испанцы, датчане, и представители других европейских народов. После разгрома Квантунской армии к ним добавились японцы, китайцы, корейцы.

Политика советского государства по отношению к попавшим в плен военнослужащим вражеских армий формировалась в соответствии с нормами международного права. Нет никаких свидетельств о намеренном уничтожении их голодом или непосильным трудом.

На основе специального постановления СНК СССР от 24 ноября 1942 г.² в расчете на день каждому военнопленному полагалось: 600 г. хлеба, 10 г. муки, 70 г. крупы, 10 г. сахара, 30 г. картофеля, 100 г. капусты, кроме того, в этот продуктовый набор входило сало, растительное масло, морковь, свекла, огурцы, лук, чай.

В приказах НКВД коменданты лагерей предупреждались, что виновники в не обеспечении нормальных условий содержания военнопленных будут привлекаться к строгой ответственности, вплоть до предания суду военного трибунала. Труд военнопленных использовался в различных отраслях промышленности, лесозаготовках, торфодобыче. Их силами возводились цеха промышленных предприятий, прокладывались железнодорожные пути, строились дома, восстанавливались разрушенные объекты. Но между приказами о содержании военнопленных и реальной действительностью, особенно в военные годы существовала значительная дистанция. В лагеря прибывали изможденные люди, за плечами которых были многодневные, изматывающие марши, долгий путь в ваго-

² «Постановление СНК СССР об изменении норм продовольственного снабжения военнопленных» - http://militera.lib.ru/research/galitsky_vp/03.html

нах, поэтому смертность среди них была очень высокая. Эти факты подтверждаются в воспоминаниях бывшего военнопленного Петера Бехтольда.

С лагерем №75 связана часть биографии известного ученого, замечательного человека Василия (Вильгельма) Евгеньевича Майера. С началом Великой Отечественной войны В.Е. Майер добровольцем уходит на фронт. В январе 1942 г. В.Е. Майера как этнического немца снимают с фронта и направляют в Удмуртию. Здесь он попадает на лесоповал в Увинский район, в один из немецких батальонов Трудовой армии, где сначала работает простым лесорубом, потом сметчиком и учетчиком. Вскоре ему доверяют преподавание истории и Конституции в Новомуланском и Увинском педучилищах. В качестве переводчика и политработника он привлекается для работы с немецкими военнопленными в лагерях №75 и №155, которые находились под Увой и в Рябово. Даже по прошествии многих лет он с болью вспоминал то время и, особенно, высокую смертность в этих лагерях в 1942 г. Вместе с тем, в частных беседах он отмечал (сейчас, кажется, даже с некоторым уважением), что военнопленные немцы воздействию советской пропаганды поддавались очень плохо: года до 1944 они не теряли надежды на победу Гитлера, потом – на то, что их просто скоро отправят домой. А своему переводчику в ответ на его агитацию говорили: «...съезди в Германию и посмотри, как живут наши крестьяне и сравни их с положением ваших колхозников. Тогда ты сам поймешь, почему мы не хотим оставаться в вашем государстве рабочих и крестьян». Подобные надежды имели под собой определенную основу.

В последние месяцы войны из фронтовых лагерей Красной Армии в ведение НКВД начали поступать массы военнопленных. К ним добавились немецкое и японское население, мобилизованное советской администрацией для работ в составе рабочих батальонов МВД на территории СССР.

Все трудоспособные немцы в возрасте – мужчины от 17 до 45 лет и женщины от 18 до 30 лет – находившиеся на освобожденной советской армией территории Венгрии и Югославии были мобилизованы и интернированы в СССР. К 1 сентября 1945 г. число интернированных достигло 208 239 человек. Благодаря военнопленным и интернированным, количество трудовых ресурсов, подлежащих принудительному использованию, в СССР в 1945 г. достигло рекордной цифры – 3 900 000 человек.

В лагере №75 существовал строгий военный режим. Все военнопленные, по национальному признаку, были разбиты на взводы, роты, батальоны, во главе каждого подразделения стояли назначенные командиры из пленных. Были созданы и две интернациональные бригады. По воспоминаниям очевидцев в одной из бригад было девять американцев,

несколько французов. Как же попали сюда американцы? Можно предположить, что это американские матросы, сопровождавшие морские конвои в Мурманск и по каким-либо причинам оказавшиеся в данном лагере. Проверить эти рассказы мы не можем, так как не обладаем архивными материалами.

1 августа 2000 г. в наш поселок приезжал бывший военнопленный Петер Бехтольд. Он рассказывает: «Война шла к концу, Красная Армия вела боевые действия на территории Германии. Под ружье в немецкой армии были поставлены подростки и пожилые мужчины». Был мобилизован и семнадцатилетний Петер. К счастью для него, война продолжалась недолго. Весной 1945 г. в 40 километрах от Берлина он попал в плен.

В своем письме он пишет, что испытал во время длительной поездки в неизвестность. (Письмо хранится в школьном краеведческом музее). Весной 1945 г., вместе с другими военнопленными, его привезли в лагерь № 75. Кроме немцев, венгров, финнов, румын, здесь были испанцы. Как известно «голубая дивизия» испанских солдат воевала на стороне фашистской Германии. Он утверждает, что американцев в лагере не было. Можно лишь предположить, что к тому времени, когда Петер Бехтольд прибыл в лагерь, 9 американцев перевели в другие лагеря. Кроме лагеря № 75 Петер Бехтольд прошел еще через четыре лагеря.

Петер Бехтольд

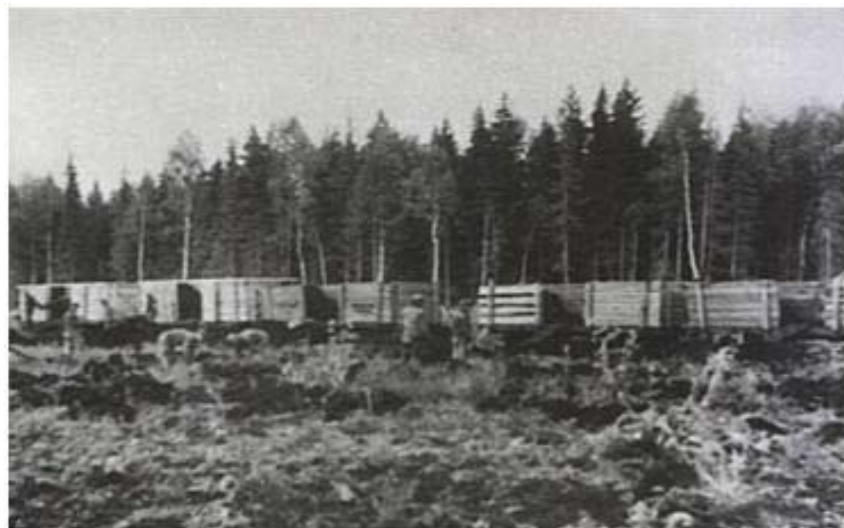
Жили военнопленные в бревенчатых бараках, отапливались они очень плохо, дров было мало и те очень сырые. В зимнее время, ночью, чтобы пленные не погибли от холода, их будили, строили и приказывали бегать вокруг казарм. В первое время военнопленных умирало очень много от недоедания, старых ран, холода. За ночь умирало от пяти до шести человек. Могилы для умерших копали сами же военнопленные. Хоронили ночью. Руководил этой печальной работой Петр Царев, но после одного случая произошедшего во время погребения умерших, он попросился на торфоразработки. Что же явилось причиной этой просьбы? Однажды на кладбище привезли умерших военнопленных. Когда их стали закапывать, выяснилось, что один из них подает признаки жизни, и тогда сами же пленные добились лопатами своего товарища, чтобы не возиться с ним. Этот случай глубоко потряс П. Царева.

Труд военнопленных использовался на торфоразработках, лесоповале. Одни бригады вырубали лес, на торфяных полях другие рыли каналы для осушения болот. Принимали участие в строительстве узкоколейной дороги поселок Башмур – поселок Рябово. До сих пор сохранились каналы, построенные военнопленными. Среди них два канала, берега которых укреплены бревнами. Каналы отводили воду с торфяных полей в реку Ува.

Строительство школы военнопленными в п. Рябово

Военнопленные, имевшие технические специальности, работали в ремонтных мастерских, выполняя работу по ремонту техники, другая часть занималась строительством бараков, начальной школы. Здание начальной школы военнопленными было построено в 1947 г., где, как известно, в 1989 г. нашли доску с автографом немецкого военнопленного. При демонтаже барака, где жили военнопленные, в 1983 г. нашли немецкие бумажные деньги, датируемые 1928 г.

Погрузка торфа военнопленными

В поселке есть легенда, что военнопленными была выполнена тонкая ремесленная работа. Они изготовили часы, детали, которой были выполнены из дерева. Часы установили на фронтоне местного магазина. Но в 1947 г., когда военнопленных отправляли в свои страны, однажды ночью местные жители «увели» гири, а затем и веревки. И сейчас на фронтоне магазина сохранился лишь циферблат от этих часов. Из военнопленных же был организован оркестр, который во время выхода на работу и после окончания играл марши и вальсы.

Несмотря на преступления фашистской Германии и ее союзников на советской земле, местное население все же сочувственно относилось к военнопленным. Самим жителям поселка Рябово в ту пору приходилось тяжело. Отцы и братья на фронте, скудное питание, тяжелая работа. В рационе питания только хлеб да овощи, а у некоторых и этого и не было. Но, тем не менее, жители подкармливали военнопленных. Из-под полы женщины украдкой доставали кто корочку хлеба, кто картофелину. Если бы охрана заметила передачу хлеба, то женщины были бы строго наказаны.

По рассказам старожил, в лагере № 75 было несколько попыток побегов, но это, скорее всего, легенда. Петер Бехтольд, попавший в лагерь семнадцатилетним юношей, в своем письме рассказывает, что уставшие, больные пленные, не знавшие языка, находившиеся в глубоком тылу и не думали о побеге, лишь бы выжить. Тем более существовала круговая порука. Из его письма: «Однажды зимой, когда пленные возвращались с работы, не досчитались одного пленного. Подняли всю охрану. Пленного нашли, обессиленный он не мог идти, лежал в сугробе, Его подняли и принесли в госпиталь...».

Наступил 1947 г. Лагерь степенно расформировывали, больных и ослабевших отправляли на родину, а крепких и здоровых в другие лагеря.

В письме Петер Бехтольд пишет, что он и его товарищи были переведены в Ижевск, а затем на Украину на шахты Донбасса, где он встретил своего дядю Карла, старше его на 18 лет.

Но лагерь в поселке не пустовал. Место военнопленных заняли российские немцы. В основном это были немцы, проживавшие на Украине, Крыму, Молдавии. Охраны не было, им разрешалось выходить за пределы лагеря, но не покидать территорию поселка. Были среди них и те, кто во время войны были угнаны в Германию. Работали на торфодобыче, лесозаготовках, выполняли ремонтные и строительные работы. Российские немцы привезли с собой огородные культуры, которые не выращивали до них в поселке. Это были тыква, кабачки, баклажаны, некоторые сорта цветов. До сих пор жители поселка с добротой и уважением вспоминают Фестер Ольгу, которая занималась разведением цветов. В 50-е гг. на территории поселка разбили клумбы, цветники и сейчас Рябово отличается от других сел и деревень района чистотой, цветами, аккуратностью. Шли годы. Советские немцы уезжали в Казахстан, Украину, Молдавию, а в конце 80-х – начале 90-х гг. в ФРГ. Но, оказавшись на исторической родине, они через год-два приезжают в поселок Рябово, где прошли их детство и юность, поклониться могилам своих родителей.

ЧИТАЯ В.Е. МАЙЕРА

УЧЕНЫЙ. ЭПОХА. ПАМЯТЬ

Н.Г.Шишкина

Удмуртский государственный университет

С именем профессора Василия Евгеньевича Майера (1918-1985) связаны важные вехи и достижения в истории исторической науки в Удмуртском государственном университете. В.Е. Майер относится к числу тех личностей, которые задают в науке и жизни исключительно высокие профессиональные и нравственные стандарты. Поэтому сохранение памяти о таких людях, осмысление их творческого наследия и жизненного пути является не просто данью уважения со стороны младших поколений исследователей, но и существенным фактором самосохранения профессионального сообщества историков. Не останавливаясь в данной статье на непростых перипетиях жизненного и творческого пути Василия Евгеньевича¹, отметим лишь несколько принципиально важных, на наш взгляд, моментов, которые наиболее ярко высвечивают своеобразие личности в контексте современной ему эпохи и значение сделанного им для последующего развития отечественной науки.

В.Е. Майер оставил в судьбе всех, кто его знал, настолько глубокий и яркий след, что и сегодня, хотя прошло уже 26 лет с того дня, как он ушел от нас, отношение к нему исполнено уважения и почтения. Вся его жизнь прекрасный пример для подражания: защитник Родины, талантливый ученый, изумительный педагог, воспитавший не одно поколение историков Удмуртии.

Вильгельм Евгеньевич Майер человек нелегкой и удивительной судьбы. Он родился 6 декабря 1918 г. в самый разгар гражданской войны, в семье крестьян – середняков Евгения и Матильды Майер в с. Высокополье Херсонской области. Закончив среднюю немецкую школу в Запорожье, в сентябре памятного 1937 г. он поступил на исторический факультет Московского Государственного университета, где занимался на кафедре новой истории. В годы репрессий в главном вузе страны молодому немцу приходилось несладко. Родителей выслали в Новосибирскую область, близкие оказались разбросанными по всей стране. Тем не менее, 20-летний целеустремленный студент был замечен и приглашен в институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП (б) на должность вспомогательного научного сотрудника для работы с рукописями К. Маркса. Василий Евгеньевич прекрасно

¹ См.: Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. / сост.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко. Ижевск, 2008. 64 с.

знал тонкости немецкого языка и уже тогда зарекомендовал себя как способный исследователем - источниковедом.

Война заставила подвести черту под всей прежней жизнью. Не завершив пятого курса, 7 июля 1941 г. вместе с другими истфаковцами Василий Евгеньевич добровольцем ушел на фронт. Его однокурсник и друг профессор – антиковед А.И. Немировский вспоминал на юбилейной встрече выпускников МГУ, что их зачислили в стройбат Киевского районного комиссариата г. Москвы и срочно отправили рыть противотанковые рвы в Смоленскую область. Студентам, не привыкшим к военным условиям, доверили только лопаты, а Василию Евгеньевичу в числе немногих вручили оружие – трехлинейные винтовки из полусгнивших ящиков, на которых стоял штамп «Запечатано в 1922 г.».

Но вскоре все изменилось. Как этнический немец В.Е. Майер был отозван из рядов Красной Армии и отправлен практически пешком в глубокий тыл. Так, в январе 1942 г. 24-летний Василий Майер оказался в Удмуртии. В годы войны он работал то на Увинском лесопункте, то в лагерях военнопленных, был и грузчиком, и бригадиром, и начальником цеха, читал лекции в госпиталях, на заводе и везде находил общий язык с людьми, устанавливал с ними добрые отношения.

В начале 1943 г. его пригласили преподавать историю и конституцию в Новомултанском педучилище Увинского района. Именно здесь он встретился со своей будущей супругой – Бориславой Петровной Сысоевой. Она была тогда студенткой 3 курса, его ученицей, а в 1946 г., когда Борислава Петровна уже училась на литфаке Удмуртского государственного пединститута, они стали мужем и женой.

В июне победного 1945 г. Василий Евгеньевич возвращается в Москву для сдачи госэкзаменов и защиты диплома. Перед ним открывалась блестящая перспектива – учеба в аспирантуре МГУ, но 20 сентября Василий Евгеньевич переступил порог УГПИ (он обещал министру просвещения Е.А. Никифоровой вернуться в Ижевск). Так сложилось, что с этого дня, 20 сентября 1945 г., и до 10 февраля 1985 г. его жизнь была связана с нашим ВУЗом. Здесь он вырос в крупного медиевиста-германиста, ученого энциклопедических знаний, исследователя с европейским именем.

В 1955 г. В.Е. Майер защитил кандидатскую диссертацию «Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии конца XV – начала XVI вв.», а в 1967 г. – докторскую «Развитие производительных сил в сельском хозяйстве и аграрные отношения в Германии в XIV – XVI вв.». В следующем году ему было присвоено звание профессора. Василий Евгеньевич был первым доктором наук в Удмуртском пединституте, с ним во многом ассоциируется само понятие «университетская наука».

Говорят, человек сам выбирает жизненный путь. В.Е. Майер не только его выбрал, он выстроил его неустанным каждодневным трудом и

честно шел по нему до последнего шага. Можно с полным основанием сказать, что он жил «в прекрасном и яростном мире». И это был нелегкий жизненный путь историка-коммуниста, подлинного интернационалиста.

Родившись в крестьянской семье, с детства познав тяжкие радости крестьянской работы, В.Е. Майер всю жизнь, по существу, не расставался с крестьянством, с этой едва ли не вечной темой истории, верно служа ей своим исследовательским талантом. Наверное, как раз отсюда, от крестьянских корней, проявился его кровный, сугубо личностный интерес к проблемам аграрной истории во всем их многообразии. Можно сказать, что крестьянство В.Е. Майер хорошо знал, понимал и умом, и сердцем, проверял цепкой памятью деревенского детства. Однако изучение именно этих проблем истории Германии определялось не просто личными интересами Василия Евгеньевича, но и необходимостью для науки как можно полнее раскрыть закономерности экономического развития феодального общества. И хотя научная деятельность В.Е. Майера проходила в нескольких направлениях, его наибольшее внимание постоянно привлекала социальная история позднесредневековой немецкой деревни. Исследования именно по этой тематике определили место В.Е. Майера в советской исторической науке.

Знакомство с Удмуртией и познание ее как абсолютно нового края для В.Е. Майера прошло, условно говоря, несколько этапов. Первый был, наверное, самый важный и самый трудный. После того, как военнослужащие немецкой национальности были отозваны из рядов действующей армии, В.Е. Майер, уроженец солнечной благодатной Украины, совсем неожиданно для себя оказавшись в суровой зимней Удмуртии, с ее тогда еще необъятными увинскими лесами, конечно, не мог не быть потрясенным резким поворотом судьбы и, наверное, тем более обостренно воспринимал свое новое, совсем непривычное географическое и этнокультурное окружение.

Как вспоминал он позднее, в то самое трудное лихолетье начала войны и неоднозначности его тогдашнего положения В.Е. Майеру помогли выжить и не потерять себя люди, действовавшие не по глухим инструкциям и параграфам, а по живому сердечному влечению. Он всегда находился в тесном общении с самыми разными людьми, с большим трудом и желанием постигал жизнь удмуртского края. Его очень привлекли красивая северная природа, взаимодействие человека с нею, типы поселений, особенности быта и хозяйства, материальная и духовная культура удмуртов. Причем, когда было возможно, он не ограничивался визуальными наблюдениями, а много расспрашивал, записывал, делал зарисовки. (Кстати, эти своеобразные полевые записи В.Е. Майер продолжал и позднее, во время поездок со студентами на сельскохозяйственные работы, во время различных путешествий по Удмуртии.)

Его информаторами были простые люди, часто крестьяне из окрестных удмуртских селений. Нередко они приглашали его в гости, делились скудными припасами военного времени, иногда даже трогательно просили быть крестным отцом детей. Со многими из увинцев – его первых удмуртских друзей – у В.Е. Майера сохранились сердечные отношения на протяжении последующих 40 лет его жизни на удмуртской земле. И неудивительно, ведь именно здесь, «на Уве», начался поворотный этап его жизненного пути, который привел его к творческому совершеннолетию, здесь он навсегда породнился с этим краем, здесь он впервые для себя открыл удмуртский народ, познакомился с его мироощущением и миропониманием, с системой его этических, эстетических и этнических ценностей, причем, что очень важно, не опосредованно, через книги, а непосредственно через жизнь. Можно сказать, что основой его удмуртоведения было само бытие. Впоследствии, когда у него появилась возможность работать в библиотеках, архивах, музеях, жизненные впечатления, наблюдения В.Е. Майер дополнил специальными научными сведениями об Удмуртии, ее народе, стал подлинным знатоком местной истории и культуры, что позволило ему активно включиться в разработку сложных проблем удмуртской истории.

Заслуги профессора В.Е. Майера были по достоинству оценены правительством Удмуртии: ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Удмуртской АССР». В его личном деле хранятся десятки благодарностей и почетных грамот за многолетний труд ученого, педагога, руководителя.

Многое можно было бы еще сказать о В.Е. Майере – ученом-педагоге, и несомненно это будет сделано, поскольку вклад, внесенный его научными исследованиями и педагогической деятельностью в развитие отечественной медиевистики достаточно весом. Очень по-доброму писал о Василии Евгеньевиче Ю.Л. Бессмертный «Незаурядные научные способности сочетались у В.Е.Майера с редкими личными достоинствами. Это был человек добрейшей души, всегда готовый откликнуться на просьбу о помощи, скромнейший труженик, лишенный и тени тщеславия, самоотверженный исследователь, излучавший доброжелательность ко всем честным людям».² Бесконечное обаяние Василия Евгеньевича, внимание к окружающим, стремление поделиться своими знаниями и методами своей работы с учениками и молодыми коллегами, умение деликатно и ненавязчиво направлять работу студентов и аспирантов, искренняя заинтересованность в их успехах, их движение вперед отмечали все, кто соприкасался с ним. Глубочайшая духовная культура, подлинная интеллигентность делали его незаменимым руководителем. Его преданность и

² Бессмертный Ю.Л. Памяти В.Е. Майера (1918-1895) // Средние века. 1986. Вып. 49. С. 332-333.

любовь к истории передавались всем, и не случайно он был любим своими учениками.

Добрую память о В.Е. Майере коллектив исторического факультета сохраняет с трепетом, продолжая и развивая многие заложенные им традиции и принципы научно-педагогической деятельности.

В 2011 г. юбилейном и для исторического факультета, и для УдГУ в целом, впервые в истории, ставшие уже традиционными Майеровские чтения, носили «выездной» характер: они проводились не на историческом факультете, а в с. Новый Мултан Увинского района, в форме Республиканского круглого стола. Выбор на Новый Мултан пал в качестве площадки для проведения столь ответственного мероприятия неслучайно: в 1942 г., эвакуированный с фронта, Василий Евгеньевич Майер оказался в Удмуртии, в Новом Мултане, где начал свою педагогическую карьеру, преподавая историю в педучилище. Удмуртия стала для В.Е. Майера, выходца с Украины, настоящей второй Родиной. Поэтому, несмотря на то, что главной темой его исторических штудий была аграрная история средневековой Германии, Василий Евгеньевич посвятил ряд своих научных работ и истории Удмуртии, в частности общине-бускель и грамматике удмуртского языка. Это и обусловило тему круглого стола: «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии». Саму идею проведения выездных Майеровских чтений предложил отец Максим Пислегин, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы с. Новый Мултан, студент 3 курса заочного отделения исторического факультета.

Состав участников Круглого стола (а их было более 30) был чрезвычайно широк: преподаватели и сотрудники исторического факультета УдГУ, включая кафедру истории древнего мира и средних веков, кафедру истории Удмуртии, краеведы и историки-архивисты, представители администрации Увинского района и муниципального округа «Новомултанское», учителя школ Увинского района и, конечно, бывшие ученицы педучилища, которым В.Е. Майер преподавал историю в далеком 1943 г.

Благодаря коллективному творчеству участников круглого стола начало научно-педагогической карьеры В.Е. Майера, связанное с Увинским районом, стало более осязаемым и приобрело конкретно-антропологические очертания.

Кафедра истории древнего мира и средних веков сердечно благодарит Министерство образования и науки Удмуртской Республики, администрацию Увинского района, отца Максима Пислегина, директора «Новомултанской СКОШ-И» П.П. Матюшина, краеведа А.И. Пудова за помощь в организации Круглого стола и гостеприимный прием на увинской земле.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЕ ДЛЯ СОЗДАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ В.Е. МАЙЕРА

И.Г. Шапран

Удмуртский государственный университет

Методологические поиски отечественной историографии в последнее время все активнее сосредоточиваются в направлении микроистории, и в первую очередь в направлении истории индивида. Персонализация истории дает возможность глубже проникнуть в повседневность жизни, сделать историю более насыщенной фактами, конкретизировать развитие событий. Исследования на уровне индивидуального сознания, опыта, индивидуальной деятельности создают возможность проникновения через микроисторию в закономерности макроистории. Соотношение и совместимость микро- и макроанализа наиболее успешно решаются через призму изучения личности в контексте эпохи. Микроистория опирается на цивилизационный подход, системообразующим основанием которого является воспроизводство духовного мира человека (его психологии, сознания, знаний, ментальности и пр.), взятого в его конкретно-историческом развитии. Для микроистории исключительно важен тот факт, что предметом цивилизационного подхода в истории является не какая-то одна сторона человеческого бытия, а совокупность всех форм жизнедеятельности в их историческом развитии и преемственности. Это позволяет перенести цивилизационный подход в рамках микроистории в направлении истории индивида. Усиление гуманистических тенденций в современном обществе также привело к возрастанию интереса к личности и, как следствие, к повышению актуальности исторических исследований в форме биографий.

Личность Василия (Вильгельма) Евгеньевича Майера – крупного медиевиста-германиста, ученого энциклопедических познаний, исследователя с европейским именем, прекрасного педагога, профессора Удмуртского государственного университета, многогранно одаренного и совершенно замечательного по своим душевным качествам человека, безусловно, в данном контексте, представляет особый интерес. В восприятии личности В.Е. Майера сложился определенный стереотип. Научная и педагогическая деятельность стали самодовлеющим фактом его биографии. Несомненно, что В.Е. Майер не может быть понят без основного дела его жизни, это ее кульминационный момент, но он не может быть понят и без многочисленных общественных дел и личных увлечений, которые оказались вне поля зрения исследователей его биографии. Таким образом, для оценки творчества и деятельности В.Е. Майера необходимы дополнительные изыскания, поиск и детальное изучение корпуса источников, пока еще оставшихся без внимания исследователей, и переосмысление того, что

уже введено в научный оборот, и, без сомнения, расширение и корректировка в отдельных случаях устоявшихся оценок.

Канва его жизни отличается яркой индивидуальностью и вместе с тем повторяет биографии многих людей его поколения. Думается, что уже пришло то время, когда необходимо приступить к созданию *аналитической биографии* Василия Евгеньевича. Необходимым элементом аналитической биографии является включение личности в контекст исторических событий и характеристику социальной среды. «Особенностью аналитической биографии является обусловленность междисциплинарного подхода, поскольку реконструкция жизни человека во всей ее многогранности не может быть решена одной или несколькими методиками, применяемыми в рамках одной науки (или дисциплины), при этом конкретизация числа и характер методик predetermined изучаемой личностью (родом занятий, местом и временем проживания героя). Особенностью аналитической биографии является также расширение источниковой базы исследования за счет привлечения для анализа всех возможных свидетельств о жизни героя и его деятельности через призму концепта «эго-документ»». Объектом исследования в аналитической биографии является конкретная личность и комплекс эго-документов о ее жизни и деятельности. Предметом исследования – личность и те общественно-политические процессы, в которые она интегрирована в силу своей жизнедеятельности¹

В своих научных изысканиях В.Е. Майер огромное значение придавал изучению источников и их интерпретации. Перечень документов, используемых Василием Евгеньевичем, весьма представительен и разнообразен. Детальная их характеристика дается практически во всех его статьях; в каждой из монографий анализу источников посвящена отдельная глава. В определенной степени этим профессиональным качеством В.Е. Майера и был predetermined выбор темы для данной публикации. Цель: очертить корпус источников, способных, при тщательном анализе исследователя, максимально точно и полно отразить его незаурядную личность.

Традиционно в числе источников по исследованию жизнедеятельности индивида в первую очередь рассматриваются материалы личного происхождения. Без сомнения решающим источником при создании биографии ученого является его научное наследие². Библиография работ В.Е. Майера, состоящая из монографий, статей по различной тематике, рецензий, изданий, в которых он выступил в качестве редактора, помеще-

¹ Кох О.Б. Михаил Иванович Семевский: Опыт аналитической биографии. Автореф. дисс.... д.и.наук. С-Пб., 2005.

² Герасимова Ю.Н. Источники биографии человека науки // Биография как вид исторического исследования. Тверь, 1993.

на в издании, подготовленном к 90-летию со дня рождения В.Е. Майера³ и содержит работы, вышедшие в свет в 1955-1985 гг., а также публикации 1986-2007 гг., изданные посмертно и подготовленные к печати его учениками. Тематика, направления научного поиска, результаты исследований и общая оценка научной деятельности и творческого наследия В.Е. Майера нашли отражение, прежде всего, в статьях его учеников и продолжателей дела⁴ Результаты научных исследований В.Е. Майера публиковались на страницах центральных периодических изданий: «Вопросы истории», «Средние века», «Советское финно-угроведение», «Вестник высшей школы», Реферативный Журнал «Общественные науки за рубежом» (Серия 5. История). В.Е. Майер был постоянным автором «Ученых записок УГПИ». Сборники «Ученые записки ПГУ» также содержат статьи Василия Евгеньевича.

Рецензии – та часть авторского текста, созданного В.Е. Майером, которая также может расширить наши представления о его исследовательских интересах и профессиональной компетентности. Примечания, ремарки, написанные В.Е. Майером, могут быть привлечены как источник для характеристики деятельности в качестве редактора. В.Е. Майер редактирует и рецензирует сборники, выходящие в республике и отражающие различные исследовательские направления в исторической науке Удмуртии⁵ Признанием его высокой профессиональной квалификации и широты исследовательских интересов является то, что многие авторы отдавали ему свои сочинения на научное редактирование⁶.

Высокой степенью информативности, без сомнения, должны обладать, учитывая профессиональную деятельность В.Е. Майера, *конспекты учебных лекций*. Талант крупного исследователя и организатора науки у

³ Список научных трудов В.Е. Майера // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: К 90-летию со дня рождения. Библиографический указатель / УдГУ. Ижевск, 2008. С. 21-30.

⁴ Например: Шишкина Н.Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века / РАН, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2006. Вып. 67. С. 216-245; Зорина А.А., Старкова Н.Ю., Шишкина Н.Г. Кафедра древнего мира и средних веков: прошлое, настоящее, перспективы // Историческая наука в УГПИ-УдГУ. Историографические очерки. 1931-2006. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2007. С.57-82; Шишкина Н.Е., Владыкин В.Е. Биографическая справка и творческое наследие В.Е. Майера // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: К 90-летию со дня рождения: Библиографический указатель / УдГУ. Ижевск, 2008. С. 3-20.

⁵ Например: Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / Удмурт. гос. ун-т. - Ижевск, 1977. 168 с.; Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. / НИИ при СовМине УАССР. Ижевск, 1981. 156 с.; Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII-XX вв. / НИИ при СовМине УАССР, Ижевск, 1985. 132 с.

⁶ Например: Кузнецов П.К. Культурная революция в Удмуртской АССР (1917-1958 гг.). Ижевск: Удмуртия, 1975. 548 с.; Самсонов В.И. Атеистов воспитывает школа. Ижевск: Удмуртия, 1976. 144 с.; Голдина Р.Д. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1990. 173 с.

В.Е. Майера гармонично сочетался с талантом педагогическим⁷. В свое время Василию Евгеньевичу пришлось освоить и прочитать практически все основные курсы, от древности до современности, на проходившем свой трудный путь становления историческом факультете Удмуртского пединститута. Не хватало специалистов, а его прекрасная университетская подготовка выпускника МГУ, широкая научная эрудиция, отличные способности, многократно усиленные чрезвычайной работоспособностью, часто позволяли решить проблему кадрового голода. Студенты – историки 1945-1985 гг. слушали великолепные лекции Василия Евгеньевича по истории средних веков, посещали его семинары, проходили специализированную научную подготовку под его руководством. Пользовались успехом лекции В.Е. Майера и на факультете романо-германской филологии. Лекции, по безоговорочному признанию студентов, являлись самой сильной стороной его преподавательской деятельности. Они отличались логикой, структурированностью, безупречным сочетанием академизма и популярности. В.Е. Майер читал курсы по историографии, источниковедению западноевропейского средневековья, введению в специальность, специальные курсы по самым различным темам⁸.

Важным источником являются *мемуары*. На сегодняшний день основной корпус воспоминаний о В.Е. Майере представлен в изданиях 1989 и 2008 гг.⁹ Это воспоминания видного отечественного исследователя истории древнего Рима и этрусской культуры, д.и.н., профессора Воронежского университета А.И. Немировского, М.М. Фрейденберга – д.и.н., профессора, организатора кафедры истории древнего мира и средних веков в Тверском госуниверситете, коллег В.Е. Майера по работе в Удмуртском госуниверситете, признанных исследователей региональной истории: к.и.н. А.Н. Вахрушева, д.и.н., профессора Р.Д. Голдиной, д.и.н. Л.Д. Макарова, д.и.н., профессора К.А. Пономарева и др., а также его благодарных студентов и учеников.

Особым объектом источниковедческого анализа может стать *личная библиотека* В.Е. Майера. Известный отечественный книговед А.С. Мыльников считал, что основной задачей историко-культурных и историко-

⁷ Слово об Учителе: воспоминания студентов разных лет о профессоре В.Е. Майере // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: К 90-летию со дня рождения. Библиографический указатель / УдГУ. Ижевск, 2008. С. 54-62.

⁸ Например: Программа спецкурса История западноевропейской культуры XIV-XVII вв./ сост. В.Е. Майер; Удмурт. гос. ун-т им.50-летия СССР. Ижевск, 1984. 10 с.

⁹ Из воспоминаний о Вильгельме Евгеньевиче Майере // Проблемы германской истории (эпоха феодализма): Межвуз. сб. науч. тр. / УдГУ. Ижевск, 1989. С.143-152; Воспоминания // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: К 90-летию со дня рождения. Библиографический указатель / УдГУ. Ижевск, 2008. С. 36-53; Слово об учителе: Воспоминания студентов разных лет о профессоре В.Е. Майере // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: К 90-летию со дня рождения. Библиографический указатель / УдГУ. Ижевск, 2008. С. 54-62.

биографических исследований личных книжных собраний должно быть раскрытие через книгу духовных ценностей эпохи и порожденного ею типа личности.¹⁰ Изучение книжного собрания позволяет существенно расширить представления о научных, общекультурных, художественных интересах его владельца. Плодотворность анализа личных библиотек, по мнению П.Н. Беркова, состоит в том, что «эти данные, а в особенности непосредственное знакомство с экземплярами книг из библиотеки того или иного писателя, почти всегда вносит в наши представления о нем и о его творчестве много нового и подчас неожиданного, интересного не только исследователю, но и широкому кругу читателей. Благодаря этому выясняется круг проблем, привлечших внимание автора, его отношение к читаемому материалу, проявляющееся в форме помет, надписей на полях (маргиналий), отчеркиваний, подчеркиваний, бумажных закладок, вкладок разного рода, например, газетных вырезок, соответствующих выписок из произведений других писателей, записей на переплете или обложке и пр.»¹¹. С ним соглашается и С.О. Шмидт: «Пометки и особенно записи на книгах – ценнейшее свидетельство отношения к прочитанному, подчас многое разъясняющее в творческом процессе ученого»¹².

Книга как специфический исторический источник может изучаться по трем направлениям: отдельный экземпляр, книжное собрание, репертуар книг определенной эпохи. Для получения максимального результата при изучении книжного собрания важны все три направления. На уровне изучения отдельного экземпляра возможно представить: а) отношение к содержанию текста (по пометам); б) требования к внешнему виду книги, характеризующие, в том числе, и личностные качества ее владельца. На уровне книжного собрания – изучать научные интересы, взгляды и вкусы, приоритет идей, изменения в мировоззрении; осмыслить направления собирательской деятельности владельца библиотеки с историко-культурной точки зрения. При изучении личной библиотеки возможно найти ответы на такие вопросы как: история собрания (было ли оно полностью или частично собрано владельцем, унаследовано или приобретено от другого лица), его тематическое содержание и соотношение книг по отдельным отраслям знания, характер его организации (наличие каталогов, картотек, совместного хранения книг и вырезок из периодической печати, способов

¹⁰ Мыльников А.С. Книга как объект источниковедения // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. С. 59; Он же. О книговедческом методе в источниковедении: (к постановке вопроса) // Книга: Исследования и материалы. 1972. Сб.25. С. 8-21; Он же. Каталоги библиотек ученых как историко-культурный источник // Советская библиография. 1986. №5)

¹¹ По: Кох О.Б. Михаил Иванович Семевский: Опыт аналитической биографии. Автореф. дисс. ... д.и.наук. С-Пб., 2005.

¹² Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблема истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 268.

систематизации); использование (связь состава личной библиотеки с литературой, цитируемой владельцем в своих трудах).

Анализ дарственных надписей на книгах, находящихся в библиотеке имеет значение для изучения круга контактов владельца собрания¹³.

Весьма интересным, и практически не задействованным до настоящего времени, источником, несомненно, может стать *эпистолярное наследие* В.Е. Майера. В данной группе эго-документов специалистами традиционно выделяется несколько комплексов: деловая переписка, семейная, дружеская и интеллектуальная. Эти группы существенно отличаются по информативности и имеют разные потенциальные возможности для характеристики автора. Деловая переписка содержит главным образом информацию о профессиональной деятельности, по ней возможно уточнить многие факты биографии. Семейная переписка, как правило, включает немало сведений личного характера, бытовой информации. Ценные сведения о личности, взглядах, убеждениях, эмоциональном состоянии автора содержит дружеская переписка. Необходимо учитывать в качестве вероятностного источника и эпистолярное наследие адресатов В.Е. Майера, которое может оказаться не менее информативным.

Для характеристики общественной деятельности В.Е. Майера необходимо использовать *архивы общественных организаций*, членом которых он был, таких например как общероссийская организация Общество «Знание», Ижевское отделение «Общества дружбы СССР – ГДР», председателем которого он являлся в течение многих лет. Важным источником для изучения этой составляющей жизнедеятельностью могут стать также конспекты выступлений, наброски статей и др.

Специального комплексного изучения ждут и материалы *иконографии*. Думается, что уже известный по публикациям корпус фотодокументов можно существенно дополнить, расширив зону поиска.

Кроме того, необходимо обратить внимание на соответствующие документальные *источники, характеризующие увлечения, досуг, семейные отношения* (например: предметы коллекционирования, программы, визитки, записки, открытки и т.п. с пометками членов семьи). Такого характера источники, как правило, редко привлекают внимание исследователей.

Естественно, что упомянут далеко не весь комплекс источников, который можно отнести к материалам, представляющим личность В.Е. Майера. Вместе с тем, указанный состав и характер источников можно считать

¹³ Ильина О.Н. Изучение личных библиотек в культуре повседневности: к постановке проблемы // Книжное дело на Северном Кавказе: метод, источники, опыт исследований. Вып. 5: Сб. статей по матер. регион. семинара «Исследования истории книжного дела Юга России: историографический и источниковедческий аспект». Краснодар, 2009.

репрезентативным, позволяющим с достаточной полнотой отразить цель данной публикации.

Определение перспективных целей исследования в рамках реконструкции жизни и деятельности В.Е. Майера представляется следующим образом:

1. Ввести в научный оборот новые факты о жизни и деятельности, что позволит с большей степенью приближения воссоздать образ.

2. Проследить основные этапы биографии в контексте историко-культурных и социально-политических реалий 1920-1980 гг.

3. Реконструировать теоретико-методологические взгляды В.Е. Майера как историка, педагога, организатора науки в УГПИ–УдГУ.

4. Определить роль как ученого, педагога, публициста в сохранении исторического наследия страны и региона.

**ФОНД ВАСИЛИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА МАЙЕРА
В ГКУ «ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»**

*О.М. Безносова
ГКУ «ЦДНИ УР»*

В Государственном казенном учреждении «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики» на хранении находятся 2253 архивных фонда, в том числе 78 фондов и коллекций личного происхождения. В этих фондах, насчитывающих 23714 дел за период с начала XX в. по 2010 г. включительно, сосредоточены документы, связанные с деятельностью государственных, партийных и общественных деятелей, работников науки, образования и здравоохранения, деятелей культуры и искусства Удмуртии, участников важных исторических событий, ветеранов войны, труда, краеведов, архивистов, коллекционеров.

Документы личного происхождения значительно обогащают Архивный фонд Удмуртской Республики, так как граждане, которым принадлежали эти документы, внесли и вносят неоценимый вклад в развитие различных областей деятельности не только Удмуртии, но и России, явились участниками или очевидцами выдающихся событий в жизни общества.

В 2011 г. Архивный фонд Удмуртской Республики наконец-то пополнился документами Василия Евгеньевича Майера.

Почему я говорю «наконец-то», потому что государственные архивы УР, в которых работает много выпускников исторического факультета УдГУ, давно мечтали иметь в своих фондах документы Василия

Евгеньевича, как имеют уже документы многих преподавателей УГПИ – УдГУ. В частности, в ГКУ «ЦДНИ УР» хранятся фонды личного происхождения Александра Александровича Александрова, Владимира Емельяновича Владыкина, Надежды Петровны Кралиной, Ионы Федоровича Кутявина, Марии Михайловны Мартыновой, Бориса Григорьевича Плющевского, Карла Александровича Пономарева, Анатолия Ивановича Суханова, Владислава Николаевича Тупченко, Бориса Николаевича Шульги, коллекция документов преподавателей УГПИ Апполинару Александровны Поздеевой, Леонида Михайловича Смирнова и Пелагеи Ивановны Шибановой.

После 1985 г. сотрудники архивов неоднократно обращались с просьбой к семье Василия Евгеньевича о передаче его документов на государственное хранение, но вопрос не находил решения. Только в 2008 г. при самом активном содействии заведующей кафедрой древнего мира и средних веков УдГУ Натальи Геннадьевны Шишкиной Центром документации новейшей истории УР был заключен договор о сотрудничестве с вдовой Василия Евгеньевича Бориславой Петровной Сысоевой, и документы В.Е.Майера начали поступать в архив через кафедру, за что мы очень благодарны Наталье Геннадьевне. В начале 2011 г. года была установлена связь с дочерью Василия Евгеньевича Татьяной Васильевной Майер, которая по просьбе архива предоставила для копирования отдельные документы Василия Евгеньевича, необходимые для дополнения сведений о его жизни, трудовой и научной деятельности.

Всего в архив поступило 688 документов за 1943-2008 гг., и в течение 2010 г. – 2 квартала 2011 г. были проведены экспертиза научной ценности и практического значения, формирование, описание и техническая обработка документов.

Хочу сказать, что мне как архивисту и как выпускнице исторического факультета, учившейся у Василия Евгеньевича, было очень интересно работать с его документами. В то же время я постоянно ощущала большую ответственность за свою работу, потому что где-то там внутри всегда думала о том, что делаю эту работу не только для пополнения фонда архива, но и в память о Василии Евгеньевиче.

Основная задача в создании фонда состояла в том, что из имеющихся документов необходимо было так сформировать дела и так составить заголовки на них, чтобы отразить не только все направления профессиональной и общественной деятельности Василия Евгеньевича Майера, показывающие его вклад в развитие исторической науки, в работу по укреплению международного сотрудничества и борьбы за мир, его роль в становлении кафедры и факультета, в развитии научно-

исследовательской работы преподавателей и студентов университета, но и показать его как человека.

Для решения этой задачи необходимо было изучить и уточнить биографию фондообразователя. В моем распоряжении были только дневник Василия Евгеньевича за 1946-1947 гг., а также ксерокопия автобиографии, датированной 1950 г., ксерокопии дипломов об окончании им МГУ и присуждении ученых степеней кандидата и доктора исторических наук, ксерокопии почетных грамот, дипломов, благодарственных писем и памятных листков органов государственной власти, партийных, комсомольских и общественных организаций за 1965-1984 гг. Как вы понимаете, это очень скудный арсенал документов, чтобы составить представление о фондообразователе, обработать документы и подготовить необходимый научно-справочный аппарат к описям.

Поэтому пришлось обратиться к дополнительным источникам, в частности к документам личного дела Василия Евгеньевича Майера, находящегося на хранении в архиве УдГУ. Кроме того, большим подспорьем в работе над фондом явились сборники, посвященные истории университета и его исторического факультета, это: «Исторический факультет. 65 лет» (1996 г.), «Призвание» (2001 г.), «История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931-2001 гг.» (2001 г.), «Историческая наука в УГПИ-УдГУ. Историографические очерки. 1931-2006» (2007 г.).

В процессе работы встретилось немало других трудностей, состоящих в том, что большое количество документов рукописные, в том числе на немецком языке; в рабочих тетрадях и блокнотах имеются разные виды документов, как по номинальному признаку, так и по тематике. Также предстояло разобраться в вариантах работ, вариантах глав работ и вариантах фрагментов глав.

В результате научно-технической обработки документов был образован фонд личного происхождения № 5014 **«Майер Вильгельм (Василий) Евгеньевич, историк–медиевист, доктор исторических наук, профессор УдГУ, общественный деятель Удмуртии, отличник народного просвещения РСФСР, заслуженный деятель науки Удмуртской АССР (6 декабря 1918 г. – 10 февраля 1985 г.)»**.

Постараюсь коротко познакомить вас со структурой фонда.

Фонд включает в себя 2 описи общим объемом 507 дел.

Опись № 1 документов личного происхождения постоянного хранения за 1943-2008 гг. в количестве 400 дел состоит из 7 разделов. В зависимости от объема документов в разделах, в них выделены тематические подразделы и подподразделы:

I-й раздел называется «Документы к биографии».

В него включены (как я уже говорила): ксерокопии автобиографии, дипломов, листка по учету кадров, почетных грамот, дневника, кроме того: санаторная книжка и заявления Василия Евгеньевича бытового характера.

Очень интересен рукописный дневник за 1946-1947 гг., в котором Василий Евгеньевич вспоминает о своем детстве, матери, друзьях, школе, описывает отдельные моменты из своей жизни в военный период, высказывает свое отношение к религии.

II-й раздел называется «Документы научной деятельности» и состоит из 13 подразделов:

1. «Научные труды»;
2. «Научные статьи»;
3. «Переводы исторических источников и научных статей»;
4. «Рефераты, изложения, резюме на научные работы»;
5. «Документы об участии в научных симпозиумах, съездах, коллоквиумах, конференциях и совещаниях»;
6. «Рецензии, отзывы, замечания на научные труды»;
7. «Рецензии, отзывы, замечания на научные статьи и доклады»;
8. «Рецензии, отзывы, замечания на диссертации, дипломные и курсовые работы»;
9. «Рецензии, отзывы, предложения и заключения на работы В.Е. Майера»;
10. «Документы о руководстве НИРС»;
11. «Рабочие тетради с записями по истории Древнего мира и Средних веков»;
12. «Конспекты и выписки из исторических источников, работ ученых и писателей»;
13. «Переписка с учеными и коллегами».

Наибольший интерес и ценность представляют рукописи научных работ, их варианты, варианты глав и отдельных фрагментов работ с пометами и правками автора, отражающие процесс творчества ученого.

В первую очередь это рукописи докторской диссертации «Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.», монографий «Деревня и город Германии XIV–XVI вв.», «Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма», глав по истории средневековой Германии для трудов «История крестьянства в Европе» и «История Европы», издаваемых Институтом всеобщей истории АН СССР. Это рукописи опубликованных и неопубликованных научных статей, докладов и сообщений на различных конференциях и симпозиумах, посвященные вайстюмерам, как источнику по изучению практически всех аспектов истории средневековой Германии; статей, посвященных вопросам развития сельского хозяйства, аграрных отношений, общинных владений и традиций средневекового немецкого города, вопросам Реформации и Крестьянской войны в Германии, историографии феодализма в Европе. Это рукописи статей, посвященных изучению Кенеша и истории соседской общины в Удмуртии, предпосылкам написания первой грамматики удмуртского языка и др.

Особое внимание заслуживают рукописные переводы Василия Евгеньевича с немецкого языка исторических источников, и, в первую очередь, вайстюмеров, а также «Против разбойных и кровожадных шаек крестьян» Мартина Лютера, «Гейльброннской программы» и др.; конспекты таблиц, отражающих экономическое положение деревень, крестьян и налогоплательщиков отдельных графств, вотчин и городов Германии XIV – XVI вв., рукописи рефератов, изложений, конспектов и выписок из «Салической правды», вайстюмеров из сборника Я. Гримма, работ западногерманских ученых, выписок из «Вятских губернских ведомостей» из фондов ГАКО за 1867 г. о благотворительной деятельности елабужских купцов Ф.Г.Чернова, А.Д. и Д.А. Шишкиных и др., которые в свою очередь представляют интерес для пользователей в качестве исторических источников.

Интерес представляют рецензии, отзывы и замечания В.Е.Майера на учебники и учебные пособия, работы и научные доклады немецких и советских историков, на диссертации, дипломные и курсовые работы аспирантов ВУЗов и студентов исторического факультета УдГУ, а также рецензии и отзывы ученых на работы Василия Евгеньевича.

Интересна и немногочисленная переписка Василия Евгеньевича с сотрудниками сектора Средних веков Института всеобщей истории АН СССР о представлении рукописей для подготовки трудов института; с советами по защите диссертаций ВУЗов, письма ученых с благодарностями Василию Евгеньевичу в связи с публикацией его работ.

Отдельные документы, относящиеся к 1972-1981 гг., когда Василий Евгеньевич был назначен проректором по научной работе и избран председателем Научно-методического Совета университета, представлены в виде рукописных планов научно-исследовательской работы преподавателей и студентов, отчетов о выполнении кафедрами университета планов НИР, вырезок статей В.Е. Майера из газет «Удмуртская правда» и «Удмуртский университет» о развитии науки и студенческих научных обществ в УдГУ и ВУЗах г. Ижевска.

III–й раздел носит название «Документы преподавательской деятельности» состоит из 6 подразделов:

1. «Документы о работе на кафедре всеобщей истории УГПИ – УдГУ»;
2. «Документы по вопросам методики преподавания истории, подготовки специалистов, воспитания подрастающего поколения»;
3. «Программы спецкурсов, темы лекций, дипломных работ, рефератов, вопросов к экзаменам и зачетам»;
4. «Статьи в периодической печати»;
5. «Документы об участии в совещаниях – семинарах, учебе на курсах ФПК»;
6. «Рабочие тетради с записями о проведении преподавателями и студентами лекционных и семинарских занятий, педагогической практики».

Раздел содержит отчеты Василия Евгеньевича, заведующего кафедрой всеобщей истории, о работе кафедры за период с 1974 по 1984 гг.

В раздел включены продукты его методической деятельности: лекции, методические рекомендации, тексты выступлений на совещаниях и конференциях, рабочие тетради с записями по вопросам методики чтения вузовских лекций, преподавания истории в школе, организации проведения коллоквиумов, экзаменов и зачетов, обучения студентов конспектированию научных трудов и самостоятельной работе по изучению литературы и др.

Думаю, что большой интерес и ценность для преподавателей представляют программы спецкурсов, разработанные Василием Евгеньевичем, планы, перечни тем лекций, практических занятий, лекции по истории Средних веков; перечни дипломных работ, рефератов для студентов исторического факультета и факультета романо-германской филологии.

Отражение серьезного отношения Василия Евгеньевича к образованию и воспитанию у студентов гражданского долга и ответственности нашло в тексте его выступления на заседании Совета исторического факультета по вопросу большой академической задолженности у двух студентов и нарушения ими дисциплины.

Разносторонние интересы Василия Евгеньевича отражены в его статьях в периодической печати, посвященные вопросам преподавания истории в школе, становления педагогического мастерства, прохождения студентами исторического факультета педагогической практики; посвященные международным конгрессам и конференциям по исторической проблематике, вопросам религии, атеизма и атеистического воспитания, коммунистическому субботнику; посвященные однокурсникам по МГУ, выходу в свет новых книг и фильмов и многому другому.

IV-й раздел называется **«Документы общественной деятельности»** состоит из 3 подразделов:

1. «Документы об участии в работе в Удмуртской республиканской организации общества «Знание»; 2. «Документы об участии в партийной и профсоюзной работе»; 3. «Документы о работе в СОГД».

В раздел включены: планы, отчеты, заметки о работе в организациях. Большой блок лекций, планов, тем и тезисов лекций, методразработок посвящен вопросам подготовки пропагандистов, агитаторов и атеистическому воспитанию трудящихся.

Интерес представляют наброски обращения профессорско-преподавательского состава и студентов исторического факультета университета к Президенту США Д. Картеру с протестом против

обсуждения в прессе западными политиками вопроса о «борьбе за права человека в СССР» в 1977 г.

В раздел включены характеристики и рекомендации, данные Василием Евгеньевичем отдельным преподавателям для вступления в ряды КПСС; тексты его выступлений на профсоюзных и партийных собраниях; а также статьи и тексты выступлений в СМИ, посвященные ГДР.

V-й раздел «Документы о В.Е. Майере» состоит, в основном, из вырезок газетных статей, посвященных Василию Евгеньевичу, его жизни и деятельности. Интересен альбом, подготовленный студентами исторического факультета в 1985 г., посвященный его памяти.

Небольшой по объему **VI-й раздел** называется «Документы о родственниках В.Е. Майера» и содержит вырезки из газетных статей о Бориславе Петровне Сысоевой, о присвоении почетного звания «Заслуженный деятель науки Удмуртской АССР» Валерию Вильгельмовичу Майеру, статьи Анатолия Вильгельмовича Майера в газете «Буммашевец» об истории колоколов и колокололитейного производства в России.

Несмотря на то, что в V-м и VI-м разделах имеются только статьи, им дано название «документы» на перспективу дальнейшего комплектования фонда.

В **VII-м разделе «Фотодокументы»** включены немногочисленные позитивы с портретами Василия Евгеньевича, фотографии, запечатлевшие его со студентами на сельхозработках, а также Бориславу Петровну у здания 2-го корпуса университета.

Для изучения наследия Василия Евгеньевича, на мой взгляд, особый интерес представляют его рабочие тетради и блокноты, включенные во все разделы описи. Интересны тем, что кроме основного материала содержат различные записи и заметки, характеризующие его отношение к работе и жизни вообще.

Так, рабочие тетради и блокноты, с конспектами выступлений преподавателей курсов ФПК, участников научных конференций и конгрессов, семинаров и совещаний преподавателей и др. содержат заметки о мероприятиях, местах их проведения, наиболее интересных сообщениях и фактах, отношении к теме выступлений и докладчикам, рисунки, портреты, в т.ч. профессоров Михаила Петровича Бабина, Василия Васильевича Овсиенко и др.

Рабочие тетради и блокноты с подготовительным материалом к лекциям, коллоквиумам и практическим занятиям, к проведению педагогической практики в школах содержат заметки о проведении преподавателями лекций, студентами – уроков, списки студентов с указанием тем рефератов, курсовых работ, номеров экзаменационных

билетов и выставленных оценок; в них имеются опусы студентов, названные Василием Евгеньевичем «жемчужины сессии».

Рабочие тетради и блокноты с подготовительным материалом к лекциям в Обществе «Знание» содержат очень интересные заметки о пребывании Василия Евгеньевича со студентами на сельхозработах в д. Лапуги Увинского района, в которых описан животный и растительный мир местности, планы размещения строений в усадьбах, традиции и быт жителей.

Опись № 2 печатных изданий постоянного хранения за 1955-2008 гг. в количестве 107 дел состоит из 8 подразделов:

1. «Научные труды»; 2. «Сборники научных трудов и статей»; 3. «Отдельные оттиски статей и рецензий»; 4. «Авторефераты диссертаций»; 5. «Материалы научно-практических конференций, сессий научных советов НИИ и ВУЗов СССР»; 6. «Программы спецкурсов научно-творческой и общественно-политической деятельности студентов ВУЗов СССР»; 7. «Методические разработки и материалы в помощь лекторам в системе политического просвещения»; 8. «Музыкальные и драматические произведения».

В разделы включены печатные издания трудов и работ на русском, немецком и эстонском языках, автором которых является В.Е. Майер, работ с его участием и работ других авторов, подаренных В.Е. Майеру.

Положения, программы научных конференций содержат сведения об участии в них Василия Евгеньевича, пометы, замечания, сделанные его рукой, или приглашения для участия в конференциях.

В подраздел «Музыкальные и драматические произведения» включены пьеса Г. Гауптмана «Флориан Гейер», посвященная событиям Крестьянской войны в Германии 1524-1526 гг., и программа балета «Подпоручик Кижэ».

При составлении заголовков дел в описях сложились некоторые особенности.

Так в заголовках отдельных названий работ Василия Евгеньевича на немецком языке имеется перевод на русский язык, сделанный автором. Названия остальных работ на немецком языке даны без перевода и без русской транскрипции.

В целях увеличения информативности заголовков дел ко многим из них сделаны аннотации, включающие в себя сведения о наличии автографов, резолюций, экслибриса, рисунков. В аннотациях к заголовкам дел печатных изданий указано наличие дарственных надписей; к сборникам статей – наличие и номера страниц статей В.Е. Майера или статей о нем.

Для облегчения доступа к документам фонда создан научно-справочный аппарат. Составлены титульные листы, оглавления, схемы

систематизации документов к обоим описям; предисловие, состоящее из истории фондообразователя и история фонда; список сокращений и именной указатель персоналий, встречающихся в заголовках описей и аннотациях к ним.

В соответствии с договором о сотрудничестве документы фондообразователя могут быть использованы в информационных и исследовательских целях без ограничения. Приглашаем ученых, преподавателей, студентов, краеведов, всех, кто интересуется наследием Василия Евгеньевича Майера, развитием исторической науки в Удмуртии и исторического факультета УдГУ, посетить читальный зал ГКУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики».

Хочется поблагодарить Бориславу Петровну Сысоеву, Татьяну Васильевну Майер, Наталью Геннадьевну Шишкину, Таисию Ивановну Останину и сотрудников архива УдГУ за передачу документов Василия Евгеньевича Майера и помощь, оказанную в работе над фондом.

Комплектование фонда Василия Евгеньевича документами продолжается. Так, кафедра древнего мира и средних веков университета под руководством Натальи Геннадьевны Шишкиной передала нам фотодокументы в электронном виде, на которых запечатлен В.Е. Майер, ксерокопии писем граждан Удмуртии с воспоминаниями о нем. Эти документы продолжают имеющиеся описи, и мы надеемся на дальнейшее сотрудничество по созданию и пополнению фонда Василия Евгеньевича, в т.ч. подлинными документами.

В фонде до обидного мало подлинных личных документов Василия Евгеньевича. От имени архива хочу обратиться к семье Василия Евгеньевича, ко всем, кто работал с ним, учился у него и имеет какие-то документы, связанные с Василием Евгеньевичем, написанные его рукой, фотографии его и с ним, передать документы и воспоминания в наш архив, чтобы создать полный архивный фонд Василия Евгеньевича Майера – замечательного ученого, педагога, общественного деятеля Удмуртии.

МАТЕРИАЛЫ ПРОФЕССОРА В.Е. МАЙЕРА В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИМ. К. ГЕРДА

Т.И.Останина

Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда

Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузубая Герда ныне крупнейший в Удмуртии научно-исследовательский центр истории и культуры. Обладая ценной коллекцией, насчитывающей более 214 тыс.

предметов, он является основным хранилищем памятников истории и культуры края. Среди огромного числа предметов в его фондах хранятся раритеты, отражающие жизнь и деятельность выдающихся деятелей науки и культуры края. Среди них достойное место занимает музейная коллекция, принадлежащая видному советскому медиевисту, специалисту по средневековой истории Германии, доктору исторических наук, профессору Удмуртского государственного университета В.Е. Майеру (1918-1985 гг.).

В формировании фонда В.Е. Майера в музее можно выделить 2 этапа. Для начального этапа (1970-1980 гг.) характерны только отдельные поступления, переданные профессором В.Е. Майером через научных сотрудников музея И.В. Жизневскую (1970 г.) и Т.И. Останину (1980 г.). Это были документы, которые сам ученый считал достойными для хранения в музее: оттиски его статей, в основном опубликованные в научном сборнике Института истории АН СССР «Средние века» в 1956-1974 гг., автореферат его докторской диссертации и монография, написанная на основе успешно им защищенной диссертации (Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. Л., 1979)¹. Из изобразительных материалов он предоставил свой фотопортрет (1967 г.) и сюжетную фотографию «Зал заседания VI Всесоюзного съезда общества «Знание», а также грамоту Ижевского ГК ВЛКСМ, полученную им за освещение в газете научно-технического творчества студентов. Всего к началу XXI в. в музее хранилось 17 мемориальных предметов В.Е. Майера (учетные номера 4747-4749; 13870/1-13; 23176-УРМ).

Второй этап пополнения фонда В.Е. Майера связан с подготовкой празднования 90-летия ученого (2008 г.) – необходимо было оформить для участников конференции «Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ» юбилейную выставку в здании Национального музея УР, а также желанием родственников сохранить предметы мемориального характера в полном объеме.

После смерти Василия Евгеньевича весь его богатый рукописный и печатный материал, а также фотографии и личные вещи хранились в его семье в г. Ижевске. В течение ноября 2007 – марта 2008 гг. жена В.Е. Майера – Сысоева Борислава Петровна (1928 г.р.) при согласии дочери – Татьяны Васильевны Майер стала передавать Национальному музею УР коллекции документов и фотографий. Проходила передача при организационной поддержке Н.Г. Шишкиной, доцента УдГУ, заведующей кафедрой истории древнего мира и средних веков, ученицы профессора.

Самой большой по числу сданных предметов оказалась коллекция документов (118 ед.хр.): книги, брошюры, оттиски, методические пособия, учебные программы, журналы, рукописи статей, докторской диссертации,

¹ Майер В.Е. Деревня и город в Германии в XIV-XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. 168 с.

рецензий, отзывов; планы, текст доклада, газеты (1948–1988 гг.).² Переданные в музей фотографии (37 экз.)³ хранились в многочисленных семейных альбомах, где были приклеены Б.П. Сысоевой на крахмальный клей, поэтому хорошо отклеивались и не были повреждены.

После проведения юбилейной конференции (9–10 декабря 2008 г.), видя серьезное отношение научных сотрудников музея к личности В.Е. Майера, Н.Г. Шишкина посчитала, что имеющейся на кафедре материал, связанный с ее историей, в том числе и с деятельностью В.Е. Майера, необходимо сдать на постоянное хранение в государственный музей. Это были две фотографии (1949 и 1959 гг.) и 2 общих тетради с конспектами (дар кафедре Б.П. Сысоевой), а также другие фотографии по данной теме. Кафедра, возглавляемая с 1997 г. Н.Г. Шишкиной, много делает для сохранения памяти о великом Учителе, который с 1964 г. по 1985 г. был ее заведующим. В память о нем с 1989 г. на историческом факультете проводятся ежегодные «Майеровские чтения», а с 1995 г. стали издаваться книги серии «Историк и его время». Музей получил все 8 выпусков, кроме этого и специальные сборники неопубликованных работ ученого или его переводы документов по истории средневековой Германии. Всего в 2010 г. в музей поступило 10 фотографий и 9 документов⁴, отражающих историю высшей школы (УГПИ–УдГУ) Удмуртии с 1949 г. по 2008 г, а также развитие одной из направлений исторической науки – медиевистики.

Таким образом, за 3 года (2007–2010) активного комплектования темы «В.Е. Майер: выдающийся историк-медиевист, педагог» фонды Национального музея УР им. К. Герда поступило 175 предметов, имеющие прямое отношение к жизни и трудовой деятельности профессора В.Е. Майера (всего на 1 января 2011 г. в музее хранится 192 предмета). Они дают возможность полно раскрыть научное наследие ученого, основные этапы его трудовой деятельности, талант педагога высшей школы, общественного деятеля, прекрасного семьянина, а также сохранение памяти об ученом на историческом факультете УдГУ.

Научные работы В.Е. Майера, оказавшиеся в фондах музея, включает в себя разнообразные произведения, как по характеру, так и по тематике. Основным направлением исследований Василия Евгеньевича на протяжении всей научной деятельности является изучение аграрной истории Германии конца Средневековья – начала Нового времени. Его интересовали вопросы идеологии, культуры, классовой борьбы немецкого крестьянства, публици-

² Коллекция документов имеет следующие учетные обозначения: 35180/1-117 – УРМ; 15055 – НВ.

³ Коллекция фотографий имеет следующие учетные обозначения: 35181-35211 – УРМ; 15056-15061 – НВ.

⁴ Материалы, сданные Н.Г.Шишкиной в музей, имеют следующие учетные обозначения: 36966/1-9; 36967-36973 – УРМ; 15371-15373 – НВ.

стика и программные документы эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны.

Все это разнообразие научных интересов нашло отражение в печатных и рукописных работах. В коллекции документов имеется значительная часть книг, брошюр, сборников, оттисков статей, рукописи статей, рецензий и отзывов, черновой вариант докторской диссертации, а также варианты текстов отдельных ее глав. Интерес представляют документы, необходимые для подготовки научной работы и издания книги (аннотации, планы-проспекты, рецензии, авторская справка; 35180/70, 71, 73, 79, 84, 101–УРМ), без наличия которых в 1970–1980-е гг. была невозможно издание любой печатной продукции. Так, например, на издание монографии «Деревня и город Германии в XIV–XVI вв.» (Л., 1979) в рукописном фонде музея имеется авторская справка В.Е. Майера и рецензия В.А. Сметанина на эту книгу, а на монографию «Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма» (М., 1985)⁵ – аннотация и план-проспект с авторскими правками. Важно отметить, что ряд статей имеются в коллекции в разных видах (рукопись в 2-3 вариантах, отдельный оттиск, сборник). Таким ярким примером является статья В.Е. Майера «Прусский путь» развития капитализма в Заэльбской Германии: историография проблемы (ГДР, 50–60-е гг.)», опубликованная в сборнике «Проблемы генезиса капитализма» (М., 1979)⁶. В документальном фонде ученого она представлена книгой, отдельным оттиском в 3-х экземплярах, а также в виде рукописи. Положительным моментом является то, что ряд одноименных документов (оттиски, брошюры) сданы в фонды музея в 2-3 экземплярах, что во многом облегчит его экспозиционно-выставочную работу. Кроме печатной продукции в документальной коллекции имеются и рукописи (12 экз.), относящихся как к одноименным печатным статьям, так и пока неизвестных нам в печатном исполнении работ. В последнем случае это были довольно объемные тексты двух рецензий на книги Г.Франца (Штуттгарт, 1970) и Г. Шпрэмберга (Берлин, 1971). Наличие статей в черновом и чистовом рукописном варианте, а также в машинописном виде дает возможность будущим ученым проследить развитие исследовательской мысли В.Е. Майера.

Первые две его публикации появились в 1956 г. В 1950–1960-е гг. они издавались в основном сборниках Института истории АН СССР «Средние века». (35180/2-4, 19-21, 23-30–УРМ). В 1970-е годы география публикаций резко выросла. Работы В.Е. Майера публикуются в университетских сборниках Свердловска, Москвы, Саратова, Ленинграда, Харькова, Ижевска. Расширилась и тематика исторических исследований. Его интересуют не только проблемы средневекового крестьянства Германии, но и развитие уд-

⁵ Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. 191 с.

⁶ Проблемы генезиса капитализма. М., 1979. 240 с.

муртской общины-бускель, возникновение удмуртской письменности, археология и этнография края (35201–УРМ), религия (35180/13,14–УРМ), западноевропейская культура (35180/60–УРМ). В.Е. Майер, живя в Удмуртии с января 1942 г., не мог ни обратить внимание на ее историю и культуру. Это отразилось в появлении учебных пособий по краеведению, в рецензиях на научные сборники, написание статей и глав, связанных с ранними этапами истории края, редактирование научных трудов, издаваемых в Удмуртии. Самая первая «удмуртская» публикация, судя по материалам документального фонда В.Е. Майера Национального музея УР, относится к 1960 г. (Что такое христианство. Ижевск, 1960)⁷.

Незначительная группа документов отражает научно-педагогическую деятельность В.Е. Майера, работающего в УГПИ – УдГУ с 1945 г. до последних дней своей жизни. В.Е. Майер читал лекции по курсу истории средних веков и истории западноевропейской культуры, а также по специальным курсам на различные темы, вел семинарские занятия. Им были подготовлены и опубликованы рабочие программы основных читаемых им курсов (35180/58-60–УРМ). Великолепный методист, В.Е. Майер особое внимание уделял совершенствованию методики преподавания истории, как в школе, так и на историческом факультете УдГУ (35180/11, 12, 16, 104–УРМ).

В целом нами было подсчитано, что В.Е. Майер участвовал в редактировании 11 научных сборников, монографий, брошюр, издаваемых в Удмуртии, его научное наследие составляет 75 наименований монографий, статей, рецензий. Из них 49 научных работ в виде отгисков статей, рецензий, книг, сборников, рукописей хранится в фондах Национального музея УР им. К. Герда, что составляет 65 % от числа всех известных на сегодняшний день его научных публикаций.

Ряд предметов отражают его общественную деятельность, без которой он не мыслил свою жизнь. В газете «Удмуртский университет» за 1975 г. он пишет: «Меня как историка всегда привлекала, наряду с исторической наукой, повседневная общественная деятельность». Василий Евгеньевич читал лекции по линии общества «Знание», в том числе и военнослужащим г. Ижевска (35193–УРМ), выступал со статьями, обращенных, прежде всего, к молодежи республики, в том числе студенчеству, в местной печати: газеты «Удмуртская правда», «Комсомолец Удмуртии», «Удмуртский университет» (35180/110-117–УРМ; 15055–НВ), в журнале Удмуртского Обкома КПСС «Блокнот агитатора» (35180/31,40–УРМ). Он был бессменным руководителем Ижевского отделения Советского общества дружбы «СССР–ГДР» с момента его основания (35180/109–УРМ). Таким образом, коллекция документов в той или иной мере отражает деятельность видного историка европейского уровня и талантливой педагога В.Е. Майера.

⁷ Майер В.Е. Что такое христианство? Ижевск, 1960. 31 с.

Все сданные в музей документы имеют удовлетворительную сохранность и хороший экспозиционный вид. Качество бумаги, техника оформления документа отражают эпоху 1950–1980-ых годов (господство рукописей, машинопись и типографский текст на плохой бумаге). Все документы подлинны, связаны с личностью В.Е. Майера. Рукописи написаны рукой В.Е. Майера, а в машинописном исполнении чаще всего имеют его редакторские правки, пометы, подписи, сделанные им, на ряде книг – экслибрис личной библиотеки ученого. Судя по печатной продукции, хранящейся в библиотеке В.Е. Майера (а сейчас в музее), экслибрис появился на книгах в 1964 г. (Ученые записки Пермского государственного университета. Вып. 117. Пермь, 1964)⁸.

Часть коллекции документов из личного архива ученого, заведующего кафедрой всеобщей истории Удмуртского государственного пединститута (УдГУ) отражает деятельность В.Е. Майера как преподавателя высшей школы (конспекты научных работ; 36966/1–УРМ), конспекты практических занятий по истории средних веков (1964/1965 учебный год; 36966/2–УРМ). По ним можно судить, как организовывал свою педагогическую деятельность Василий Евгеньевич, и какие были требования к преподаванию курса «История средних веков» в высших учебных заведениях СССР – РСФСР в конце 1950 – начале 1960-х гг.

Часть сданных в музей документов (35180/61; 36966/3-8–УРМ) связаны с увековечиванием памяти ученого, как со стороны сотрудников кафедры древнего мира и средних веков Удмуртского госуниверситета, так и историков разных поколений России: посмертное издание его работ, организация «Майеровских чтений» в день его рождения, юбилейных конференций, издание серии материалов этих форумов под названием «Историк и его время». Основным организатором проведения разного рода научных мероприятий, а также публикация научных работ является ученица В.Е. Майера (вначале студентка, затем его аспирантка) к.и.н., доцент Н.Г. Шишкина (36966/9–УРМ).

Коллекция фотографий из семейного фотоархива и архива кафедры древнего мира и средних веков УдГУ отражают основные этапы жизни, научной и профессиональной деятельности В.Е. Майера с 1932 по 1985 гг.: учеба в средней школе, студент МГУ, военные годы в Увинском районе УАССР, ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор в Удмуртском пединституте (35181, 35182, 35189, 35197; 36967, 36968–УРМ), а с 1972 г. – проректор по научной работе Удмуртского госуниверситета (35198-35200–УРМ).

⁸ Ученые записки Пермского государственного университета им А.М. Горького. №117. Исторические науки. Пермь, 1964. 114 с.

Он был в гуще студенческой жизни института – университета. Вместе со студентами ездил на сельхозработы («на картошку»; 35191–УРМ; 15058–НВ), принимал самое активное участие в ежегодных демонстрациях (1 Мая, 7 ноября; 35192, 35203, 35205, 35206–УРМ), где он мог запросто общаться со студентами. Он был членом республиканского общества «Знание» (13870/12–УРМ), председателем удмуртского отделения советского общества дружбы «СССР – ГДР» (35180/109–УРМ), член президиума удмуртского отделения Защиты мира.

В.Е. Майер был прекрасным семьянином, воспитал четырех детей (Валерий, Вильгельм, Анатолий, Татьяна). Его второй женой была Б.П. Сысоева, по профессии учительница русского языка и литературы. В конце своей трудовой деятельности она преподавала педагогику в пединституте – университете (35183, 35188–УРМ; 15056–НВ). Василий Евгеньевич любил «возиться» с детьми в огороде, в виде нескольких выделенных ему грядок (35186–УРМ), где он очень любил выращивать помидоры (память о своей родине на Херсонщине), приезжал к детям в летний пионерский лагерь (35187–УРМ), учил их рисовать и т.д. Есть в музее и фотографии, характеризующие бытовые условия первых лет трудовой деятельности ассистента В.Е. Майера. Например, Василий Евгеньевич за работой над статьей в своей комнате-квартире в преподавательском доме по улице Ленина (ныне В. Сивкова), д. 186 (35185–УРМ). На снимке из мебели мы видим только кровать, стол, покрытый клеенкой (первый рабочий стол ученого), этажерку, комод. Или же его фотопортрет на фоне дровяного сарая, где он колол и хранил дрова (35189–УРМ). Сформировалась в коллекции музея и группа фотографий, отражающая жизнь исторического факультета с 1969 г.: заседание исторического кружка (36969–УРМ), открытие археологического музея «Древняя и средневековая история Камско-Вятского междуречья» 23 февраля 1980 г. (36971, 36972–УРМ), групповые фотографии профессорско-преподавательского состава исторического факультета и кафедры всеобщей истории (35194, 36967, 36968, 36970, 36973–УРМ; 15372, 15059–НВ).

Большую часть своей жизни В.Е. Майер отдал научной деятельности. Даже в свои последние часы жизни, по словам его жены Бориславы Петровны, он работал над статьей (35211–УРМ). Большое облегчение в подготовке научных работ к публикации оказала покупка его дочерью Татьяной печатной машинки с латинским шрифтом, так как статьи писались на немецком языке или имели большое количество ссылок на немецком языке. По словам Татьяны Васильевны, машинку она купила в Москве где-то во второй половине 1970-х гг. Она также была подарена музеем родственниками ученого (35212–УРМ).

В.Е. Майер вел огромную учебно-воспитательную работу в институте – университете. Около 40 поколений студентов историков прослушали его лекции. Память о выдающемся ученом, педагоге сохранилась в работах его

учеников, коллег. Так, на 15 декабря 2008 г. о жизни и деятельности В.Е. Майера написано 58 статей (Шишкина, Старкова, Черниенко. 2008. С. 30–35)⁹. Это значит, что у Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда есть еще широкое поле деятельности в области сбора материалов об этом удивительном человеке. В успешном сборе мемориальных предметов сотрудники музея надеются и на сотрудничество с родственниками В.Е. Майера, которым они приносят искреннюю благодарность и признательность.

Примечание: в сборе материалов и в комплектовании личного фонда документов профессора В.Е.Майера приняли участие его бывшие студенты, выпускники Удмуртского государственного пединститута.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА И КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОКОВ НА ОПЫТ В.Е. МАЙЕРА

*Л.В. Мерзлякова,
М.Г. Савельева,*

Удмуртский государственный университет

Учебно-педагогические традиции исторического факультета имеют давние устойчивые основы. Сохранение и передача этих традиций является важным условием достижения того высокого уровня педагогической деятельности – и теоретического, и методического – который оставили нам наши учителя.

Поступив на исторический факультет, мы окунулись в удивительный мир сотрудничества преподавателей и студентов. Высочайший профессионализм преподавательского состава не только вовлек нас в многогранный и завораживающий мир науки, но и предъявил нам – студентам – особые требования соответствия духу и статусу историка.

Душой преподавательско-студенческого коллектива был Василий Евгеньевич Майер. Первое, что бросалось в глаза при общении с Василием Евгеньевичем, – это его мягкость, дружелюбие, искренняя расположенность к студентам. В то же время, всегда ощущалась и другая сторона его личности: воля, принципиальность, определенность, последовательность в своих жизненных позициях.

Ему удавалось быть мягким в твердости, улыбчивым в серьезности. Для студентов он был абсолютным кумиром не только в силу богатейшей,

⁹ Шишкина Н.Г., Старкова Н.Ю., Черниенко Д.А. Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: Биобиблиографический указатель. Ижевск, 2008. 64 с.: ил.

блестящей общей эрудиции и профессиональной культуры, особого стиля преподавания, но и в силу того, что Василий Евгеньевич представлял студентам возможность максимальной самореализации. Всегда было ощущение света от взаимопонимания, от того, что тебя поймут и верно, и полно... И, что особенно ценно – та атмосфера, которую он создавал (вольно или невольно) на лекциях, семинарах, в ходе чтения специального курса по культуре эпохи Возрождения, наверное, лучше всего определить словами «интеллигентность» и «высочайшая профессиональная этика», «аристократизм духа».

В.Е. Майеру в полной мере были присущи такие качества нравственного педагога, как:

- Внимание к человеку;
- Общение на языке, понятном для всех;
- Уважение к собеседнику, умение выслушать;
- Терпимость к иному мнению;
- Стремление помочь, не требуя благодарности.

Педагогическая культура и профессиональная этика профессора В.Е. Майера включала такие категории, как педагогическая справедливость, педагогический долг, педагогическая честь, педагогический авторитет, педагогический такт.

Педагогическая справедливость характеризует соответствие между достоинствами людей и их общественным признанием, это мерило объективности педагога.

Педагогический долг понимается как особая требовательность к себе, стремление к пополнению профессиональных знаний и мастерства.

Педагогическая честь выражает не только осознание педагогом своей значимости, но и признание коллег и студентов, уважение его моральных заслуг и качеств.

Педагогический авторитет – это моральный статус педагога в коллективе учащихся и коллег.

Педагогический такт – это нравственное поведение, включающее предвидение всех объективных последствий действий педагога и его субъективного восприятия другими людьми.

Студента младших курсов, как правило, больше ценят умение понять человека, старшекурсники же более всего ценят компетентность. И это закономерно: сложный период адаптации первокурсников к новым условиям их жизни и деятельности требует психологической поддержки, оказать которую может только понимающий и уважающий студента преподаватель. Василий Евгеньевич тонко чувствовал эти особенности возрастной психологии.

Принято считать, что если раньше основное предназначение преподавателя заключалось в том, чтобы давать готовые знания, то сейчас главная роль преподавателя – научить учиться, уметь организовать познавательную деятельность студентов.

Все то, что предполагает данный подход, в полной мере относится к педагогической деятельности наших учителей, и в первую очередь В.Е. Майера. На занятиях Василий Евгеньевич уделял особое внимание обучению студентов самостоятельному поиску информации, созданию благоприятного психологического климата, предполагающего обоюдную (преподавателя и студента) веру в успех, умению отказаться от «штампа», т.е. видеть в каждом студенте его сильную сторону.

С полной уверенностью можно сказать, что создание благоприятных условий для образования во многом зависит от личности преподавателя. Именно такой личностью с большой буквы был В.Е. Майер – ученый и педагог.

На занятиях Василия Евгеньевича мы – студенты – чувствовали себя соучастниками учебного процесса, подобно тому, как это происходит при просмотре захватывающего спектакля. Василий Евгеньевич смог организовать такую обучающую среду, которая обеспечивала постоянную работу студентов. Невозможно себе представить ситуацию неподготовленности к семинару, специальному курсу или зачету. Этот процесс непрерывного обучения продолжается и по сей день.

Еще один очень важный момент, свидетельствующий о высоком уровне педагогической этики Василия Евгеньевича, заключается в том, что сам преподаваемый им предмет рассматривается не как цель, а как средство, помогающее стать и квалифицированным специалистом, и просто интеллигентным человеком, так как преподаватель всегда должен оставаться ориентиром нравственности.

ПРОФЕССОР В.Е. МАЙЕР ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ КРЕСТЬЯНСТВА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ

С.Г. Лукина

Удмуртский государственный университет

Вопрос об изменениях, происходящих в социальной структуре позднесредневекового европейского общества достаточно сложен и неоднозначен. В результате деформации его традиционной структуры, в рамках прежних сословий начинают выделяться самостоятельные группы, отличающиеся по способу получения и уровню доходов, по социальным и этническим ориентирам.

Быстрыми темпами шло имущественное и социальное расслоение крестьянства. В европейских странах существовало множество категорий крестьян, различавшихся по статусу их держания, но, несмотря на пестроту картины, повсюду была заметна резкая поляризация деревни. С одной стороны, выделилась зажиточная крестьянская верхушка: крепкие хозяева, сконцентрировавшие в своих руках множество наделов; крупные фермеры-арендаторы, использовавшие наемный труд разорившихся соседей, что позволяет говорить о раннекапиталистическом характере их хозяйства. Высокий уровень доходов сельской верхушки делал для нее возможным переход в дворянское сословие. С другой стороны размывался слой среднего крестьянства – самостоятельных мелких хозяев – и стремительно росло число малообеспеченных и безземельных крестьян, лишенных средств производства и вынужденных добывать пропитание работой по найму.

В советской медиевистике накоплен определенный опыт в исследовании проблем социальной истории на конкретно-историческом материале разных регионов Европы. В массовых источниках эпохи средневековья историки-медиевисты видели непосредственно социальную реальность и возможность восстановить социальную иерархию и стратификацию, что и составляло суть социальной истории, которая в свою очередь давала ключ к пониманию важнейших политических процессов и событий. В конце XX в. такой подход к социальной истории совершенно справедливо критиковался за упрощение и непонятные конструкции, созданные учеными как образцы «методологического бесплодия».¹

В 60-70-е гг. прошлого века видный советский медиевист-аграрник профессор УдГУ Василий Евгеньевич Майер², не претендуя на решение проблемы в целом, предпринял попытку выявить разные стороны процесса эволюции социальной структуры немецкой деревни.

XIV – XVI вв. для немецкого крестьянства – один из этапов его существования в качестве класса феодального общества. Формирование капиталистического уклада в сельском хозяйстве расчищало дорогу для появления новых буржуазных отношений. Этот процесс протекал далеко не одинаково в различных регионах Германии: одни были подготовлены больше, другие меньше. В зависимости от масштабов складывания буржуазных отношений, немецкое общество переживало переходную стадию от феодализма к капитализму, и особенно отчетливо этот процесс отражала развивающаяся социальная дифференциация сельского населения.

¹ Лепти Б. Общество как единое целое (о трех формах анализа социальной целостности) // Одиссей, М., 1996. – С. 148-164.

² Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV-XVI вв. Л., 1979. 168 с.; Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. 192 с.

Долгое время в отечественной и зарубежной науке преобладающей была точка зрения о стагнации немецкой деревни позднего средневековья. В.Е. Майер убедительно доказывает, что в Германии, начиная с XIV в. отмечаются значительные прогрессивные изменения в области экономического развития, которые напрямую влияют на увеличение торгово-ремесленного населения городов и увеличению неаграрного населения в целом. В свою очередь, ликвидация барской запашки ведет к появлению новых слоев населения мелких держателей и арендаторов. Причем имеют место быстрые темпы роста крестьянской дифференциации. Кроме того, В.Е. Майер выводит алгоритм прямой зависимости изменения социальной структуры немецкой деревни позднего средневековья от развития специализации ее хозяйства. По его мнению, в эпоху развития товарно-денежных отношений, общественного разделения, развития горнорудных и городских центров, а также возникновения новых видов хозяйственной деятельности в земледелии представляется возможным проследить перегруппировку рабочей силы, основным толчком которой стала имущественная дифференциация крестьянства. В.Е. Майер выдвигает предположение о том, что именно благодаря ей, в крестьянстве, самом многочисленном классе феодального общества, к XVI в. в Германии начинается складывание двух основных социальных групп: зажиточных держателей и арендаторов крупных хозяйств, которые в свою очередь начинают занимать доминирующее положение в общественной иерархии и подчиняют себе своих же разорившихся односельчан. Тем не менее, личная зависимость крестьянства, несмотря на юридическое оформление, не лишала их возможности ухода на заработки³.

Изучая социально-имущественное положение крестьянства, он обращается к локальным юридическим документам одного района (В.Е. Майер исследует документы графства Гогенберг и Ротенбург), и выстраивает на основе их статистической обработки целостную картину общего характера, по которой можно рассмотреть закономерности изменения состава общества, которые весьма усложняются.

Следует отметить, что В.Е. Майер в основном опирался на источники юридического и хозяйственного характера: *Weistümer*, налоговые списки, документы по оценке имущества и т.д. Их специфика определяется тем, что данные до конца XIV в. не поддаются статистической обработке и характеризуют социальное положение крестьян исключительно в описательном плане. Документы конца XIV – XV вв. дают более широкую информацию в цифрах и фактах. В основном это налоговые списки, ведомости о поступлении налогов, оценки имущества жителей деревень. Проанализировав имеющиеся данные В.Е. Майер разделяет сельских жителей,

³ Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV-XVI вв. Л., 1979. С. 137.

являющихся налогоплательщиками на четыре социально-имущественные группы на основании общей стоимости имущества, наличия собственности, скота и занятия ремеслами: в первую группу включены те, у кого имущества имелось не более чем на 20 фунтов, во вторую входят малоимущие крестьяне, имевшие небольшую собственность, в третью – те, у кого имущества имелось на сумму от 101 до 300 фунтов, и четвертая группа состояла из богатых крестьян, владеющих имуществом от 301 до 500 и более фунтов⁴.

В результате обработки большой группы статистических источников В.Е. Майером были получены следующие данные: в целом наблюдается тенденция обнищания большей части сельского населения и обогащения очень незначительного числа крестьян. При этом зажиточным крестьянам принадлежало в три раза больше имущества, чем их малоимущим односельчанам. Этот факт вызывает у него сомнение: как такое незначительное число богатых крестьян могло обеспечить работой всех малоимущих? Вероятно, делает вывод В.Е. Майер, большинство бедных жителей деревни были вынуждены заниматься промыслами и ремеслом. Этому также способствовала и близость рынка.⁵

Таким образом, прослеживается резкая дифференциация в немецкой деревне на беднейших и богатых жителей, особенно это характерно для деревень с большим количеством населения, таких как Бурмлинген и Хиршау.⁶ Это свидетельствует о том, что в крупных деревнях обедневшие крестьяне имели возможность найти работу, что избавляло их от необходимости отправляться на заработки в другие селения и районы. А в малых и мелких сельских поселениях можно наблюдать только наличие беднейших жителей, поскольку их экономические возможности были значительно ниже, чем у крупных поселений.

В Е. Майер отмечает тот факт, что деревни, расположенные вдалеке от городов, были не только беднее и имели меньшее число налогоплательщиков, но и при втягивании в сферу товарно-денежных отношений разорялись быстрее, чем поселения, расположенные ближе к городам. Несмотря на то, что имущественная дифференциация еще не была столь резкой (по сравнению XVI в.), одной из наиболее характерных черт жизни крестьянства была общая бедность.

В Германии этого периода начинают зарождаться первые социально-политические противоречия между зажиточным и беднейшим населением. Крупные арендаторы и держатели начинают активно использовать труд наемных работников, однако, как подчеркивает В.Е. Майер, они еще не выделяются в отдельную самостоятельную социальную группу деревни

⁴ Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV-XVI вв. Л., 1979. С. 139.

⁵ Там же. С. 140.

⁶ Там же.

Германии⁷. По мере втягивания крестьянских хозяйств в сферу товарно-денежных отношений, усиления процесса специализации хозяйства в деревне происходит всё более заметная поляризация социально-имущественного статуса жителей. Мелкие крестьяне вытесняются из крестьянской общины и вынуждены мигрировать в города, этому также способствует и их личная свобода. Происходит сосредоточение земельной собственности в руках небольшого количества крестьянских хозяйств. Резко увеличивается число безземельных крестьян, даже активно развивающееся хозяйство Германии не в состоянии обеспечить такую массу обездоленных людей. В Германии наблюдается всплеск бродяжничества, увеличивается количество разбоев⁸.

Результаты, полученные им в процессе обработки статистических данных показывают, что в конце XIV в. крестьяне – собственники земли становятся на порядок богаче, а также увеличивается количество крестьян-огородников⁹ которые превращали свои наделы в пашни и представляли собой свободную наемную силу.

Таким образом, В.Е. Майер делает вывод о том, что на протяжении XIV – XV вв. немецкой деревне прослеживается тенденция имущественной дифференциации, которая к концу XV – началу XVI вв. приобретает социальный характер: небольшая группа богатых крестьян начинает эксплуатировать большое число бедных, беднеющим по разным причинам и вынужденным искать себе различные средства существования. Некоторые становятся нищими и бродягами, занимаются разбоем, другая группа становится мелкими огородниками, виноградарями, ремесленниками, третьи перемещаются в горнорудные районы и становятся рабочими, батраками. В свою очередь зажиточное население начинает активно применять наемных работников. Анализ, предпринятый профессором В.Е. Майером, однако не охватывал всё богатство содержания *Weistümer*, записи рассматривались им преимущественно с точки зрения выяснения классовых антагонизмов.

В настоящее время изучение жизни средневековой сельской общины, взглядов и поведения крестьян - участников сельских сходок, противоречий между земельными собственниками и подданными, анализ природы внеэкономического принуждения возможны на иной основе и дальнейшие исследования позволят ученым не только углубить представления о немецкой деревне позднего средневековья, но выявить новые перспективы в изучении проблемы социальной структуры немецкого общества с учетом целого ряда нюансов и особенностей.

⁷ Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV-XVI вв. Л., 1979. С. 157.

⁸ Там же. С. 158-159.

⁹ Там же. С. 160-161.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ПРОФЕССОРА В.Е. МАЙЕРА (ПО ПЕРЕПИСКЕ И АВТОГРАФАМ)

А.Л. Туркевич

Удмуртский государственный университет

В наш век невероятного развития информационных технологий проблемы коммуникации между людьми из разных городов, стран и даже континентов практически исчезли. Любой из нас может воспользоваться услугами сотовой телефонной связи или интернета, чтобы передать или получить необходимую информацию. Под натиском новых средств коммуникации сдают свои позиции традиционная телефонная связь и почта, которая в наши дни работает, фактически, не для обмена новостями, как это было всего-то лет двадцать назад, а для передачи каких-либо грузов.

Все это заставляет нас задуматься о том, как же проходил обмен информацией, казалось бы, не так уж давно – 40-60 лет назад. Каким образом люди, чей род деятельности буквально обязывал быть в курсе самых последних событий в своей сфере, поддерживали отношения с коллегами и партнерами. Именно о коммуникации, об этом немаловажном аспекте научной и творческой деятельности доктора исторических наук, профессора Василия Евгеньевича Майера – замечательного советского историка-медиевиста, крупнейшего в Советском Союзе специалиста по аграрной истории средневековой Германии, хотелось бы порассуждать в настоящей статье.

Практически вся научная деятельность профессора В.Е. Майера была связана с Ижевском, который ни сейчас, ни, тем более, тогда не мог претендовать на звание научной столицы страны. Соответственно весьма затруднен был доступ ижевского историка к последним новинкам в области темы его исследований и к общению с коллегами, большая часть которых занималась научной деятельностью в Москве и Ленинграде. И, если с первой из указанных проблем В.Е. Майер справлялся, посещая крупнейшие библиотеки столицы или заказывая книги по почте (но, можно представить, как долго до Ижевска могли добираться какие-либо новинки из ГДР), то при решении второй на помощь профессору приходила личная переписка с коллегами-историками.

Современная историческая наука рассматривает письма не просто как источник информации, а как коммуникативный акт. Фактор адресата не менее важен, чем цель и обстоятельства написания¹. Письма, связанные общей темой, могут разительно отличаться между собой в зависимости от того, кому они адресованы.

¹ Черниенко Д.А. Историк и время. (Из научной переписки профессора В.Е. Майера) // Диалог со временем. Вып. 28. С. 166.

Тема научной переписки профессора В.Е. Майера уже поднималась в отечественной историографии. Во-первых, общий обзор этой проблемы был предпринят Д.А. Черниенко², а во-вторых, была опубликована с комментариями вся имеющаяся в нашем распоряжении переписка между В.Е. Майером и его научным руководителем М.М. Смириным³. Поэтому в кратком сообщении вновь обращаться к указанным сюжетам не имеет смысла. Гораздо интереснее, на наш взгляд, рассмотреть отдельно взятый сюжет из научной переписки профессора – связанный с проведением в Ижевске осенью 1979 г. всесоюзного симпозиума по проблемам аграрной истории развитого феодализма⁴.

III научный симпозиум по проблем аграрной истории развитого феодализма, проходивший в Ижевске в сентябре 1979 г., и связанная с его проведением подготовительная, организационная работа, дают нам немалые представления о научных связях профессора В.Е. Майера.

В нашем распоряжении имеется около 60 писем и открыток, адресованных в основном В.Е. Майеру по самым разным вопросам, связанных с предстоящим симпозиумом. Черновики писем ижевского профессора к своим корреспондентам практически не сохранилось, однако даже такое небольшое количество материала позволяет составить некоторое представление о масштабах мероприятия и возникающих в связи с этим трудностями.

Все имеющиеся письма можно условно разбить на три группы. Во-первых, стоит выделить те, которые имеют отношение к организационной стороне симпозиума. К таким документам можно отнести черновик письма В.Е. Майера к профессору Владимиру Васильевичу Мавродину, председателю Головного Совета по истории, с просьбой поспособствовать и поддержать УдГУ как принимающую сторону в различных инстанциях. Василий Евгеньевич на личном опыте знал, что бюрократические проволочки могут затормозить и «утопить» в бумагах любое начинание. Помимо этого, в своем письме В.Е. Майер сообщает, что предварительная переписка со знакомыми историками-медиевистами показала их значительную заинтересованность в проведении симпозиума по аграрной проблематике; свою заинтересованность проявили не только ученые РСФСР, но и со всего Советского Союза. Это послание, по-видимому, не осталось незамеченным В.В. Мавродиным, поскольку в нашем распоряжении имеется и письмо его самого в ректорат

² Черниенко Д.А. Историк и время. (Из научной переписки профессора В.Е. Майера) // Диалог со временем. Вып. 28. С. 166-175.

³ Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т Всеобщ. истории РАН. Вып. 70 (1-2). М., 2009. С. 316-355.

⁴ Краткий отчет о симпозиуме см.: Воробьева И.Г. Научный симпозиум по проблемам аграрной истории развитого феодализма в Ижевск // Советское славяноведение / АН наук СССР. Вып. 3. М., 1980. С. 124-125; Материалы симпозиума: Аграрная история эпохи феодализма: Сб. науч. тр. / Редкол.: В.Е. Майер и др. Ижевск, 1983. 180 с.

УдГУ с просьбой оказать всевозможную помощь при подготовке и проведении симпозиума.

Особо стоит отметить и письма профессора Г.Л. Курбатова, ленинградского ученого, оказывавшего Василию Евгеньевичу значительную поддержку и на стадии выбора УдГУ в качестве площадки для проведения симпозиума, и в дальнейшем, практическими советами по организации этого трудоемкого мероприятия. Так, в письме от второго ноября 1978 г. он поздравляет ижевского коллегу с назначением УдГУ местом проведения конференции. И тут же дает дельные советы в связи с его проведением: необходимость издания материалов симпозиума, обязательное разделение выступающих с докладами на секции, для чего необходимо обратиться к московским коллегам, например, к профессору Е.В. Гутновой, которые имеют гораздо больший опыт в проведении таких мероприятий.

После того, как все формальные административные вопросы с назначением УдГУ как площадки для проведения конференции были улажены, перед вузом встал еще один организационный вопрос: оповещение возможных участников симпозиума по всему Советскому Союзу. Здесь на выручку Василию Евгеньевичу пришел ректорат университета. От лица проректора УдГУ по научной работе А.А. Тронина заведующим кафедрами истории средних веков, истории древнего мира и средних веков, всеобщей истории были разосланы приглашения принять участие в симпозиуме и сообщить до 25 февраля 1979 г. фамилии и примерные темы будущих участников мероприятия.

Именно в связи с последним письмом мы можем выделить следующую группу писем. Это официальные ответы на запрос А.А. Тронина, пришедшие на его имя или на имя В.Е. Майера. Очень часто, но не всегда они отправлялись на бумаге с печатью соответствующего вуза и, конечно, были отпечатаны на машинке, в отличие от писем личного характера, речь о которых пойдет ниже. Всего таких писем около двадцати. В качестве примера мы можем рассмотреть заявку, присланную Донецким государственным университетом. Она была размещена на официальном бланке вуза и адресована «III симпозиуму по аграрной истории развитого феодализма». В письме говорилось, что деканат исторического факультета просит включить в программу симпозиума пятерых преподавателей; темы докладов также были указаны. Типичной для этой группы писем можно считать заявку Ярославского государственного университета. Она также была оформлена на официальном бланке вуза, но в отличие от предыдущей к выступлению на симпозиуме здесь уже рекомендовал ректорат университета в лице проректора по научной работе П.П. Забрейко.

В целом география таких писем, как и всего симпозиума, весьма обширна. Так, Москва представлена в двух коллективных заявках: от сектора истории средних веков ИВИ АН СССР и от кафедры всеобщей истории

МГЗПИ, авторы которых А.Н. Чистозвонов и И.С. Свенцицкая соответственно. Заявки от городов РСФСР преобладают (Ленинград, Владимир, Горький и пр.), но присутствуют и из городов прочих республик Советского Союза (Ташкент, Караганда).

Однако приглашения предполагаемым участникам симпозиума рассылались не только через официальные циркуляры от ректората УдГУ, но и лично В.Е. Майером, тем историкам, с которыми он был знаком. В таких письмах, по-видимому (черновики их, к сожалению, не сохранилось), помимо приглашения принять участия в симпозиуме, содержались иногда просьбы оповестить коллег по вузу или найти адрес некоторых из них, чтобы Василий Евгеньевич мог с ними связаться. Соответственно, значительный процент из имеющихся у нас писем занимают те, которые были адресованы лично ижевскому профессору, и содержат широкий пласт информации: о собственно симпозиуме, научной деятельности и личную информацию.

Весьма показательна в этом плане переписка между профессором Майером и украинскими историками. В одном из имеющихся в нашем распоряжении писем киевский медиевист Н.Г. Подоляк сообщает Василию Евгеньевичу, что ей не удалось узнать домашний адрес харьковского историка Ю.А. Голубкина (видимо ижевский коллега обратился к ней с такой просьбой), поэтому она рекомендует писать ему на адрес университета, который и сообщает. Судя по всему, В.Е. Майер воспользовался информацией, предоставленной киевской коллегой и отправил письмо по ее совету на кафедру Ю.А. Голубкина. Об этом свидетельствует ответ харьковского ученого от 5 марта 1978 г. с извинениями за то, что пишет с запозданием, поскольку письмо затерялось в недрах вузовской канцелярии.

Это, однако, не единственный пример того, как украинские коллеги оказывали Василию Евгеньевичу посильную помощь в распространении информации о симпозиуме в Ижевске. Так, Мария Абрамовна Молдавская в письме к В.Е. Майеру от 16 февраля 1978 г. сообщает тему своего предполагаемого выступления на симпозиуме («Судьбы экспроприированного крестьянства во Франции в первой половине XVI в.»), а также пишет, что по совету Василия Евгеньевича проинформировала о предстоящей конференции коллег из Киева, Харькова, Одессы. И, надо отметить, подобная тактика оповещения принесла свои плоды. Уже 20 февраля В.Е. Майеру было отправлено письмо от П.Я. Мирошниченко, донецкого историка, где тот сообщает тему доклада, ссылаясь на приглашение М.А. Молдавской. Совершенно аналогично выглядит письмо В.А. Пирко из Донецка: сообщение темы доклада со ссылкой на приглашение М.А. Молдавской. К сожалению, это письмо не датировано, однако уже 18 февраля заявку на участие в симпозиуме Василию Евгеньевичу отправил Я.С. Мельничук из Ивано-Франковска, ссылаясь теперь уже на В.А. Пирко. Поистине удивительную

цепочку оповещения о предстоящем в Ижевске симпозиуме продемонстрировали украинские медиевисты!

Ряд писем, адресованных лично В.Е. Майеру, касается вопросов, связанных сугубо с проведением конференции. Например, А.Д. Ролова из Латвийского университета уточняет вопрос о предполагаемой теме доклада, поскольку «ничего непосредственно относящегося к аграрной истории развитого феодализма для выступления» предложить не может, за исключением «Бандитизма в тосканской деревне во второй половине XVI в.», но, тем не менее, пишет, что с удовольствием бы приняла участие в конференции. Судя по всему, В.Е. Майер благосклонно отнесся к указанной теме, однако предложил ее несколько скорректировать, о чем и пишет А.Д. Ролова в следующей открытке: «С вашим предложением изменить тему выступления согласна» (об этом же свидетельствует и программа симпозиума, где в качестве темы заявлена «Особенности классовой борьбы в тосканской деревне во второй половине XVI в.»). Также она уточняет вопрос о сроках проведения симпозиума, поскольку в одном из ранних писем В.Е. Майер сообщал дату проведения – осень 1978 г., а циркуляр, присланный в вуз, содержал уже информацию об осени 1979 г.

Некоторые письма этого времени, помимо информации, связанной непосредственно с организацией и проведением симпозиума, содержат материалы о возможности прочтения В.Е. Майером спецкурсов в некоторых вузах страны. Об этом, например, пишет М.М. Фрейденберг, приглашая Василия Евгеньевича прочитать спецкурс в Калининский университет, делая упор на том, что для этого «теперь не требуется заявки в министерство, плана, его утверждения etc», а нужна лишь заявка от приглашающего вуза лично Василию Евгеньевичу и в ректорат, а также заявление самого ижевского профессора.

Этих же проблем касается в своем письме и О.В. Трофимова из Ярославля. Она пишет, что приезд Василия Евгеньевича для прочтения спецкурса возможен, но только не ранее мая 1979 г. (видимо, на следующий учебный год), поскольку «соответствующая документация составляется заранее, а на этот учебный год бумаги отправили еще осенью». Конечно, и калининский, и ярославский историки не обходят стороной и самый насущный вопрос – научный симпозиум. Они выражают благодарность за приглашение и сообщают темы своих докладов.

Наконец, несколько писем, касающихся предстоящего симпозиума, адресованных Василию Евгеньевичу, содержат довольно много материала о повседневных сюжетах, о личной жизни его корреспондентов, что говорит об их близком знакомстве и дружеских отношениях. Так, Ю.А. Голубкин, в уже упоминавшемся письме от 5 марта 1978 г. пишет о тех переменах, которые претерпела его университетская жизнь: расформирование кафедры, огромное число «неисторических», административных обязанностей, которые

не дают ему фактически заниматься собственно историей. Он выражает сожаление о том, что не сможет приехать в Ижевск на симпозиум, поскольку аграрной историей в чистом виде он никогда не занимался, а подготовить доклад по историографии не считает возможным, не будучи компетентным в данном вопросе. Тем не менее, Ю.А. Голубкин выражает удовлетворение, что между ним и Василием Евгеньевичем возобновилась переписка.

В.А. Сметанин из Уральского университета свое письмо от 23 марта 1978 г. начинает с извинений за то, что не смог своевременно написать Василию Евгеньевичу, так еще с прошлого (т.е. 1978) года болел, а затем лежал в больнице. Он сообщает темы выступлений на симпозиуме (свою и Р.Г. Пихоя), выражая при этом большое желание принять в нем участие. Также с письмом он выслал и несколько фотографий «на память о саратовской встрече», сделанных 14 сентября 1977 г. (видимо, на II симпозиуме по проблемам средневековья).

Ко времени проведения симпозиума авторитет В.Е. Майера как специалиста по средневековой истории Германии был настолько высок, что его зачастую назначали в качестве оппонента при защите диссертаций его коллегами. Одним из них был вологодский историк Ю.К. Некрасов, с которым у Василия Евгеньевича сложились крепкие дружеские отношения. Об этом нам позволяет с уверенностью говорить хотя бы тот факт, что в своем письме Ю.К. Некрасов помимо темы предстоящего выступления сообщает и ряд новостей из личной жизни: печальных (смерть отца) и радостных (назначение заведующим кафедрой).

Стоит отметить, что при организации симпозиума В.Е. Майер проявлял поистине немецкую педантичность. Предварительные итоги переписки с историками Советского Союза он тщательно заносил в обычную ученическую тетрадь по одной схеме: фамилия, имя, отчество участника, звание, а также адрес и тема доклада. По-видимому, эти записи делались для того, чтобы оповещать коллег-историков о том, что их заявка принята, уточненную тему доклада (некоторые историки, например, В.А. Пирко предлагали на выбор несколько тем для выступления), сообщить точную дату симпозиума, и отправить официальное приглашение. Чтобы сократить число отправляемых писем, если речь шла об ученых из одного города, Василий Евгеньевич вкладывал их в одно общее, наиболее знакомому коллеге. Например, напротив имен Н.И. Девятайкиной и Т.М. Негуляевой стоит пометка: «Вложить в конверт Стаму С.М.», а напротив Э.С. Острась – «Вложить в конверт Молдавской М.А.».

Огромный массив работ при организации симпозиума разрешался при помощи переписки. С частью своих корреспондентов Василий Евгеньевич был знаком лично, поэтому мог просить их о некоторой помощи и те, в свою очередь, помогали ему действенными советами. С частью из них он познакомился только благодаря предстоящему симпозиуму, поскольку многие

вопросы (корректировка тем, уточнение дат проведения и пр.) решались при помощи переписки. Таким образом, III симпозиум по проблемам аграрной истории, помимо огромного научно-практического значения, способствовал установлению и укреплению научных связей профессора В.Е. Майера с медиэвистами-аграрниками всего Советского Союза, поскольку благодаря проделанной огромной организационной работе, посетить и поучаствовать в конференции смогли многие ведущие специалисты того времени.

Другим примером широты и разнообразия дружеских и научных связей В.Е. Майера могут служить книги из его личной библиотеки, а, точнее, дарственные надписи и автографы, которые встречаются на их форзацах. Подобные надписи предоставляют нам определенные сведения о «географии», характере научных связей, а также могут немало сказать о личных качествах ижевского ученого. Подавляющее большинство книг с дарственными надписями были преподнесены В.Е. Майеру его коллегами-историками, как германистами, так и специалистами в других областях.

В первую очередь, обращают на себя внимание ряд книг, преподнесенных В.Е. Майеру его научным руководителем и консультантом М.М. Смирным. На одной из них⁵ мы можем прочесть: «Дорогому Василию Евгеньевичу Майеру с лучшими дружескими чувствами от автора». Надпись эта была сделана 26 августа 1954 г., когда В.Е. Майер еще не был кандидатом наук, тем не менее, между двумя учеными установились крепкие, дружеские отношения, которые поддерживались вплоть до смерти М.М. Смирна в 1975 г. при помощи переписки, поскольку ижевскому ученому не так часто удавалось быть в Москве, где жил и работал его наставник. Однако и после смерти М.М. Смирна его семья продолжала поддерживать отношения с Василием Евгеньевичем. Об этом нам говорит дарственная надпись В.М. Смирна - «Глубокоуважаемому Василию Евгеньевичу от семьи автора на добрую память» - на посмертно выпущенной книге Моисея Менделевича «Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии»⁶.

В.Е. Майер поддерживал отношения и с другими советскими историками-германистами, хотя по объективным причинам это было не так просто. Например, Н.Ф. Колесницкий преподнес Василию Евгеньевичу свою работу «Исследование по истории феодального государства в Германии»⁷, изданную в 1959 г., лишь в 1968 (о чем говорит соответствующая надпись), когда ижевский историк защищал свою докторскую диссертацию. Одним из официальных оппонентов при этом был именно Н.Ф. Колесницкий.

⁵ Смирин М.М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед реформацией. М., 1952.

⁶ Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в германии. Очерки из истории гуманистической и реформационной мысли. М., 1978.

⁷ Колесницкий Н.Ф. Исследование по истории феодального государства в Германии (IX-первая половина XII века). М., 1959.

Сам В.Е. Майер также выступал в качестве оппонента при защите диссертаций, например, у Н.В. Савиной, еще одной ученицы М.М. Смиринина. Трагическая смерть не позволила молодой ученой защитить докторскую диссертацию, но материал для нее был воплощен в книге «Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в.»⁸. Как и в случае с «Эразмом Роттердамским» М.М. Смиринина, эта книга была подарена Василию Евгеньевичу семьей ученой, ее родителями. Это может свидетельствовать, как кажется, о высоких личных качествах ижевского историка.

Стоит отметить, что в нашем распоряжении имеются ряд книг историков ГДР, преподнесенных В.Е. Майеру и снабженных соответствующими посвятельными надписями, однако их обзор – это тема отдельной статьи.

Таким образом, и личная переписка профессора В.Е. Майера, и книги из его библиотеки предоставляют нам важные и интересные сведения о его научных связях с историками Советского Союза. В виду объективных территориально-географических причин коммуникация В.Е. Майера с историками страны была затруднена. Это вынуждало его активно прибегать к помощи переписки, посредством которой решались важные, насущные проблемы исторического или административно-организационного характера. Автографы же, дарственные надписи в таком случае выступают уже как маркер, показатель того, какого рода научные связи и на основании чего сложились у В.Е. Майера с коллегами. Мы можем говорить, что география таких связей была весьма обширна: Москва, Ленинград, Саратов, Казань, другие города РСФСР, а также других советских республик (УкрССР, КазССР). Что касается сферы деятельности корреспондентов Василия Евгеньевича, то в подавляющем большинстве это конечно были историки-медиевисты, что обусловлено сферой научных интересов ижевского профессора.

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ИССЛЕДОВАНИЯХ В.Е. МАЙЕРА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Е.О. Бондарева

Удмуртский государственный университет

Значительную часть исследовательского поля профессора Василия Евгеньевича Майера составляло изучение позднесредневековой аграрной истории Германии, что немислимо без учета природных условий этого периода. С большим или меньшим успехом это обстоятельство учитывали все историки со времен Геродота, однако их трактовка была различной, в

⁸ Савина Н.В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.

зависимости от присущей эпохе и автору картины мира. Действительно, природно-географический фактор может рассматриваться как «лакмусовая бумажка», индикатор, по которому можно многое рассказать об истории и его времени. Именно поэтому необходимо понять, как использовал В.Е. Майер такой, без сомнения, важный инструмент в своей научной деятельности.

Советская медиевистика искала решение вопроса о роли природно-географического фактора в постулатах исторического материализма. Следуя его логике, природа участвует в развитии общества как один из факторов существования социально-экономической формации. Иными словами, окружающая среда воздействует на исторический процесс, но всеобъемлющим и решающим этот фактор назвать нельзя. Кроме того, природно-географический фактор сам рассматривался как производительная сила, в свою очередь, зависимая от социально-экономических отношений¹.

Если предоставить слово самим основоположникам исторического материализма, станет очевидно, что многие акценты расставлены иначе. «Всякая историография, - писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», подразумевающая изучение истории, - должна исходить из ... природных основ и тех их видоизменений, которым они благодаря деятельности людей подвергаются в ходе истории»². Г.М. Кржижановский обратил внимание на то, что «...с самого начала Маркс выдвинул три вехи: природа, человек, общество. Проследить диалектическую связь этих элементов в их движении и взаимодействии ... и - это и означает следовать методу Маркса»³. Однако, по мнению историков-марксистов, воздействие природного фактора на общественное развитие ослабевает по мере развития общества.

В советской медиевистике природно-географический фактор рассматривался либо в контексте исторической географии, либо в рамках аграрной истории. Первая представляет собой отрасль исторической науки, изучающая пространственную сторону исторического процесса. В поле зрения этой дисциплины попадает физическая география региона, политическую географию и географию населения. От современной географии ее отличает внимание к таким вопросам, как география народных движений, церковная география, размещение культурных центров⁴. В том числе к исторической географии относится взаимодействие и взаимовлияние приро-

¹ Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976. С. 12-13.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собрание сочинений. Т.3. С. 19.

³ Цит. по: Общество и живая природа: краткий очерк истории взаимодействия. М., 1989. С. 5.

⁴ Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V-XVII вв.). М.: Просвещение, 1973. С. 3.

ды и общества⁵. Выдающимися специалистами в этой области являются В.В. Самаркин и В.К. Яцунский.

Гораздо популярнее в советской средневековой историографии было изучение аграрной истории, поскольку затрагивала актуальные вопросы социально-экономических отношений в сельском хозяйстве. Способы и средства производства, классовая борьба в деревне, рынок и товарные отношения, формы собственности – все это объекты изучения медиэвистов-аграрников. Природная среда при этом рассматривается как часть общей схемы социальных отношений. Согласно этим взглядам, в феодальный период уже существовали «зачатки хищнического отношения к природе», но оно ограничивалось рамками натурального хозяйства, при котором происходило простое воспроизводство необходимой биологической продукции⁶. Так, Я.Д. Серовайский в статье «Проблема лесных отношений в странах Западной Европы XI – XIII вв.» определял роль леса в средние века как один из источников присвоения созданной природой продуктов⁷. Подобные общие теоретические выводы, однако, не мешали медиэвистам проводить разносторонний анализ взаимоотношений общества и природной среды.

Господствовавший в советской науке марксистский подход, который ставил социально-экономический фактор выше всех остальных, конечно, находит отражение и в работах В.Е. Майера. В его монографиях мы не найдем специализированных глав, посвященных природным условиям или климату Германии эпохи феодализма. Однако эти данные содержатся в разделах, посвященных социальному строю и аграрным отношениям. И это не случайно, поскольку изучение отношения человека к природе считалось проблемой социальной⁸. И В.Е. Майер сам акцентировал на этом внимание, отмечая, например, что «развитие виноградарства интересует нас как составная часть развития производительных сил в земледелии»⁹.

Для получения полной и объективной картины взглядов Василия Евгеньевича Майера на работу с природно-географическим фактором требуется обстоятельный анализ его монографий, кандидатской и докторской диссертаций, статей, посвященных не только европейской истории, но и истории крестьянства в Удмуртии¹⁰. В данной статье хотелось бы остановиться лишь на некоторых ключевых, на наш взгляд, моментах.

⁵ Самаркин В.В. Историческая география... С. 3.

⁶ Общество и живая природа... С. 75.

⁷ Серовайский Я.Д. Проблема лесных отношений в странах Западной Европы XI – XIII вв. // Аграрная история эпохи феодализма. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 1983. С. 134-146.

⁸ Общество и живая природа... С. 4.

⁹ Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV-XVI вв. Л., 1979. С. 78.

¹⁰ Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию со дня рождения: Библиографический указатель. Ижевск, 2008

Рассматривая проблему обезлюдивших мест (Wüstungen) в Германии XV-XVI вв., В.Е. Майер в поисках причин этого явления, приводил теории «буржуазных ученых». Австрийский географ Альфред Грунд винил в массовом запустении земель плохие почвенные условия, неподходящий климат и отсутствие необходимой плотности населения (так называемая «теория ошибочного поселения»)¹¹. В. Абель и Ф. Лютге видели в качестве главной предпосылки эпидемию «черной смерти» XIV в.¹² Последний считал, что «решающую роль в историческом развитии человеческого общества играет народонаселение, рост и сокращение которого целиком зависят от вечных законов природы»¹³. Однако Василий Евгеньевич указывал, что причины обезлюдения «связаны не с природой, а с социально-экономическими процессами»¹⁴, т.е. Реформацией и Крестьянской войной. Он подчеркивал, что такие причины, как неподходящий климат или плохая почва могли иметь место в любой период исторического развития. Что касается эпидемии чумы, то даже если и связывать ее с проблемой обезлюдивших мест, то важнее определить, какие социально-экономические причины, такие как толпы нищих, к этому привели¹⁵.

Тем не менее, изучая социально-экономические предпосылки запустения земель, В.Е. Майер не раз обращался к данным о природных условиях, необходимых при описании сельского хозяйства. Анализируя содержание уставов (вейстюмов), он отмечал и использовал в своей работе сведения о содержащихся в них описаний деревьев, животных, местности и т.п. Особое внимание В.Е. Майер уделял трем отраслям сельского хозяйства – овцеводству, виноградарству и производству вайды.

XIV – XVI вв. в аграрной истории Германии ознаменовались бурным развитием овцеводства, которому уступило пальму первенства традиционное свиноводство. Подчеркивая товарный характер овцеводческих хозяйств, Василий Евгеньевич концентрировал внимание на социально-экономических отношениях, которые складывались между феодалом и крестьянином-овцеводом. Но полная картина развития этой отрасли скотоводства не сложилась бы без раскрытия естественных условий содержания овец. Дело в том, что вид овцеводства зависел от погодных условий: на юге Германии овцы загонялись в стойла лишь в крайнем случае, в то время как в центральной и западной части овцы содержались в стойлах всю зиму¹⁶. Говорилось и о последствиях развития овцеводства не только для рынка, но и для местности. Дело в том, что большие отары овец при-

¹¹ Майер В.Е. Деревня и город... С. 14-15.

¹² Там же. С. 15-17.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Там же. С. 164.

¹⁶ Там же. С. 48.

чиняли серьезный ущерб лугам и полям, виноградникам и огородам. Сохранилось большое количество жалоб на тех, кто выгоняет своих овец на чужие поля и пастбища. В 1493 г. в Саксонии крестьяне по этой причине убили одного из овцеводов-издольщиков, а во время Крестьянской войны уничтожали господских овец, в свою очередь, выгоняя своих на пастбища феодала¹⁷. Но не только возделанные человеком поля пострадали от выпаса овец. Когда овцеводство стало занятием крайне прибыльным, под пастбища стали истреблять хорошие леса. В.Е. Майер отметил, что на протяжении многих веков вейстюмы запрещали пасти овец и коз не только в лесу, но и рядом с ним. Но даже княжеские указы о подобных запретах нарушались, о чем свидетельствуют штрафы, наложенные на овчаров.

Возвращаясь к проблеме обезлюдивших земель, отметим, что В.Е. Майер оспаривал версию, по которой под пастбища для мелкого рогатого скота занималась опустевшая за годы эпидемий земля. Действительно, чаще всего для отар отводилась худшая земля, однако не потому, что она пустовала: просто для неприхотливых овец такая земля подходила больше, чем для других целей.

Приоритет социально-экономических предпосылок развития сельского хозяйства утверждается В.Е. Майером и в разделе о выращивании винограда. Именно в XIV – XVI вв. виноград получил наибольшее распространение. Ученые-предшественники называли в качестве причин теплый климат, сокращение народонаселения, отсутствие подходящей почвы, т.е. природные явления. В этом случае не учитывались такие социальные процессы как общественное разделение труда, трудоемкость выращивания этого вида культуры и т.п. Именно этим проблемам В.Е. Майер посвятил свои исследования в области аграрной истории. Но для их раскрытия Василий Евгеньевич обращался к данным исторической географии. Он тщательно анализировал сведения об урожайности (например, о чередовании урожайных лет на зерновые и виноград), удобрении земель минеральными и органическими удобрениями, и даже о видах работ, входивших в сельскохозяйственный цикл¹⁸. Примечательны выводы автора о связи виноградарства и других культур. Так, потребность в корзинах для винограда привела к увеличению плантаций ивовых насаждений, которые сдавались в аренду¹⁹.

Одной из многочисленных научных заслуг Василия Евгеньевича Майера является изучение производства вайды в Германии. Он был практически единственным историком, уделившим такое пристальное внимание этой технической культуре²⁰. В.Е. Майер подробно описал процесс ее

¹⁷ Майер В.Е. Деревня и город... С. 55-56.

¹⁸ Майер В.Е. Виноградарство в Германии XIV-XVI вв. // Средние Века. Вып. 27. М., 1965. С. 116.

¹⁹ Майер В.Е. Деревня и город... С. 84.

²⁰ Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию... С. 5.

выращивания и обработки, ареал распространения, причины популярности у крестьян (во многих деревнях она стала монокультурой). Самой ценной считалась эрфуртская вайда. Именно в Эрфурте сложились благоприятные условия для выращивания этой культуры, среди которых В.Е. Майер, вслед за М.Лютером, называл подходящую почву – «черную, жирную» землю.²¹ Василий Евгеньевич подробно описал процесс производства вайды, оставляя читателю чувство, что автор сам участвовал в каждом его этапе. Понимание этого процесса имело действительно большое значение для историка: на основе его анализа был сделан вывод о связанном с вайдой разделении труда не только среди крестьян, но и между городом и деревней²². Горожане держали в тайне последний этап, самый главный этап – превращение вайдового порошка в краску. Но уже в конце XVI в. Производство вайды пошло на убыль. Анализируя сокращение посевных площадей, отведенных под вайду, В.Е. Майер сделал вывод о снижении потребности в этом красителе, связанном с появлением на рынке нового, более дешевого – индиго²³.

Встречаются в работах В.Е. Майера и сведения о природопользовании, т.е. изменении человеком окружающей среды для своих нужд. Так, в одном из вейстюмов, цитируемом Василием Евгеньевичем, говорится о том, что может делать с лесом член общины-марки: «...дерево срубить, выкапывать, вырывать, распиливать, раскалывать..»²⁴. Препятствовать в этом не мог никто из феодалов. Но пограничные деревья охранялись более тщательно, так как они служили в качестве опознавательных объектов на границе владений общины. Вестфальский вейстюм 1480 г. сообщает наложении штрафа на «одного из соседних господ», который выкорчевал пограничное дерево²⁵. Общинные постановления говорили также об охране лиственных деревьев, таких как ольха, грецкий орех, яблоня, вишня, дуб, бук (последние также относились к фруктовым деревьям). Захват феодалами лесов и их вырубка привели к уменьшению кормовой базы для свиноводства²⁶. Не отставали в изменении ландшафта и жители городов, общими усилиями осушавшие болота, орошавшие засушливые земли под огороды и сады²⁷.

Приведенные примеры демонстрируют, что Василий Евгеньевич Майер осознавал важность использования в работе историка природно-климатического фактора. Однако он относился к нему критически, не до-

²¹ Майер В.Е. Деревня и город... С. 94.

²² Там же. С. 5.

²³ Майер В.Е. Крестьянство в Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. С. 42.

²⁴ Майер В.Е. Община в Германии XIII-XV вв. // Аграрная история эпохи феодализма. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 1983. С. 82.

²⁵ Там же. С. 80

²⁶ Там же. С. 33, 59.

²⁷ Майер В.Е. Крестьянство в Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. С.41

пуская географического детерминизма. С одной стороны, он мыслил в рамках метода, который навязывал определенную трактовку и приоритет тех причин, которые свидетельствовали о классовой борьбе. С другой – не выходил за рамки здравого смысла, учитывая весь комплекс факторов, уделяя должное внимание природным условиям. Без всякого сомнения, данная проблема ввиду обширного научного наследия В.Е.Майера должна найти своего исследователя.

В.Е. МАЙЕР О ВОПРОСАХ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

Л.Д. Макаров

Удмуртский государственный университет

Громадный и чрезвычайно разносторонний интеллектуальный багаж Василия Евгеньевича Майера содержал немалый запас знаний по религиозной тематике. Будучи медиевистом, он был прекрасно осведомлен об особенностях происхождения религиозного сознания, о возникновении мировых религиозных конфессий и последующей их эволюции в различного рода ответвления, нередко оформлявшиеся во вполне самостоятельные религиозные системы (учения, направления, секты), о роли церкви в жизни государства, общества, семьи.

Василий Евгеньевич, будучи коммунистом, не был человеком религиозным и в бога не верил. Конечно, по-видимому, прямо он этого не утверждал, но сама стилистика его публикаций позволяет так считать. В.Е. Майер был одним из самых активных членов Удмуртской республиканской организации общества «Знание» РСФСР, в рамках которой проводил агитационную, пропагандистскую и просветительскую работу, в т.ч. и атеистическую.

Одна из первых крупных его публикаций – брошюра «Что такое христианство?» – вышла в свет в 1961 г.¹ Структурно она состоит из пяти основных разделов. В ней, во-первых, рассмотрены вопросы возникновения христианства: причины, особенности, источники сведений, фигура Иисуса Христа, соотношение с другими религиями, классовая сущность вероучения, процесс его превращения в господствующую доктрину, завершившийся решениями Никейского собора (325 г.). Во-вторых, изложена история христианства в средние века, начиная с падения Западной Римской Империи, гибели рабовладельческого строя и формирования феодальных отношений. Василий Евгеньевич показывает усиление мощи церкви за счет сосредоточения огромных богатств, особенно земельных, монополии на образование, гос-

¹ Майер В.Е. Что такое христианство? Ижевск, 1960. 32 с.

подства в духовной культуре, объявления частной собственности священной и неприкосновенной. Далее рассматривается процесс размежевания христианства на восточную (православную) и западную (католическую) ветви, что было официально утверждено в 1054 г. Автор доходчиво отмечает различия этих церквей, считая их (различия) формальными, тем не менее указывает на непрерывную борьбу между ними и объясняет ее причиной «чрезвычайную жадность (...) священников, их стремление получить максимально большие доходы от верующих»².

Ученый коротко прослеживает непростые вехи истории православной церкви на Руси. При этом он постоянно подчеркивает ее реакционный характер, допуская, например, такие выражения как «мощное орудие для духовной эксплуатации народных масс», «душила освободительное движение народных масс», «держало в невежестве и нищете широкие слои трудового населения, преследовало людей смелой творческой мысли», «разжигала рознь между народами на религиозной почве, натравливала верующих православных на представителей других религий»³. Весьма кратко, но чрезвычайно образно В.Е. Майер характеризует католическую церковь. Так, перечисляя средства борьбы против народной и церковной оппозиции, он пишет: «Нет никаких возможностей перечислить все те преступления, которые в средние века были совершены церковниками ради спасения своего денежного мешка»⁴. И, как итог данного раздела, звучит соответствующий вывод автора: «В средние века христианство являлось самой надежной защитой интересов господствующего класса. (...) Церковь сама была крупнейшим эксплуататором душителей народных масс»⁵.

В-третьих, В.Е. Майер охарактеризовал положение христианства в эпоху капитализма, напрямую связывая буржуазные революции с возникновением протестантских церквей в недрах католицизма: «Протестантизм порожден реформацией в эпоху первоначального накопления капитала, когда незрелый класс буржуазии пытался приспособить к своим классовым интересам господствующую при феодализме идеологию – богословие»⁶. И далее историк дает яркую характеристику основных протестантских течений – лютеранства, кальвинизма, англиканства, квакерства и методизма, а также перечисляет возникшие на идейной основе католицизма сектантские группы. В то же время он отмечает заметную эволюцию собственно католической церкви, которая «и в настоящее время (...) является надежной опорой капитализма»⁷ и далее: «Породнившись с финансовым капиталом, католиче-

² Майер В.Е. Что такое христианство? Ижевск, 1960. С. 11.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Там же. С. 21.

ская церковь выступает против классовой борьбы, особенно же против борьбы, возглавляемой коммунистами»⁸. Аналогичные процессы автор видит и в православной церкви дореволюционной России: «Православная церковь проводила политику национально-колониального гнета, оправдывала телесные наказания, организовывала еврейские и студенческие погромы, всеми средствами боролась с революционным и освободительным движением в стране»⁹.

В-четвертых, дается состояние православия и протестантских сект в СССР. В.Е. Майер показывает враждебное отношение христианских церквей, течений и сект к деятельности большевиков и советской власти в период гражданской войны. Адаптация церкви в послевоенное время к новым условиям выразилась в возникновении «обновленческого течения», а также в отказе патриарха Тихона и ряда высших иерархов РПЦ от антисоветской деятельности. В годы Великой Отечественной войны православная церковь выступала с патриотическими призывами участвовать в сборе средств на строительство боевой техники, в снабжении армии теплыми вещами, продовольствием. Автор описал взаимодействие церкви с государством, привел структуру церковной организации, проследил процесс возвращения в лоно Московского патриархата православных епархий западных областей Украины и Белоруссии. Коротко охарактеризовано состояние старообрядческих общин и протестантских сект, частью (последние) связанных с западными спецслужбами.

В-пятых, Василий Евгеньевич рассматривает христианство на территории Удмуртии, начиная с крещения коренного удмуртского населения. Всего же «...к 1917 г. в пределах Удмуртии имелось около 250 церквей и молитвенных домов». Резкое сокращение числа верующих в советский период (до 28 православных церквей, 3 старообрядческих и 1 дома евангельских баптистов в 1960 г.) ученый связывает с «...нашими великими достижениями в области общественной жизни и науки, а также конкретной повседневной антирелигиозной пропагандой. Только в 1959 г. прочтено около 8 тысяч лекций на научные темы и 2736 – на антирелигиозные»¹⁰. По имеющимся у него данным особенно быстро сокращались старообрядческие приходы и протестантские секты.

Вывод В.Е. Майера, что «христианство в нашей стране является пережитком прошлого»¹¹, не выдержал, к сожалению, проверку временем. Оценивая в общем и целом этот труд Василия Евгеньевича, следует, конечно, помнить, что весь он является ярким слепком отношения государства и его идеологии к религии в целом, и к христианству в частности. Трудно себе

⁸ Майер В.Е. Что такое христианство? Ижевск, 1960. С. 22.

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Там же. С. 31.

представить какие-либо другие характеристики христианства в СССР рубежа 1950-1960-х гг., когда в стране разворачивался очередной виток гонений на религию и церковь, сопровождающийся закрытием храмов, репрессивными действиями властей по отношению к верующим и резкое усиление научно-атеистической пропаганды¹². Кроме того, Василий Евгеньевич, являясь членом КПСС, искренне надеялся на постепенную ликвидацию «религиозного дурмана» и вносил свой посильный вклад в это дело как в процессе учебно-воспитательной работы в УГПИ-УдГУ, так и в лекционной работе перед населением по линии общества «Знание». И его книга «Что такое христианство?» написана как раз в русле научно-атеистической работы. Однако, обратим внимание на корректные, в целом, формулировки, уважительное отношение к историческим источникам, отсутствие оскорбительных характеристик в русле идеологического «погрома». Думается, что сам автор, претерпевший судьбу репрессированного, бывший на протяжении ряда десятков лет под подозрением и хорошо знавший на своем опыте давление властных структур, тщательно взвешивал и лексику, и фразеологию написанного им.

Искреннее желание В.Е. Майера избавить общество от религиозного заблуждения сквозит и в другой его брошюре «Модернистские тенденции религий и церквей на современном этапе», изданной в 1979 г. обществом «Знание» как методическое пособие в помощь лектору¹³. Для начала составитель пособия разъясняет лектору понятие «модернизация», применительно к религиям, а точнее – на примере эволюции христианства и ислама, и приходит к выводу, что «приспособленчество (к конкретным условиям – Л.М.) давно стало характерной чертой для любой религии и церкви»¹⁴. Далее Василий Евгеньевич ставит вопрос – какие религии и церкви существуют? И разъясняет, что внутри двух мировых религий – христианства и ислама - существуют различные церкви, о первом он уже говорил в предыдущей книге (см. выше – Л.М.), а во втором отмечает два главных направления – сунниты и шииты. Касаясь Удмуртии, ученый упоминает три христианские церкви (православная, старообрядческая, евангельско-баптистская) и некоторые секты. Он указывает причины модернизации, связываемые с изменившимися общественно-политическими и социально-экономическими условиями и подчеркивает, что особенно сильно эти перемены сказались на верующих в странах социализма, что заставляет церковников приспособляться особенно основательно. В то же время автор обращает внимание лектора на то, что модернизация свойственна и другим странам, к тому же она

¹² См. об этом: Балыбердин А., св. Безумие: Хрущевские гонения на Вятской земле. Вятка (Киров), 2006.

¹³ Майер В.Е. Модернистские тенденции религий и церквей на современном этапе: (Методический материал в помощь лектору). Ижевск, 1979. 16 с.

¹⁴ Там же. С. 3.

проявляется во многих конкретных событиях. В качестве необычного примера В.Е. Майер называет избрание папой римским в 1978 г. «сына рабочего, поляка, участвовавшего в движении Сопротивления» - Иоанна-Павла II¹⁵.

Далее историк рассматривает конкретный процесс модернизации на материалах мусульманской церкви. В частности, он отмечает резко возросшую роль проповедей, ставшей центральной формой деятельности священников, причем ведут их они не на арабском языке, мало понятном для неарабской аудитории, а на родном. Любые положительные или великие перемены в обществе, с точки зрения мулл, совершаются с благословения Аллаха. Автор напоминает лектору, что мусульманская церковь признала советскую власть в России раньше, чем православная, и объявила о своей поддержке новой власти. Это объясняется тем, что до этого она зависела от Синода и православной церкви – лишний штрих в пользу более мобильной модернизации ислама¹⁶.

Православная церковь также приспосабливается к новым реалиям, в частности, вместо конфронтации с Советской властью высшие иерархи заняли примиренческую позицию. Это сказалось в позиции церкви во время и после Великой Отечественной войны. И в православии роль проповедей значительно возросла. От признания Советского государства церковь пришла к допущению революционного и эволюционного развития общества, истолковывая их, естественно, по-своему. Точно также стала наблюдаться социальная переориентация, например, стали утверждать, что «идеалы коммунизма были близки первоначальному христианству, а Иисус Христос был первым коммунистом» и т.д.¹⁷ Наблюдается явный отход или пересмотр ряда мифических сюжетов, исходящих из Библии, которые ныне трактуются как поучительная мораль. Эти модернистские тенденции вызывают возражения ряда церковных деятелей, взгляды которых приводят к их изгнанию от руководства епархиями или приходами¹⁸.

В заключение В.Е. Майер дает ряд методических советов организаторам атеистической работы, которые можно свести к следующим пунктам.

1. «...Религия – есть частное дело только по отношению к государству. Церковь отделена от государства. Конституция гарантирует свободу совести. Но религия не является частным делом для партии. (...) Ленин считал идейную борьбу с религией азбукой марксизма, общепартийным, а не частным делом»¹⁹.

¹⁵ Майер В.Е. Модернистские тенденции религий и церкви на современном этапе: (Методический материал в помощь лектору). Ижевск, 1979. С.5

¹⁶ Там же. С.9

¹⁷ Там же. С.11

¹⁸ Там же. С.13

¹⁹ Там же.. С. 13.

2. В.И. Ленин «...подвергал беспощадной критике богостроителей, которые пытались соединить религию с марксизмом. (...) Для нас, марксистов-ленинцев, религия есть опиум народа»²⁰.

3. Нельзя сводить атеистическую работу к компанейщине. Она должна проводиться постоянно, причем как с верующими, так и с неверующими. «В единении всех людей нашей страны – наша сила. (...) В то же время нельзя предоставить церкви «возможность выступить инициатором на трудовом фронте»²¹.

4. Необходимо работать со всеми людьми, невзирая на то, неверующие они или атеисты, чтобы укреплять их атеистические убеждения и «постоянно информировать их о тех манипуляциях, которым подвергают людей религии и церкви, расширять их знания и общий кругозор»²².

5. «...Необходимо выявлять причины и поводы, толкающие отдельных людей в церковные объятия. Беседовать с верующими индивидуально. (...) Не бояться разговора о боге и церкви. Умело внушать им антирелигиозные мысли»²³.

6. «Наш атеизм гуманен по своему существу. Цель его состоит в освобождении человека от духовного гнета религии. (...) Мы не имеем права оскорблять чувства верующих»²⁴.

7. «Воинственность нашего атеизма заключается в организации последовательной, убедительной, действенной и доходчивой пропаганды»²⁵.

8. «Мы не должны мириться с верой в бога. (...) Но мы не должны администрировать против религии, запрещать ее, устраивать обструкции по отношению к верующим, глумиться над ними. Наша атеистическая пропаганда должна быть спокойной, выдержанной, терпеливой»²⁶.

9. «Против религии мы боремся идейными средствами, без шума, но постоянно и уверенно. Нам дорог любой человек. Освободить его от ложных воззрений, дать ему возможность стать на наши позиции – вот наша цель»²⁷.

10. «Работа атеистов должна вестись непрерывно. (...) Освободить разум от оков – благородная цель коммунистов»²⁸.

11. «Работая с людьми индивидуально, не следует выпячивать религиозный вопрос на первый план»²⁹. В конце текста В.Е. Майер приводит рекомендуемую литературу – 4 статьи из журнала «Наука и религия».

²⁰ Майер В.Е. Модернистские тенденции религий и церквей на современном этапе: (Методический материал в помощь лектору). Ижевск, 1979. С.13-14.

²¹ Там же. С. 14.

²² Там же.

²³ Там же. С. 14-15.

²⁴ Там же. С. 15.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 15-16.

Данное методическое пособие показывает насколько глубоко, продуманно и грамотно Василий Евгеньевич представлял себе атеистическую работу. Опираясь на его разработки, пропагандист мог успешно осуществлять одну из важнейших задач по воспитанию человека с незамутненным религиозными догмами мировоззрением.

Помимо рассмотренной нами брошюры, В.Е. Майер написал не менее десяти статей на антирелигиозные темы в газетах Удмуртии, что лишний раз подтверждает его пристальное внимание к вопросам пропаганды атеизма³⁰.

Конечно, сейчас мы живем в совершенно другой системе координат, не строим социализм и коммунизм, не проповедуем безрелигиозность нашего общества, допустили в страну различные религиозные течения и секты, в т.ч. деструктивные, а порой и просто опасные для духовного и физического здоровья человека, забыли мудрый тезис философа «Свобода – это осознанная необходимость» и, по существу, провозгласили вседозволенность! Известные статьи Конституции РФ о свободе совести фактически трактуются как попало, не учитывая далеко идущие последствия этой беспринципности.

Может быть я покажусь ретроградом, но убежден, что атеистическая работа в какой-то форме должна проводиться обязательно. Особенно это касается подрастающего поколения – наиболее восприимчивой к новому части нашего общества – нуждающегося в научном мировосприятии.

Считаю, что труды Василия Евгеньевича Майера о вопросах религии и атеизма, несмотря на всю их идеологизированность, не только по-прежнему достойны внимания, но и могут после известной корректировки использоваться в практической работе по атеистическому воспитанию в новых условиях.

²⁹ Майер В.Е. Модернистские тенденции религий и церквей на современном этапе: (Методический материал в помощь лектору). Ижевск, 1979. С. 16.

³⁰ Майер В. Философия но атеизм // Советской Удмуртия. 12 марта 1972; Атеистическая пропаганда // Удмуртская правда. 12 мая 1972; Школа, религия, но нылпиос // Советской Удмуртия. 10 сентября 1972; О чем говорят факты (рубрика «На атеистические темы») // Удмуртская правда. 9 февраля 1980; Кыззы кылдиз религия // Советской Удмуртия. 22 декабря 1981; Атеизм и задачи атеистического воспитания // Путь Октября (Ува). 12 января 1982; Кризис религии и задачи антирелигиозного воспитания // Путь Октября (Ува). 12 января 1982; Сущность и происхождение религии // Путь Октября (Ува). 23 января 1982; Ленинское учение о религии и путях ее преодоления // Буммашевец. 28 января 1982; Атеистическое воспитание молодежи // Удмуртская правда. 23 января 1985.

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ. ВОСПОМИНАНИЯ О В.Е. МАЙЕРЕ

БЛАГОДАРИЮ СУДЬБУ

А.И. Орлова

Удмуртский государственный университет

Благодарю судьбу за то, что подарила мне знакомство и сотрудничество с великим человеком, каким был Василий Евгеньевич Майер. На самом деле его звали Вильгельм Евгеньевич, но он облегчил русскому артикуляционному аппарату трудное произношение его двучастного имени.

Мое первое знакомство с Василием Евгеньевичем произошло в начале сентября 1961 г., когда я пришла устраиваться на работу в УГПИ на факультет иностранных языков, деканом которого был тогда еще доцент Майер В.Е. Меня встретил молодой человек с красивым голубоглазым приветливым лицом, в котором светилась доброта и умеренная серьезность. Да это и понятно: мне было 24 года. Он проверил меня на профпригодность, говорил со мной на хорошем немецком высокого стиля и, когда убедился, что я реагирую правильно и неплохо владею языком, задал мне такой вопрос: «На каком курсе желаете работать?» Я не ожидала такой благородной реакции, я очень хотела работать в ВУЗе по принципу «что дадут», а тут вдруг такой выбор. Я выбрала старшие курсы, чему Василий Евгеньевич очень удивился. Мне пришлось объяснить это свойствами моего характера и темперамента, которые были отмечены педагогами ЛГУ, дававшими мне на практике в школе только девятые и десятые классы. И Василий Евгеньевич согласился. С тех пор он стал наблюдать за моей деятельностью на факультете, и я рассказывала ему, что и как я делаю, как пополняю библиотеку на немецком языке, которая была довольно скудной. Но так как методы моей работы и методы работы на факультете несколько различались, и я не хотела отступать от того, чему и как меня учили в ЛГУ, то мне приходилось преодолевать некоторые неудобства и трудности. Кафедра засомневалась в качестве моего труда и попросила В.Е. Майера проверить результаты на качество. Он пришел к нам в группу (тогда это был второй семестр первого курса) и прочитал лекцию на немецком языке о средневековом искусстве Германии, сопровождая лекцию прекрасными иллюстрациями. Студенты поняли все, кроме слова *Versteigerung* (аукцион), а в конце лекции студент Павел Иванов поблагодарил Василия Евгеньевича за прекрасную лекцию на хорошем немецком. Профессор Майер (к тому времени он был уже доктор наук!) остался доволен и спас мою репутацию.

Мы нередко ходили вместе домой, нам было по пути, и Василий Евгеньевич рассказывал мне о своей жизни, о жизни родителей. Лютеровский протестантизм раскололся на мелкие течения, и его родители были меннониты. Он говорил о трудностях послевоенного времени, которые мы все пережили, но никогда о том страшном положении, в котором он сам находился и которое так терпеливо и достойно переносил и перенес. Это был высоко благородный человек.

Семья пребывала в большом материальном стеснении, а отец Василия Евгеньевича Майера был мастер на все руки. Так, он умел хорошо шить и шил костюмы только с помощью ножниц и иголки, так как никакого «Зингера» у них тогда не было. Это было подспорье в семье: костюмы были великолепными.

Василий Евгеньевич не был начетчиком, он умел ценить и уважать людей, даже когда они оступались. На одном из партсобраний (а мы нередко сидели рядом) обсуждали одного нашего коллегу за его проступок, обсуждали, как обычно, горячо и дружно. А он вдруг говорит мне: «Да о чем речь, просто парень не умеет пить! Никакой он не алкоголик».

Среди многих курсов лекций, которые я читала на факультете, был курс истории и культуры Германии, который поручил мне В.В. Поздеев. Я любила этот курс, поскольку любила историю и читала его с удовольствием на немецком языке. Так получилось, что я внезапно заболела и находилась в больнице, и В.В. Поздеев попросил В.Е. Майера продолжить курс, предоставив ему мою программу. Оказалось, что Василий Евгеньевич одобрил мою программу и по моем возвращении сказал мне: «Единственный недостаток Вашего курса – отсутствие историографических данных, а в остальном, Вы – прирожденный медиевист, переходите на нашу кафедру». Это была для меня ошеломляющая оценка, и тайные мысли стать историком долго не покидали меня.

А потом было общество германо-советской дружбы (Ижевское отделение), председателем которого был В.Е. Майер. Здесь он проявил себя как великолепный мудрый организатор по распространению знаний по истории и культуре Германии и, в особенности, ГДР.

Василий Евгеньевич привлек к этой работе крупных деятелей республики и города, директоров заводов, школ, писателей (в частности, Флора Ивановича Васильева), комсомольских активистов, студентов и преподавателей исторического факультета и факультета романо-германской филологии. Секретарями общества были А.Е. Шапкин и автор этих строк. Мы работали с интересом и интенсивно: выступали с докладами в годовщины ГДР в кинотеатрах, на телевидении, ездили по районам республики к российским немцам, приглашали на праздники ГДР работавших у нас в городе немцев из ГДР и ФРГ. Те и другие удивлялись такой работе в стенах нашего университета. Они с удовольствием смотрели наши концерты и слушали немецкие

песни, особенно народные, из которых они сами знали лишь по одному куплету. Общество ГДР – СССР – это была эпопея. Из ГДР мы получали бесплатно все немецкие газеты, журналы, даже дорогую «Wochenpost» (еженедельник), фильмы DEFA (Deutsche Filmaktiengesellschaft), а из ФРГ фильм «Кто Вы, доктор Зорге?», пластинки и радиопередачи, которые обогащали процесс обучения. В Берлин мы посылали поздравительные телеграммы, открытки-послания, написанные готическим шрифтом, которые выполняла секретарь В.Е. Майера Лилия Владимировна Ефремова, обладавшая сходной немецкой ментальностью, как и ее шеф. И, разумеется, душой и вдохновителем всей нашей работы был профессор Майер Василий Евгеньевич.

Мне вспоминается такой случай, очень характеризующий Василия Евгеньевича как благородного человека, нормально ведущего себя в обычных жизненных ситуациях. Мы часто собирались на совещания (я имею в виду общество ГДР – СССР). И Василий Евгеньевич никак не мог найти меня на кафедре (у нас дома не было телефона). Он взял адрес и пришел к нам домой (я уже говорила, что нам было по пути), поднялся на пятый этаж с нашими ужасными лестницами и разговаривал с моей мамой (меня дома не оказалось). Потом мама меня спрашивала: «Кто этот благородный человек, что пришел к нам в дом, разве такие люди есть еще на свете?» И я объясняла маме: «Этот благородный человек – профессор Василий Евгеньевич Майер, доктор наук, большой ученый российского и мирового масштаба». Мама была счастлива, что не перевелись еще такие люди на свете и у нас в стране.

Еще вспоминаю случай. Я защищала диссертацию и советовалась с Василием Евгеньевичем о том, что, может быть, неубедительно себя веду, когда встречаю, объясняя свои постулаты, некое равнодушие, схожее с непониманием, в то время, как я знаю, что я права. Он ответил: «Я испытывал подобное чувство в МГУ при защите докторской, ища согласия, наткнулся на равнодушие». Он сказал, все дело в том, что люди не знают, чем вы занимаетесь, и не могут реагировать адекватно, поэтому к такому явлению надо относиться философски и не слишком расстраиваться. Это было так убедительно, что я полностью с этим согласилась.

Василий Евгеньевич Майер был большим человеком, каких мало. Он рано ушел из жизни, он многого натерпелся и стоически все выносил. Был невыездным. Только раз он ездил по Дунаю на пароходе в Венгрию и рассказывал мне, как венгры удивлялись его знаниям об их стране, они ведь не знали, с каким универсальным человеком они встретились.

Василий Евгеньевич оставил много учеников. И они берегут память о нем, о чем свидетельствуют ежегодные «Майеровские чтения». Он – история факультета, университета, исторической науки.

В жизни каждого человека встречаются люди, повлиявшие на жизненный выбор. Такой знаковой фигурой для меня стал Василий Евгеньевич Майер. Впервые я увидел его в августе 1979 г. во время сдачи вступительного экзамена по истории. Хорошая сдача главного предмета открывала блестящие перспективы поступления, и волнение перед экзаменом было большим. Но обаяние и доброжелательность Василия Евгеньевича, проявляемый им интерес к каждому студенту сняли напряжение. Тогда я не мог знать, что он известен не только у нас, но и за рубежом, и когда я на следующий день после сдачи истории в приемной комиссии услышал его хорошие отзывы о моем ответе, я был чрезвычайно рад и благодарен. Несколько позже, на выпускном вечере Василий Евгеньевич признался, что не случайно он выделил меня еще на первом курсе.

Так случилось, что мне не раз доводилось беседовать с В.Е. Майером. Порой это происходило прямо на улице, по пути в университет или на факультет. Василий Евгеньевич всегда охотно отвечал на вопросы, рассказывая о своем периоде жизни в Увинском районе. У него всегда было особое отношение к Уве и, даже прощаясь, пообещал приехать на Уву, но, к сожалению, этому не суждено было сбыться. Еще один эпизод, связанный с Василием Евгеньевичем, запечатлелся в моей памяти. На 5 курсе я проходил практику в старших классах одной из школ г. Ижевска. Класс оказался довольно любопытный и, чтобы заинтересовать ребят, я набрался смелости пригласить настоящего историка – профессора В.Е. Майера. Василий Евгеньевич охотно согласился и появился в школе. Его беседа с ребятами затянулась надолго, все было интересно и увлекательно. Даже самые «скучные» темы (например, основные положения «Капитала» К. Маркса) воспринимались совсем по-другому, побуждая повнимательнее вчитаться в материал.

Василий Евгеньевич стал примером для меня. Его доброе, внимательное отношение к коллегам и ученикам, личная скромность и доброжелательность, неподдельный интерес и желание помочь – достойные черты настоящего российского интеллигента. Светлая память о Василии Евгеньевиче и благодарность ему всегда присутствуют в моей жизни.

Имя Василия Евгеньевича Майера слышала с детства. О нем часто говорили в нашей семье, восхищались им. Мои родители, как и многие другие украинские немцы оказались в Удмуртии после репатриации из Германии в 1945 г. Находились на спецпоселении в г. Глазове, п. Рябово работали на лесокомбинате. Отец очень гордился тем, что родился там же где и Майер – в с. Высокополье Херсонской области.

Моя единственная случайная встреча с Василием Евгеньевичем произошла в УдГУ в 1981 г. Тогда я опоздала с поступлением, шла расстроенная по коридору и буквально столкнулась с ним, уронив документы. Василий Евгеньевич помог мне их собрать, увидев мою фамилию, улыбнувшись, спросил: «Это Ваша фамилия? Вы немка?» В ответ я утвердительно кивнула головой. «А историей своей семьи интересуетесь?». Я ответила, что это никому не нужно, да и родители стараются избегать рассказов о своем прошлом, редко говорят с детьми по-немецки. Я торопилась, и уже у выхода Василий Евгеньевич мне сказал: «А историю семьи исследуйте непременно! И обязательно учитесь!»

Дома, услышав об этой встрече, мои родители очень удивились: «Как же ты самого профессора Майера не узнала!?» Спустя годы, я часто вспоминала эту встречу и только через 10 лет начала изучение истории своей семьи, а став студенткой истфака ГГПИ продолжила исследования по этой теме.

Я открывала много нового и интересного не только для себя и членов нашей семьи, но и для родственников, знакомых, коллег и студентов. Мои исследования продолжают дочь Ирина, студентка ГГПИ и студенты Увинского профессионального колледжа.

Чувствуя признательность и благодарность немцев, проживающих в п. Ува (а их более 80 человек), хочется для них еще многое сделать. Нас объединяют созданные в поселке Общество немецкой культуры и Центр национальных культур, которые помогают сохранить и передать будущему поколению накопленные знания и опыт, чтобы они не закатились под лавку древности. В сентябре мы помогли открыть в краеведческом музее выставку: «Увинские немцы: от депортации до возрождения». Отрадно отметить, что немцы оставили свою страницу в истории развития Увинского района: Генрих Генрихович Эйзенбардт (Бывший директор Увинского РЭС, ныне проживает в Германии), Франц Францевич Янцен (бывший Зав. РОНО Увинского района), Александр Филиппович Штумф (Глава администрации Увинского района) и, конечно, Василий Евгеньевич Майер – профессор, историк-ученый, о котором знают и помнят в п. Ува и в Увинском районе.

Е. М. Русских
Студентка Мултанского педучилища в 1943-44 гг.

В 1943 г. приехал новый учитель истории, фронтовик. Ходил в потертой шинели, зима была очень холодной. Всю зиму ходил в школу: на одной руке перчатка, книги под мышкой, а другая рука на груди под шинелью. Нас, учеников, это беспокоило, потому что у самих руки мерзли без варег.

Как учитель Василий Евгеньевич уроки вел спокойно, не повышая голоса, понятно объяснял. На уроках была тишина, все слушали спокойно. При ответе учащихся поддерживал в рассказе.

В школе, в селе жители уважали Василия Евгеньевича. Он был выдержанный, спокойный, уважительный, культурный. Можно было обратиться с любым вопросом, всегда посоветует, чем-то поможет, поддержит, хотя сам жил в такой же нужде, как и мы.

В 1944 г. педучилище перевели в пос. Ува, где Василий Евгеньевич принимал вступительные экзамены у поступающих в Увинское училище.

Г.П. Субботина (Уланова)
*Отличник просвещения СССР,
студентка Мултанского педучилища в 1943-44 гг.*

Василий Евгеньевич Майер был у нас учителем истории на втором курсе педучилища. Человек простой, очень и очень грамотный, спокойный, вежливый, добрый, аккуратный. Его лекции были очень интересные и содержательные. Он никогда не смотрел в конспект, всегда все говорил только на память. Со студентов требовал точных ответов, но двойки не ставил; умело и доступно задавал вопросы. За его деловитость, отличные знания был очень уважаем студентами. В его лекциях мы никогда не слышали материалов из учебника, поэтому старались их конспектировать. В.Е. Майер и сам высоко оценивал ответы студентов, которые были из других источников, а не только из учебника. Перед чтением лекции сначала ставил вопросы, а после лекции всегда делал вывод, обобщение. Почему-то студенты всегда его называли просто «Майер». Ходил он всегда с улыбкой, активно участвовал во всех мероприятиях педучилища, отлично танцевал, пел военные песни.

В.Ф. Ситников

Кавалер ордена Трудового Красного Знамени, заслуженный строитель УР, почетный гражданин Увинского района.

В 1941 г. я учился в 6 классе Новомултанской школе Увинского района. У нас появился учитель по немецкому языку. Очень приятный человек, внимательный, культурный. Он сразу привлек нас своим добрым отношением. Он очень спокойно вел свои уроки. Но примерно через полтора месяца у нас его не стало: говорили, что он уехал в Ижевск. Что он успел в нас вложить? Детская память моя сохранила слова: «Гутен морген – Доброе утро, Гутен таг – добрый день, даз Вентер – Зима, Ауфвидерзейн – До свидания» и т.п. Если бы он учил нас и дальше, уверен, что мы бы спокойно разговаривали с ним по-немецки к концу учебного года – он так легко и понятно носил до нашего сознания.

Но в 1942 г. мне пришлось вовсе оставить школу и идти работать. И только после службы в Советской Армии, повторения 6 класса (через 11 лет), окончания 7 класса в школе рабочей молодежи, окончания Ижевского индустриального техникума (1956-1959 гг.), в 1964 г. поступил в Удмуртский педагогический университет. Тогда я вновь увидел этого удивительного человека, Майера Василия Евгеньевича. Когда он зачитал нас пофамильно – удивленно взглянул на меня, а в перерыв, разговаривая по-своему со всеми в коридоре, спросил меня: «Ты не из Мултана?». Я напомнил ему о 1941 г., а он с интересом расспрашивал обо всех Ситниковых, вспомнил молодость и те добрые отношения.

Нам он преподавал историю, вел уроки и а религиозные темы: о христианской, мусульманской, буддистской вере. Его было приятно слушать. Он был очень порядочным, простым, культурным, вполне доступным человеком. Это во всем образец для подражания.

Царство ему Небесного.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безносова Ольга Михайловна – заместитель директора ГКУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики», г. Ижевск

Благодатских Александр Аркадьевич – преподаватель ГОУ СПО «Увинский профессиональный колледж», п. Ува

Бондарева Елена Олеговна – соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

Ворожцов Сергей Святославович - член Увинского отделения Российского общества историков-архивистов, член Приходского собрания Прихода Храма Покрова Пресвятой Богородицы с. Новый Мултан Увинского района Удмуртской Республики

Леконцев Петр Витальевич – учитель МОУ СОШ с. Рябово

Лукина Светлана Германовна – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук, г. Ижевск

Любимова (Эстерлейн) Елена Александровна – преподаватель ГОУ СПО «Увинский профессиональный колледж», п. Ува

Макаров Леонид Дмитриевич – старший научный сотрудник института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, доктор исторических наук, г. Ижевск

Матюшин Петр Павлович – директор МОУ «Новомултанская СКОШ-И», с. Новый Мултан

Мельникова Ольга Михайловна – заведующая кафедрой истории Удмуртии Удмуртского государственного университета, доктор исторических наук, г. Ижевск

Мерзлякова Любовь Владимировна – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук, г. Ижевск

Орлова Александра Ивановна – профессор кафедры германских языков института иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета, кандидат филологических наук, г. Ижевск

Останина Таисия Ивановна – старший научный сотрудник Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда, доктор исторических наук, г. Ижевск

Отец Максим Пислегин – студент исторического факультета Удмуртского государственного университета, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы с. Новый Мултан

Пудов Александр Иванович – краевед, председатель общества историков-архивистов Увинского района, с. Новый Мултан

Русских Екатерина Михайловна – студентка Мултанского педучилища в 1943-44 гг., с. Новый Мултан

Савельева Марина Геннадьевна – доцент кафедры педагогики и педагогической психологии института педагогики, психологии и социальных технологий Удмуртского государственного университета, кандидат педагогических наук, г. Ижевск

Ситников Владимир Федорович – Кавалер ордена Трудового Красного Знамени, заслуженный строитель Удмуртской Республики, почетный гражданин Увинского района, с. Новый Мултан

Старкова Надежда Юрьевна – декан исторического факультета Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

Субботина Галина Петровна – студентка Мултанского педучилища в 1943-44 гг., с. Новый Мултан

Туркевич Андрей Львович – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

Шапран Ирина Григорьевна – научный сотрудник института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук, г. Ижевск

Шишкина Наталья Геннадьевна – заведующая кафедрой истории древнего мира и средних веков Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент, г. Ижевск

Шумилов Евгений Федорович – профессор кафедры философии и социологии права института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, председатель Ижевского отделения Российского общества историков-архивистов, доктор исторических наук, г. Ижевск

Участники круглого стола

Работа круглого стола

Выступает Н.Г. Шишкина,
к.и.н., доцент, заведующая кафедрой истории древнего мира
и средних веков Удмуртского государственного университета

Отец Максим Пислегин,
настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы с. Новый Мултан

Н.Ю. Старкова, к.и.н., доцент, декан исторического факультета УдГУ

В Музее ГОУ СПО «Увинский профессиональный колледж»

Здание Увинского педучилища в 1940-е гг.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы с. Новый Мултан

В.Е. Майер – оперуполномоченный НКВД в лагерях военнопленных
1942-1943 гг. (?)

В.Е. Майер ведет занятия в Увинском педучилище

В.Е. Майер со студентками Увинского педучилища

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Ижевское отделение «Российского общества интеллектуальной истории», кафедра истории древнего мира и средних веков Удмуртского государственного университета продолжают издание ежегодного межвузовского сборника научных трудов «ИСТОРИК И ЕГО ДЕЛО» (Серия памяти профессора В.Е. Майера) и приглашают к сотрудничеству.

Редакционная коллегия принимает материалы (статьи и сообщения) по следующим разделам всеобщей истории:

- История и культура древнего мира (Восток, Греция, Рим)
- История и культура стран Европы в средние века и новое время
- Проблемы германской истории и культуры
- Источниковедение (тексты – переводы – комментарии)
- Историография всеобщей истории

Также в структуре сборника могут быть представлены разделы:

- Рецензии
- Научная хроника
- Из научного наследия, воспоминания

Требования для публикации: *Объем* от 0,25 – научные сообщения, до 1 авторского листа – статья (10 – 40 000 знаков с пробелами). Статья должна быть предоставлена в *электронном виде* (редактор Word 2003-2007, формат docx.). Межстрочный интервал – *одинарный*. *Шрифт* Times New Roman. Название и основной текст – 14 шрифт. *Ссылки* на литературу и примечания – 12 шрифт в виде постраничных сносок. Разрешаются общепринятые *сокращения*, остальные сокращения должны быть расшифрованы в скобках при первом употреблении. Греческие слова и тексты желательно выполнить в шрифтах WP Greek Century/Courier/Helve, либо сопровождать соответствующим шрифтом или указывать его разновидность.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы (публикуются в авторской редакции). Редакционный совет оставляет за собой право технической корректуры статей.

Публикация для авторов бесплатная. Гарантируем авторский экземпляр.

Тексты статей и другие материалы с указанием Ф.И.О., места работы, должности, ученой степени и звания, адреса (почтового и электронного) просьба присылать **до 1 декабря**.

Наш адрес: 426034, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2. Исторический факультет. Электронная почта: sredvek@udsu.ru, history@udsu.ru (с темой «Для сборника памяти В.Е. Майера»); телефон и факс: (3412)25-50-88 (деканат, доцент Старкова Надежда Юрьевна), 91-61-84 (кафедра древнего мира и средних веков, доцент Черниенко Денис Аркадьевич).

*Будем рады видеть Вас в числе авторов нашего сборника!
Редакционный совет, Администрация исторического факультета*

ИСТОРИК И ЕГО ДЕЛО

Серия памяти профессора В.Е. Майера

Материалы республиканского круглого стола
«Профессор Василий Евгеньевич Майер
и изучение локальной истории Удмуртии»

Выпуск 9

Публикуется в авторской редакции

*На обложке: Церковная школа. Аллегорическое изображение обучению
(средневековая гравюра)*

Отпечатано с оригинал-макета
Компьютерная верстка и техническая редакция – А.Л. Туркевич, Д.А. Черниенко

Подписано в печать _____ 2011 г.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,2
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Типография Удмуртского государственного университета.
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.